

Алексей ЖИВОЙ

КОЛОВРАТ

Знамение

Вторжение

Судьба

Военная фантастика
коллекция

Коловрат

Алексей Живой

**Коловрат: Знамение.
Вторжение. Судьба**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Живой А.

Коловрат: Знамение. Вторжение. Судьба / А. Живой —
«Издательство АСТ», 2022 — (Коловрат)

ISBN 978-5-17-151554-6

Афганистан. Конец войны советских войск с моджахедами. Спецназ наводит порядок в примыкающей к Пакистану провинции Кунар. Во время погони за «стингерами» Кондратий Львович Зарубин, потомственный казак и без пяти минут капитан спецназа, попадает в ловушку. После взрыва в блиндаже, начиненном взрывчаткой, его дух переносится в прошлое. Очнувшись, он обнаруживает, что живет теперь в чужом теле. Здесь его называют Евпатий Коловрат. Он боярин и военачальник, который служит рязанскому князю Юрию. На дворе 1235 год от Р. Х. Остается еще пара лет до Батыева нашествия, во время которого содрогнется Русь, а Рязань будет сожжена первой. И вот уже войско хана Батыя встало лагерем на Воронеже. По границам княжества назревает смута, а в самой Рязани растет смятение. Никто не знает, когда начнется вторжение, но нависшая над Рязанью угроза не пугает остальных князей Руси, привычно занятых своими распрями. Все выжидают. И только воевода родом из двадцатого века, уже предпринявший много тайных шагов для укрепления города, уверен — без подмоги Рязань все равно обречена. Случайно в руки Коловрату попадает древняя тайна, способная изменить ход истории. У обреченного города появляется надежда.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151554-6

© Живой А., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Знамение	8
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	34
Глава шестая	38
Глава седьмая	43
Глава восьмая	50
Глава девятая	59
Глава десятая	65
Глава одиннадцатая	73
Глава двенадцатая	81
Глава тринадцатая	87
Глава четырнадцатая	91
Глава пятнадцатая	97
Глава шестнадцатая	105
Глава семнадцатая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Алексей Живой
Коловрат:
Знамение. Вторжение. Судьба
сборник

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 50

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова
Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Алексей Живой, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Алексей Живой

КОЛОВРАТ

Знамение
Вторжение

Знамение

Глава первая

Ночной штурм

Темное предрассветное небо прочертил огненный шар и с треском разбился о самый край высокой бревенчатой стены, разбрызгав языки пламени вокруг себя. Горящая жидкость плеснула во все стороны, окатив стоявших за зубцами ратников в кольчугах. С шипением потекла вниз по стенам крепости, поджигая все на своем пути. Охваченные огнем воины побросали дымящиеся щиты и кинулись тушить огонь, который уже разъедал их тела, проникая под одежду. С дикими криками двое кубарем покатились вдоль подмостков, пытаясь сбить огонь, а еще двое сиганули с крепостной стены вниз, в надежде на спасительный снег, укрывавший все улицы осажденного города. Но оба промахнулись. Один упал на телегу с оружием, раздробив себе ребра. А другой угодил прямо на острый частокол, выстроенный внизу на случай прорыва. С мерзким чавканьем отточенные колья пронзили насквозь тело ратника, обагрившего своей кровью снег, до которого ему не суждено было добраться. Уже мертвый, с остекленевшим взглядом, он словно все еще пытался дотянуться до снега, вытягивая руки последним усилием и продолжая гореть. Капающая на снег кровь его в безумных отсветах этого пламени казалась черной.

Высоко над ними прочертила небо новая волна огненных шаров. Перелетев стену, она накрыла город. Несмотря на снег, лежавший повсюду, огненным зарядам удавалось быстро поджигать деревянные постройки. Первый угодил на крышу купеческого дома, раскололся надвое и заставил вспыхнуть огромный терем. В отсветах огня заметались полуголые люди. Кто-то в ужасе бегал по двору, кто-то старался вытащить из дома еще не сгоревшее добро, не понимая, что скоро весь город охватит всепожирающее пламя.

Второй огненный гостинец упал на амбары возле Успенского собора, запалив припасы монахов. Третий ударил в колокольню, с которой над осажденным городом разносился гулкий звук колокола, призывавший на битву. Звон прекратился, а ошпаренные огненной жидкостью монахи с воплями посыпались вниз. Такая же участь постигла и Спасский собор, все пространство вокруг которого тоже вскоре было охвачено пламенем. Казалось, нападавшие специально метили в храмы русичей, желая надругаться над их богом. Один величественный Борисоглебский собор стоял пока без урона. Лишь молчаливо зияла во тьме черная дыра на том месте, где была когда-то башня с колоколом, рухнувшая при недавнем землетрясении.

После начавшегося обстрела многие жители в панике разбежались по закоулкам. Самые смелые же, напротив, бросались в огонь, пытаясь тушить занимавшиеся церкви. Словно голодный огненный зверь, пожар быстро расползлся по городу, слизывая деревянные строения одно за другим.

Почти все воины были на стенах, ожидая нового приступа. Изможденные непрерывной осадой, они вглядывались в предрассветную мглу, то и дело разрывавшуюся огненными всполохами. Миновал пятый день осады, и счет приступов пошел уже на десятки. Воины князя Юрия стояли насмерть, но силы оборонявшихся русичей таяли на глазах, а к нападавшим подходили все новые и новые отряды.

Следом за огненными шарами в воздухе засвистели тучи стрел, поражая защитников города, что искали укрытия за острыми зубцами. Высокая бревенчатая стена, утыканная уже сотнями таких стрел, спасала многих. Но атаковавшие город степняки были меткими лучниками. То и дело кто-то из ратников испускал резкий крик и, схватившись за шею или пораженный в бок, падал со стены вниз. А стрелы, невидимые в ночном небе, продолжали жалить, унося жизни русичей.

Неожиданно мощный удар сотряс занявшуюся стену, заставив ходить ходуном доски под ногами ратников. Когда сильнее разгорелся огонь, – занялась боковина у городской башни

с главными воротами, – стало видно огромный таран, который нападавшие подкатили уже к самой стене. Смертоносное жало его было оковано блестящим металлом и более всего походило на голову барана или восточного чудища, изрыгающего огонь. Мост в главной башне был поднят, ворота крепко заперты, но за ночь глубокий ров оказался почти засыпан в этом месте бревнами и мерзлой землей до самого основания башни. По этой перемычке воины врага подкатили таран, который начал теперь методично разваливать стену. Новый удар сотряс ее до основания. Затем последовал второй. Третий.

Рядом, по обледелому склону рва, карабкаясь по длинным штурмовым лестницам, ползли вверх сотни пехотинцев в кожаных доспехах. А с той стороны рва, выстроившись в линию, расположились лучники врага, посылая стрелы на головы русских витязей. Позади них перемещались небольшие отряды легкой конницы. Быстро передвигаясь вдоль всей крепости, они то и дело пропадали в предрассветной мгле. Основные силы ордынцев таились где-то там, во мраке, дожидаясь своего часа.

– Господи, сколько ж тут незваных гостей понаехало, – выдохнул с паром изо рта бывалый бородатый ратник, поправляя шлем кольчужной рукавицей, – бьем их, бьем, а они, словно тараканы, ползут из всех щелей. А ну, Провор, задай-ка ближним жару. Покажи, что и у нас гостинцы имеются.

– Это мы разом, дядя Наум, – кивнул широкоплечий усатый воин в кожаной рубахе, отложив в сторону свой меч и алый каплевидный щит с набалдашником.

Затем, вместе с товарищем, он подхватил за боковые ручки чан с кипящей смолой, что висел на треноге в десяти шагах, и, осторожно ступая, приблизился к самому краю стены напротив тарана. Стрелы продолжали свистеть над их головами. Внезапный удар стенобитного орудия заставил ратников покачнуться. Смола в чане всколыхнулась, и несколько капель раскаленного зелья попало на рубахи. Не теряя больше времени, Провор ухватился за другую ручку, специально приделанную к чану с боку для такого случая, и подался вперед.

– А ну, – скомандовал он своему товарищу, – разом!

И они резко перевернули чан. Кипящая смола пролилась прямо на головы степнякам, уже раскачавшим таран для нового удара. Дикие вопли нападавших огласили окрестности главной башни. Наум, осторожно выглянув из-за зубца стены, увидел, как человек пять катаются у колес огромного стенобитного орудия, схватившись за черные от смолы головы. Еще трое обожженных воинов скатились в ров, остальные бросились назад, подальше от стены. Таран, облитый спереди смолой, прекратил терзать уже горевшую в нескольких местах стену крепости.

– А вы чего застыли, отроки, как заколдованные?! – рявкнул Наум на молодых ратников, столпившихся у края стены и глазевших на обожженных степняков, – хватайте ведра и бегом тушить пожар! Стена уже вон как занялась. Если огонь разгуляется, недолго нам за ней прятаться.

Ратники кинулись с деревянными ведрами к бочке, что стояла тут же, рядом с треногой для кипячения смолы.

В этот момент Провор, чуть ли не по пояс перегнувшийся через стену, чтобы насладиться зрелищем ошпаренных степняков, распрямился и с гордостью крикнул:

– Видал, дядя Наум, как мы их тепло приняли?

– Видал, – кивнул мудрый Наум и едва открыл рот, чтобы приказать схорониться получше, как шальная стрела с чавканьем вонзилась в шею улыбающегося ратника и, пронзив ее насквозь, вышла наружу. Кровь брызнула во все стороны. Провор оторопело взмахнул руками, потянулся ими к пронзенной шее, словно хотел выдернуть мешавшую дышать стрелу, харкнул кровью и рухнул вниз со стены, прямо на таран.

Его товарищ, стоявший в паре шагов, не успел ничего сообразить, как тоже получил стрелу в грудь. Пробив кожаную рубаху, наконечник вышел из спины. Ратник развернулся от

удара, и тут же вторая стрела вонзилась ему уже в спину. Русич упал на колени, постоял так мгновение и распластался у стены, испустив дух.

– Лучники! – скомандовал Наум, делая шаг назад и прикрываясь щитом. – Ко мне.

А когда возле него образовалась шеренга из двух десятков молодцов с тугими луками, добавил:

– Троим метить горящими стрелами в таран, поджечь его надобно. А остальным – послать ответ степнякам, чтоб знали, на кого руку подняли.

Стрелы русичей, волна за волной, тотчас полетели на дальнюю сторону рва, дав отпор нападавшим. С десятков ордынцев, пораженных русскими стрелами, скатилось в ров. Остальные отступили назад. На некоторое время над стеной даже перестали свистеть вражеские стрелы. Но на стороне врагов была тьма. Их было едва видно в сумерках, ибо рассвет не спешил наступать. А вот за спинами русских воинов уже разгорелся настоящий пожар. Языки пламени охватили добрую половину деревянных строений. И в отвесах пожара фигурки ратников, сновавшие по стене, были отчетливо видны нападавшим. Вскоре стрелы степняков вновь засвистели над шлемами защитников города.

Поджечь таран удалось лишь ненадолго. Заполыхавшее было пламя степняки быстро потушили, не считаясь с потерями от стрел русских лучников, что били почти в упор. Мертвых воинов, валявшихся под колесами стенобитной машины, безжалостно столкнули в ров. И, прикрываясь высокими деревянными щитами от хлеставших сверху стрел, придвинули таран еще ближе к стене. Вскоре новый мощный удар сотряс ее до основания. Настил под ногами ратников вновь заходил ходуном. Что-то затрещало, и несколько бревен из верхнего ряда, отколовшись, полетели вниз. Возникла брешь шириной с трех человек.

– Эх, распалились, поганые, – с досадой проговорил Наум, поглядывая на копошившихся у тарана степняков сквозь прорези шлема, закрывавшего переносицу, – того и гляди, рухнет стена. А ну-ка, ребятушки...

Но не успел он отдать лучникам новый приказ, как справа, на соседнем участке стены послышались крики и раздался звон мечей.

– Доползли-таки, – сплюнул Наум, увидев, как сразу несколько зыбких теней перемахнули через край и оказались на стене, схватившись с ратниками. – Эй, лучники, бей влет дорогих гостей. Только своих не покалечь. Остальные за мной! Не дай им растечься по стене!

И подняв меч, первым устремился на подмогу соседям. Тушившие пожар на стене молодые ратники побросали деревянные ведра и, схватившись оружие, бросились за своим сотником.

Едва Наум преодолел дюжину шагов, как перед ним вырос словно из-под земли воин в меховой шапке с раскосыми глазами. В руках он держал саблю и круглый щит. Издав визг, похожий на боевой клич, степняк быстро взмахнул клинком снизу вверх, вознамерившись полоснуть шею русича, поскольку тело его было надежно прикрыто доспехами. Наум был вооружен гораздо лучше степняка. И Наум не зевал. Он отразил атаку щитом – клинок врага лишь скользнул по краю, – а в ответ мгновенно нанес колющий удар, поразив противника в плечо. Степняк взвыл, выронив саблю, а Наум тут же обрушил на него второй удар сверху, вложив в него всю свою ненависть. Меч витязя рассек легкий кожаный панцирь и плечо нападавшего, едва не отрубив руку. А пока тот, обливаясь кровью, еще покачивался на ослабевших ногах между жизнью и смертью, Наум вновь резко взмахнул мечом. Срубил неприятелю голову, как кочан капусты. Рухнув на доски, окровавленная голова степняка подкатилась к ногам Наума, оставив за собой темную дорожку.

– Я тебя сюда не звал, – пробормотал витязь, – сам пришел.

Сплюнув в сторону, Наум пнул голову степняка сапогом. Та укатилась вниз по лестнице и быстро пропала в темноте, перекатываясь по ступенькам. Тело ордынца уже лежало замертво в трех шагах, плавая в луже крови.

В этот момент над ухом Наума просвистела стрела, пущенная своим же ратником. Едва успев отшатнуться – он уж решил, что свои хотели лишиться жизни, – сотник увидел, как второй степняк застыл в двух шагах с поднятой саблей в руке. Стрела пробила ему грудь. Оттолкнув в сторону мертвеца, Наум двинулся дальше на шум сечи, куда уже устремились, обгоняя его, молодые ратники. Они схватились с пятью степняками, двое из которых махали топорами не хуже русичей, привычных к такому оружию.

– Сколько ж вас тут сегодня собралось, – зло крикнул Наум, воткнув одному из них ловким ударом меч в подбрюшье, – только успевай подарки раздавать.

Выдернув окровавленный клинок, он краем глаза заметил бойца, который только показался над стеной, едва успев схватиться ладонью за ее край. В другой руке степняк держал саблю, а за спиной виднелся перекинутый на ремне щит.

– Тебя я тоже в гости не звал, – рявкнул сотник и хлестко рубанул по краю стены, отсекая врагу кисть. С истошным воплем, блеснув окровавленной культей в отсветах полыхавшего пламени, степняк рухнул вниз. Он упал прямо на головы своим соплеменникам, что ползли вслед за ним по штурмовой лестнице, увлекая всех за собой. А его отрубленная кисть так и осталась на стене, вцепившись мертвой хваткой в навешенные заточенные бревна.

Не успел Наум сделать шаг в сторону своих отроков, которые добивали проникших на стену ордынцев, как заметил край еще одной приставной лестницы, появившейся из мрака. Сотник шагнул к ней и разящим ударом расколол надвое череп поднимавшегося степняка, даже не заметив его лица. А затем, оглядевшись по сторонам – рядом не было никого, кто мог бы напасть, – приставил оружие к стене и схватился за край лестницы, снабженной захватными крюками. Наум поднапрягся, оторвал ее от края стены и оттолкнул, отправив в полет всех, кто уже полз по ней наверх. Сдавленные крики из темноты были ему ответом.

– Ну, вот и еще десяток приговорили, – радостно выдохнул Наум, подхватывая свое оружие и вновь бросаясь в самую гущу схватки. Прошло совсем немного времени, как Наум и его молодцы добились почти всех, кто залез на стену в этом месте. Сотник уже собрался отдать приказ вернуться к пролому и продолжать атаковать таран, но внезапно дальше по стене раздался новый крик и звон оружия, а затем и за спиной Наума послышалось то же самое. Там, где таран раскачивал стену, ордынцы исхитрились приставить лестницу и ворвались сквозь пролом наверх. Лучники, быстро развернувшись, встретили их меткой стрельбой и пока сдерживали, но те все лезли и лезли.

– Мало нас, – огорчился Наум, быстро оглядываясь по сторонам в поисках решения. Враги продолжали насаждать со всех сторон. Вдалеке вновь послышался шум атаки и звон оружия – новый отряд захватчиков взобрался на стену в сотне шагов. Заполыхала вторая башня. Стена у пролома разгорелась пуще прежнего, пока русичи отбивали нападение, перестав ее тушить. Дымом от пожара заволочло почти всю стену у главной башни, здесь стало трудно дышать и почти невозможно рассмотреть врагов.

Вдруг стену тряхнуло так, что Наум едва не упал. В десяти саженьях от него в край стены врезался огромный камень. Он раскрошил зубцы и смел с нее всех, кто дрался в этом месте. Трое ратников отправились к праотцам, превратившись в кровавое месиво. Людские кости смешались с деревянными обломками стены и просыпались вниз. Причем вместе со своими врагами. Стрелявшие не жалели даже своих воинов и посылали заряды в темноту не разбирая, лишь бы сломить сопротивление защитников города.

Второй удар пришелся ниже, стена содрогнулась и затрещала. Наум упал на одно колено. Еще несколько камней тяжело просвистело над стеной и обрушилось на крыши городских домов, превращая их в щепки. Один камень угодил в горящий дом, довершив его разрушение, – головешки разлетелись во все стороны, пришибив несколько метавшихся рядом людей. Они так и остались лежать в снегу, придавленные дымящимися бревнами.

– Пороки¹ подтянули, – сплюнул Наум в сердцах, – не удержать нам более стену.

И повторил, словно объясняя сам себе:

– Мало нас.

Он встал с колена, опершись на меч. Огляделся. Дым отнесло в сторону. Вокруг него сгрудился десяток лучников и несколько оставшихся ратников. Почти все, кем он командовал на стене, погибли за несколько дней осады. Новый удар – на сей раз тарана – сотряс крепостную стену до основания. Раздался треск, и от нее отвалился еще один кусок. Бревна рухнули вниз, придавив несколько воинов, спешивших на подмогу к защитникам. В месте образовавшегося пролома осталась едва ли половина высоты стены. И сотник понимал, что она выдержит от силы еще несколько ударов.

Наум перевел взгляд на городские улицы. Там, чуть поодаль, напротив башенных ворот, гарцевал на боевом коне облаченный в сверкающую бронь князь Юрий Игоревич². Выстраивал рать, чтобы дать последний бой захватчикам на улицах города. Удивился Наум князю, но понял, одобрительно покачав головой.

Три кремля было в Рязани, три города. Первый – великокняжеский. Тот стоял на высоком северном холме, возвышавшемся над обрывистым берегом Оки, где в нее впадала речка Серебрянка. Кроме реки, хранили его глубокие рвы со всех сторон. Был не тронут еще огнем княжеский кремль. Мог бы Юрий Игоревич там запереться, да осаду еще долго держать, но не стал.

С востока к великокняжескому кремлю примыкал Средний город, где вся знать служилая и торговая обитала. Там стояли церкви, там был дом и самого Наума, где жена с детишками прятались. Этот город уже горел местами, разрушенный пороками и подожженный огненными шарами степняков. Но свой дом еще мог разглядеть сотник, старавшийся прогнать от себя прочь мысли о том, что будет с женой его и дочками, когда степняки ворвутся сюда. А самый большой город, Столичный, где жил остальной люд, был окружен третьей крепостной стеной, южную часть которой держал сотник Наум. И держать дальше уже не мог.

– Вниз идем! – приказал Наум, набрав в голос твердости. – Князю помогать будем. Здесь более не устоим.

И добавил:

– Лучники, спину держать!

Подняв оружие, Наум двинулся вниз по лестнице на соединение с воинами князя. Пропустив вперед меченосцев и развернувшись, лучники пустили еще с десяток стрел в сторону пролома. Выиграв время, они устремились вдогонку за своим сотником, оставив стену ордынцам.

---

¹ Пороки – камнемётные орудия, катапульты.

² «Повесть о разорении Рязани Батыем» ошибочно называет рязанского князя Юрия Ингваревичем. У него был старший брат – Ингварь Игоревич. По одной из версий – погибший в 1235 году, еще до нашествия Батыя. Однако подтверждающих это фактов нет. Согласно той же «Повести» именно с Ингварем Игоревичем Евпатий Коловрат находился в Чернигове в момент нападения врагов на Рязань уже в 1237 году. // Но сам Ингварь также иногда упоминается в источниках с отчеством Ингваревич. Существует известная историкам проблема – был ли у Ингваря Игоревича сын Ингварь Ингваревич? Является ли Ингварь Игоревич одним лицом с приписываемым ему сыном, который часто упоминается в связи с событиями в 1237 году? По мнению большинства исследователей, здесь имеет место «династический фантом». Большинство историков «сына» Ингваря Ингваревича либо не признаёт, либо отождествляет с его отцом. // Учитывая все вышесказанное, в данном романе оба князя, Юрий и Ингварь, носят отчество Игоревичи.

Глава вторая

Средний город

Пробравшись между амбарами, примыкавшими к главной стене, Наум с горсткой своих воинов оказался на площади. Дорога от башенных ворот, что вела в Средний город, сходилась здесь вместе с несколькими улочками. А все пространство между внешней крепостной стеной и стенами Среднего города было застроено домами ремесленников разных мастей, мастерскими и амбарами. Площадь у башни окружали лавки. В мирное время здесь шла бойкая торговля. Сейчас же все было заколочено. Все, кто не сбежал и не воевал с оружием в руках, попрятались в домах и церквах, молясь о спасении. Часть домов и лавок уже была обращена пороками степняков в груды перемолотых бревен, остальные горели. Та же картина наблюдалась во всех кварталах.

Оказавшись с горсткой своих воинов возле князя, который уже выстроил войско из конных ратников и пехотинцев, Наум поклонился.

– Не удержать нам здесь более стену, княже, – сообщил он, выдохнув пар в морозный воздух, – не гневайся. Сдержали, сколь смогли.

– Вижу, пять дней справно бились, и то ладно, – коротко кивнул Юрий Игоревич, посмотрев на стену, вдоль которой уже не таясь сновали степняки, но еще малым числом. Затем князь вновь перевел взгляд на сотника и спросил, оглядев его малочисленных спутников:

– Все, кто остался?

Наум кинул.

– Будешь на правом краю биться. Бери половину моих пеших ратников под команду и держись. Отбросим ордынцев в пролом. Если не сдюжим, отойдем и будем Средний город держать. Авось успеет Ингварь с Евпатием и подмогой из Чернигова подойти.

Наум кивнул в ответ и окинул взглядом оставшееся в распоряжении князя войско. Здесь было конных витязей не более полусотни, за ними стояло еще несколько сотен пеших ратников, запрудив улицу. Все прочие находились на стенах в Среднем городе и кремле княжеском. Но осталось их немного, за пять дней бессменной осады почти всех прибрала смерть к рукам. А степняков за стеной счет шел на многие тысячи. Оставалось только и надежды на князя Ингваря с воеводой и дружиной помощников из Чернигова.

Не успел Наум додумать все это, выстраивая своих оставшихся ратников позади конных на правом краю, как раздался страшный треск, и стена возле башни рухнула под ударами тарана. Не успела древесная пыль опуститься, как пролом осветился ярким пламенем – то засверкали факелы в руках степняков, – и сотни их хлынули в город, словно огненное чудовище. «Ворвался зверь», – мрачно подумал Наум, крепче сжав рукоять меча.

– Пришло время умереть за землю нашу! – крикнул князь Юрий, перекрывая шум от катившейся на него волны степняков, вскинул меч и поскакал вперед, увлекая своих всадников на пешее воинство врагов.

Князь первым достиг степняков и врубился в их ряды, отсекая головы в меховых шапках. Вслед за ним ударили его конные витязи, опрокинули и остановили центр нападавших. Они топтали ордынцев конями, люто секли мечами, отрубали головы, руки с саблями и факелами. И почти отбросили врага обратно за стену, усеяв трупами мерзлую землю. Залили кровью степняков весь снег на площади, сделавшийся черным в предрассветных лучах солнца. Но, отступив назад в центре, растеклись степняки по окрестным улочкам и охватили отряд княжеский по краям, продолжая насаждать. Над головами сражавшихся свистели камни, пущенные из пороков, и стрелы, тысячами сыпавшиеся на город. А из пролома, вслед за пешими ордынцами, вдруг показались конные воины в тяжелых доспехах и ударили на дружину князя.

Силен и умел в бою был Юрий Игоревич. Многих степных богатырей своей рукой приласкал, жизни лишив. И еще больше дружина его покосила. Бились они так до тех пор, пока рассвет не наступил, и не позолотили лучи солнца маковки церквей, вокруг которых давно бушевал пожар. Лишь тогда, изрубив весь конный отряд степняков, оглядев оставшихся в живых и насчитав уже меньше половины, отступил князь от ворот к пешим ратникам.

В это время подскочил к нему гонец от сотника, что охранял западную стену.

– Князь, – крикнул он, перекрывая звон сечи, – пали Борисоглебские ворота. Прорвались и там ордынцы. Собор грабят. Монахинь сильничают.

– Держи эту дорогу, покуда сможешь, – приказал Юрий Науму, – а потом отходи к воротам в Средний город. Не удержаться нам здесь более.

Ускакал князь сквозь расступившихся ратников, прихватив с собой сотника Белояра и половину пехотинцев. Едва сомкнулись алые щиты оставшихся воинов, как из пролома вновь полезли степняки. То были опять пешие воины, но на сей раз новый отряд – в тяжелых доспехах, не уступавших броне русичей. Оглядел Наум свое поредевшее воинство и махнул рукой лучникам.

– Бей ворогов!

Тут же полетели стрелы в толпу ордынцев. Как ни метко стреляли русичи, но вскоре первые степные воины, пробравшись сквозь курганы мертвых тел на площади, ударили в самый центр русских порядков. Стали теснить их. А из пролома выбирались все новые и новые ордынцы. Сам Наум, что впереди своих воинов был, принял удар меча ордынского на щит и, отведя его, нанес свой. Метко ударил, в самое сердце, пробив прочный кожаный доспех с нашитыми на груди пластинами. Харкнул кровью широколицый воин и рухнул под ноги сотнику. Но на его месте тотчас возник новый. И того Наум изрубил на куски. Третий появился. Наседали ордынцы сильно, шли по своим же мертвецам, затоптав даже раненых, на коих никто не смотрел.

Долго стоял на месте отряд Наума, перемалывая врага, выгибаясь и медленно пятясь назад под непрерывным натиском, словно закованная в панцирь серебристая змея. Уже солнце на небосводе почти в самый верх поднялось. Но когда осталось от ратников не более трети, а гонцы донесли, что не только Борисоглебские ворота, но и Рязские с Оковскими в руках неприятеля оказались, понял Наум, что ждать далее нельзя. Уже полгорода Столичного степняки захватили. Промедлить немного – и путь к Среднему городу отрежут. Приказал отходить.

Отбиваясь от наседавших ордынцев, отошел отряд сотника под самые ворота в Средний город. Здесь вновь увидел Наум князя Юрия, что проскакал мимо него с дюжиной конных воинов, а пеших с ним вообще не было.

Махнул рукой князь Науму, мол, «заходи в стены и запирайся. Будем здесь оборону дальше держать». Успел при этом заметить Наум, что ранен был князь Юрий. Намокла от крови алая накидка на левом плече.

Едва успев затворить ворота перед напавшими ордынцами, Наум поднялся на стену Среднего города и, расставив людей по местам, взобрался еще выше на башню. Огляделся. Пожар поглотил уже больше половины ремесленных дворов, всю округу заволокло дымом, который изредка разгонял поднявшийся ветер. Другая часть построек была разрушена камнеметными машинами. Две церкви в Столичном городе горели. Почти везде уже хозяйничали ордынцы. Со стен было видно, как они отлавливали не успевших скрыться за стенами Среднего города людей и рубили их походя на куски, расстреливали из луков, забавляясь. Увидел со своего места на башне Наум, как опьяневшие от крови степняки убивали монахов Спасского собора. Ворвались внутрь, выволокли всех на мороз и стали приколачивать их к стенам домов, распиная как на кресте. А затем набросились на монахиню, что пыталась сбежать от них. И, содрав с нее одежды, за волосы затащили по снегу обратно в собор. Ее дикий крик, донесшийся

даже сюда, заставил Наума содрогнуться. Он невольно обернулся и посмотрел в сторону своего дома, небольшого терема с резной башенкой, до которого было уже рукой подать.

– Где же Ингварь с Евпатием и подмогой, – пробормотал себе под нос Наум, теребя бороду, – поспеют ли, пока нас всех не перебили?

Ответом ему был гулкий удар в башенные ворота – это степняки дотащили свой таран уже сюда. Сотник спустился с башни на стену и принялся за свое ратное дело. Надо было управлять обороной Среднего города, стена которого была почти на треть ниже главной. На ордынцев вновь полилась смола, полетели камни и стрелы. Все, кто был в городе, мужики и даже бабы, рвались на стены, чтобы помочь осажденным. Наум разрешил, рассудив, что если эту стену не сберечь до подхода помощи, то в княжеском кремле всем не отсидеться. Да и сам князь был здесь же. Хоть и ранен, а смотрел с башни за штурмом. Шлем снял, от стрел не прятался. Но сотник понимал, что это не от глупого геройства, а чтобы людям своим показаться. Когда сам князь здесь, и у остальных сил для битвы прибавляется.

Короток зимний день. Бой шел до самого вечера. Ближе к сумеркам ордынцы почти одновременно взобрались на стену в нескольких местах, проломили ворота и ворвались в Средний город. Защитников осталось к тому времени не более двух сотен. Юрий Игоревич велел отступить со стен и с боем идти к своему кремлю. Приказал всех людей, кто был в Среднем городе, отправить в княжеский кремль, хоть и понимал, что поздно уже. Степняки, пробившись через Спасские ворота, перекрыли путь к мосту через ров.

– Дорогу я пробью, – сказал князь, надевая шлем и стиснув зубы от боли в плече, – а ты всех людей собери и за мной пускай, а сам держись сколько сможешь. Все другие сотники погибли уже, один ты остался.

– Сделаю, княже, – мрачно кивнул Наум.

Князь усакал с отрядом конных ратников, коих было уже не больше трех дюжин. А Наум отправил гонцов по окрестным домам, чтобы людей выводили на центральную улицу, что вела в сторону княжеского кремля. И к себе домой гонца отправил, для надежности самого толкового из своих людей – лучника Данилу, чтобы жену Аксиныю предупредил и поторопил. Дом Наума аккурат посередине стоял меж стеной Среднего города и воротами в княжеский кремль.

Остальные воины его, которых едва полсотни набралось, спускаясь со стен, ручейками стекались к основному отряду. Этот последний отряд сдерживал натиск ордынских пехотинцев у ворот, перегородив главную улицу меж домами, и пытался по ней назад под градом стрел. Отовсюду, повинуясь княжескому приказу, на дорогу выходили люди. Много семей было с детьми и стариками. Скарба никто не брал, дороже жизни нет у русского человека ничего. Хоть у купца, хоть у крестьянина.

– Бегите! – кричал им Наум сквозь лязг оружия. – В сторону кремля. Князь вас примет!

Люди, как могли, бежали к мосту через ров, где шла жестокая сеча между ратниками. А Наум оборонял их бегство, сдерживая наседавших степняков. Пока он бился с пешими. Но вдруг из ворот показался отряд ордынских конников. Это были тяжеловооруженные воины в шлемах, длинных латах, юбкой спускавшихся до колен, и с копьями в руках. На лошадях тоже были защитные попоны, обшитые пластинами. Глядя на них, Наум сердцем почувал, что дело плохо. Блестя броней в лучах предзакатного солнца, они протекли сквозь захваченные ворота и разделились на три потока. Центральный ударил на отряд Наума, почти сразу опрокинув обессиленных воинов. Два остальных двинулись вдоль захваченных стен в обход ратников и с обеих сторон обрушились на горстку конных витязей, среди которых бился Юрий Игоревич, уже почти прорубивший себе дорогу в спасительный кремль.

Словно бурный поток налетели ордынцы на русичей и поглотили всех. Наум лишь успел заметить, как Юрий Игоревич отсек голову одному из ордынских богатуров, а второго в ярости разрубил до седла. Но третий налетевший всадник пронзил грудь князя длинным копьем,

сбросив его под ноги коню. Пропал князь в этом месиве людей и коней, а вслед за ним исчезли все до одного алые плащи русских витязей. Остались видны лишь доспехи ордынцев.

– Прощай, князь, – пробормотал ошеломленный Наум.

Но и его дела были не лучше. Мощным ударом степняки смяли оставшихся ратников и рассеяли их. Воины смешались с людьми, все еще бежавшими в сторону княжеского кремля. Всяк бился, как мог, погибая на месте. Атакующие ордынские всадники кололи всех без разбора, убивая бегущих женщин и стариков. На глазах Наума неподалеку от него один всадник поразил копьем в спину бежавшую женщину, которая прижимала к груди младенца. И поскакал дальше. Та упала, охнув. Но только оказавшись на мостовой в луже собственной крови, выпустила из рук ребенка. Младенец откатился от нее на шаг и закричал от страха. Следующий всадник походя пригвоздил ребенка копьем к доскам мостовой, заставив того замолчать навеки. Увидев это, Наум впал в бешенство.

Он подскочил сзади к всаднику и нанес удар в бок своим мечом. Ярость придала ему силы. Меч прошел в щель между латами и достиг сердца. Степняк рухнул вниз замертво, а Наум, не теряя ни мгновения, прыгнул в седло и, не оборачиваясь, погнал ордынского коня в сторону своего дома. Несколько стрел просвистело мимо, не задев сотника. Миновав несколько домов по пустой еще улице, он оказался у крыльца своего терема с резной башенкой. То, что он увидел, заставило закаленного воина содрогнуться.

На крыльце лицом вниз в луже крови лежал мертвый Данила, на спине которого зияла рана. Чуть поодаль от него трое мертвых степняков из пеших отрядов со стрелами в груди. Дверь в терем была распахнута. Оттуда доносились звуки борьбы и крик Аксины. Спрыгнув с коня, Наум в ярости ворвался в терем и увидел страшную картину. Две его любимых дочери, которым не исполнилось еще десяти годков, лежали на мокрых от крови досках, рассеченные почти пополам. Они даже не успели одеться и умерли в исподнем. А трое ордынских пехотинцев, отбросив оружие, насильовали его жену в углу на полатах. Лестница наверх терема мешала ему видеть лицо жены. Со своего места сотник разглядел только разорванный сарафан и разметанные волосы Аксины, которая истошно кричала и царапалась, но это только забавляло насильников. Двое держали ее, а третий, сбросив штаны, ритмично двигал задницей и хохотал от удовольствия.

Ордынцы были так увлечены, что не заметили ворвавшегося сотника. А когда заметили, было поздно. Наум зарычал и бросился вперед. Тому, кто первым покусился на честь его жены, он вогнал меч в спину, проткнув насквозь. А потом сдернул его полумертвое тело с жены и, развернув, полоснул лезвием промеж ног, отсекая поганый орган. На усатом лице насильника застыло удивление, быстро сменившееся дикой болью и ненавистью. Он умер, успев сообразить, за что и кем наказан. Двое оставшихся отскочили в стороны, но не успели дотянуться до оружия. Того, что был справа, сотник ослепил ударом в лицо, выколов глаза. Сломав переносицу, клинок пробил череп насквозь. Не дожидаясь, пока упадет тело, Наум рубанул по затылку третьего степняка, который в этот момент развернулся, чтобы схватить стоявший чуть поодаль клинок. Но не успел. С раскрытым черепом рухнул под ноги Аксины.

Покончив с ордынцами и отбросив свой меч, Наум упал перед ней на колени.

– Аксиныюшка, – проговорил он, протянув руки к растерзанной женщине, которая, забившись в угол, смотрела на него безумными глазами, – прости. Не уберег.

– На... ум, – прохрипела она, наконец, подняв глаза куда-то вверх.

И в этот момент он услышал за собой едва различимый шорох. Скрипнула ступенька на лестнице. Сотник дернулся к мечу, но ордынский клинок уже вошел ему в спину, прошив кольчугу насквозь. Наум застонал от резанувшей все тело боли, развернулся, чтобы дать ответ, но получил второй удар острием в грудь и упал спиной на полати, уткнувшись затылком в ноги своей жены.

– Где же Ингварь с подмогой, – еле слышно прохрипел, харкая кровью, Наум, – успеют ли?

И отдал богу душу.

Это было последнее, что услышала Акси́нья, прежде чем на ее голову обрушилась ордынская сабля.

Глава третья

Форма одежды N 8

Прищуриw правый глаз, в который светило медленно опускавшееся солнце, Кондрат Зарубин поправил усы и скользнул взглядом по изломанной линии гор, кое-где расцвеченной пожухлой зеленкой. Затем спустился еще ниже, по выстроенным рядком БМП-2³, и, наконец, перевел взгляд на своих подчиненных. Перед ним стояло сегодня целых тридцать два человека – сводный отряд, сформированный из третьей и четвертой разведгрупп первой роты. Буквально час назад Кондрату неожиданно поручили возглавить этот отряд для выполнения особо важного и, как всегда, срочного задания командования.

Большинство бойцов отряда служили давно и были опытными воинами, которым полагось знать все правила и уставы, но их форма одежды даже отдаленно не напоминала единообразие. Появись здесь хоть одна птица высокого полета из Кабула, не сносить бы офицерам головы. Там, наверху, очень любят, чтобы форма одежды была в порядке. «Хорошо еще, что это самое командование их сейчас не видит», – промелькнуло в мозгу Зарубина.

Старлей вздохнул, оглядывая амуницию бойцов, и подумал кое-что не очень душевное о тех, кто разрабатывал ее для советского спецназа. Затем опять посмотрел в сторону гор, явно не торопясь отдавать приказ к выступлению. Время еще было.

От горных хребтов, со всех сторон подступавших к Асадабаду, даже в сумерках еще парило – камни, раскаленные на солнце, медленно отдавали накопленное за день тепло. Но тепло в горах штука обманчивая. Едва солнце опустится за такой близкий горизонт, сразу станет прохладно – закон гор. И нужно будет думать уже о том, как не замерзнуть ночью. Но поскольку сегодня ночью предстояла активная движуха, то такая перспектива абсолютно не пугала Кондратия Зарубина – старшего лейтенанта спецназа 334-го Отдельного отряда специального назначения ГРУ⁴, которого, согласно всем секретным картам Генштаб, а в природе не существовало. А условно существовал вместо него пятый отдельный мотострелковый батальон, к которому все местные бойцы официально и были приписаны. Кондрату выпало в этой жизни командовать третьей группой первой роты этого боевого подразделения, успевшего прославиться своими дерзкими рейдами, которые нередко выходили за пределы карты Афганистана. В ответ на зверства «духов» 334-й отряд спецназа ГРУ наводил ужас на моджахедов. Происходило это с тех самых пор, как егеря обосновались в небольшом городке со звучным названием Асадабад, от которого до границы сопредельного государства было километров пятнадцать. И стали наводить порядок в примыкавшей к Пакистану провинции Кунар, совершая налеты на караваны и укрепрайоны «духов».

Кондратий взглянул на выложенные в ряд на сухой земле рюкзаки, набитые под завязку разнообразными припасами, от патронов до сухого пайка, затем вновь осмотрел амуницию своих подчиненных. Начал с того, что вперил свой командирский взгляд в крайнего бойца из третьей группы, представлявшего собой просто образец нарушения всех законов формы одежды советской армии. Это был рядовой Семихватов, коренастый парень, пулеметчик, при случае умевший обращаться и с АГС-17⁵.

---

³ БМП-2 – советская и российская гусеничная боевая машина пехоты, предназначенная для транспортировки личного состава армии к переднему краю, повышения мобильности, вооруженности и защищенности пехотинцев на поле боя.

⁴ 334-й Отдельный отряд специального назначения ГРУ – реально существовавшее боевое подразделение спецназа ГРУ, одно из лучших в Афганистане, покрывшее себя славой в боях против моджахедов провинции Кунар. Однако все имена офицеров и солдат, а также детали боевых операций изменены автором романа и никакого отношения к реальности не имеют. Все совпадения случайны.

⁵ АГС-17 «Пламя» – 30-мм автоматический станковый гранатомет.

Начал осмотр обмундирования Кондратий снизу вверх – с ботинок. Отличные были ботинки, надо сказать, хромовые, парадно-выходные⁶. Продолжил штанами с очень удобными накладными карманами, от летнего полевого хэбэшного обмундирования «нового образца», или «эксперименталки», как ее называли меж собой разведчики. Скользнул взглядом по пятистой куртке от маскхалата, явно перешитой для удобства местными умельцами из цельного комбинезона. Затем по видневшейся в районе шеи тельняшке – что в Афгане была гордостью только спецназовцев и десантников – и закончил панамкой, единственным предметом, не нарушавшим ничего. Впрочем, также не без гордости подумал Кондратий, в обмундировании его подопечного как раз не хватало еще двух предметов, по которым душманы издали определяли советских солдат. А именно: металлической каски и бронежилета, которые был обязан носить весь контингент советских войск в Афганистане. А вот спецназу официально давалась такая привилегия – воевать без каски и бронежилета, – вызывавшая зависть у всех остальных родов войск, расквартированных в этой богом забытой стране.

– Это что такое, Семихватов? – наконец открыл рот и для проформы пожурил воина Кондратий, осмотрев обмундирование, собранное из всех возможных форм одежды и даже дополненное кое-чем от себя.

– Форма одежды номер восемь, товарищ старший лейтенант, – пошутил боец, – что имеем...

– ...то и носим... – закончил за него Зарубин, слегка нахмурившись, – оно, конечно, понятно...

И, слегка сдвинув свою панамку назад, так как южное солнце уже начало падать за ближайший хребет, уточнил:

– У старшины на складе что, полного комплекта «эксперименталки» для тебя не нашлось?

– Да, понимаете, товарищ старший лейтенант, – начал мямлить боец, закатив глаза к небу, – комплект, конечно, есть. Штаны знатные с удобными карманами. Запихнуть можно что угодно, хоть карту района в пакете, хоть хлеба кусок, хоть магазин с патронами, если в сумке места не хватит. Их я надел. Но вот куртка у нее... в камуфляже сподручнее по горам бегать. Да мне еще пулемет надо тягать на плече, а там погоны пришитые мешают... Ну, а ботинки еще неделю назад, после налета на караван недалеко от Асмара, рассыпались на ошметки. Пришлось парадные надеть.

– Ладно, Василий, – закончил показательные выступления Зарубин, еще раз про себя недобрым словом помянув тех, кто продумывает снаряжение для разведчиков и рассчитывает всевозможные нормы выдачи от количества ботинок на год до количества патронов на один боевой выход, – ты, главное, пред светлые очи высокого командования не попадайся, а то взгреют и меня, и ротного, и всех остальных офицеров за ваш внешний вид.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – делано вытянулся пулеметчик, а затем добавил, хитро прищурившись: – Только оно же, вышестоящее командование, сами знаете, к нам редко навевается. Так что вам бояться нечего.

– Успокоил, – прошив небольшую дерзость своему бывалому пулеметчику, кивнул старлей и перевел взгляд на соседнего бойца, обутого вместо штатных высоких ботинок в отечественные кроссовки марки «Кимры». – Ну а ты, Галиулин, тоже подошвы стер? Или какой приказ вышел новый, о котором я не слышал?

---

⁶ Обувь всегда была «больным вопросом» для советских спецназовцев в Афганистане. Они часто носили хромовые парадно-выходные ботинки, но не от красивой жизни, а потому что снашивали по 2–3 комплектам обуви за год, тогда как норма была всего лишь 1 комплект на 8 месяцев. Именно поэтому спецназовцы, когда могли, заменяли ботинки прочными отечественными кроссовками «Кимры», купленными в Военторге, или даже захваченными у моджахедов трофейными ботинками. Руководство смотрело на такие вольности сквозь пальцы, оправдывая это результативными действиями спецназа.

– Никак нет, – ответил не мудрствуя рядовой Галиулин, служивший радистом, и ухмыльнулся всем своим смуглым лицом, – ботинки берегу, товарищ старший лейтенант. Просто в кроссовках по горам скакать удобнее. Да и прочные они. Проверено.

Выше неуставных кроссовок этот боец был полностью одет в хэбэшную «эксперименталку», даже на голове его виднелась кепка установленного образца, а не панамка. А потому старший лейтенант Кондратий Львович Зарубин остался довольным и больше к радисту с вопросами не приставал, переключив свое внимание на остальных. Положа руку на сердце, он должен был признать, что традиция спецназа ГРУ смешивать все формы одежды, укоренившаяся в этих войсках задолго до его появления здесь, была удивительно живучей. А при попустительстве ближайших отцов-командиров, отлично понимавших, что такое реальный бой и какую роль в нем играет удобная амуниция, никто из бойцов и не собирался соблюдать форму одежды⁷. Из тридцати двух разведчиков ближе всех к указанной форме оказался сегодня улыбчивый Галиулин, одетый в «эксперименталку», и еще снайпер Витя Строгий, на котором красовался только камуфляж, укрывавший его с ног до головы.

Все остальные имели смешанное обмундирование, в котором находились элементы всех известных на сегодня форм одежды советской армии. Был здесь «камуфляж», была «эксперименталка» с многочисленными карманами. У нескольких бойцов имела даже «прыжковка», которую в Афгане прозвали «песочкой». В этой удобной для ношения форме совершались учебно-тренировочные прыжки с парашютом. У пары бойцов разглядел Кондратий элементы «горного обмундирования», правда, без зимних свитеров и курток, все же август месяц еще стоял на дворе, а потому у многих ввиду теплой погоды от «горняшки» были сейчас только горные ботинки с высокими берцами и триконами.

Но и это было еще не всё. У двоих бывалых вояк из четвертой группы, стоявших сейчас на правом флаге, – старшего сержанта по фамилии Рябоконь, подрывника по профессии, и Азамата Кундунова, его друга и снайпера по совместительству, старший лейтенант Зарубин увидел даже КЗС – «Костюм защитный сетчатый». Этот костюм входил в комплект индивидуальной защиты военнослужащих советской армии и был предназначен для одноразового применения на местности, которую враг мог бы заразить отравляющими или радиоактивными веществами. Состоял этот КЗС из вполне себе удобной хлопчатобумажной куртки с капюшоном и не менее удобных широких шаровар. Обладал отличной воздухопроницаемостью и пользовался большой популярностью среди всего личного состава Ограниченного контингента. Летом под КЗС надевалось лишь нижнее белье, а зимой гораздо на выдумку бойцы натягивали его поверх снаряжения. Но, не из страха, что «моджахеды» применяют яды, а просто для утепления. Холодно зимой в горах. Вот и получалось, что эту удобную, но задуманную одноразовой вещь химической службы бойцы таскали до тех пор, пока она не рассыплется в прах. А поскольку служила она действительно недолго, то была нарасхват и постоянно в дефиците.

«Хорошо хоть еще сегодня на войну в своем идем, не таясь, – подумал с некоторым облегчением командир сводного отряда, – а то пришлось бы еще афганские шмотки надевать для глубокого рейда. Хотя, надо признать, пуштунка на голове хорошо сидит. Не слетает, даже когда садишь по моджахедам из пулемета».

На этом он закончил осмотр обмундирования и хотел было перейти к оружию, но вновь встретился взглядом с улыбчивым Галиулиным и уточнил:

– Аскер, как у тебя со связью, порядок? Все подготовил, что понадобится?

– Как приказывали, товарищ старший лейтенант, – кивнул Галиулин в сторону кучки радиостанций разных видов, лежавших пока на плащ-палатке и еще не расфасованных по рюкзакам. – Р-159 для связи с базой. Одна штука, нам хватит. Ее я сам понесу. Восемь комплектов

---

⁷ Практически полное отсутствие единообразия формы одежды у спецназа в Афганистане вызывало постоянную критику со стороны вышестоящего командования.

«Сокола», по четыре на каждую группу, чтобы между собой связь держать. Запасные батареи. Вроде все.

- «Ромашку»⁸ не забудь, – напомнил Зарубин, слегка нахмурившись, – тоже пару штук.
- Значит, с вертушками связь будем держать, – не то спросил, не то объявил всем радист.
- Все может быть, – нехотя кивнул Кондратий, – кишлак там мутный.

И перешел к осмотру оружия. У девятнадцати воинов из общего состава двух групп при себе имелись автоматы АКМС с калибром 7,62-мм и десять из них с планкой для крепления ночного прицела. Предстоял как раз ночной бой. У восьми солдат автоматы были дополнительно оснащены подствольными гранатометами ГШ-25. В сводном отряде старшего лейтенанта Зарубина было также четыре винтовки СВД⁹ – так как полагалось брать с собой на задание минимум по два снайпера на группу. У остальных бойцов спецназа тоже были автоматы, но поменьше калибром – 5,45-мм. И хотя этот автомат был удобным и компактным, в спецназе ГРУ более крупный калибр пользовался гораздо большей популярностью. И причин тому было несколько. Во-первых, для АКМС с калибром 7,62 имелся прибор бесшумной и беспламенной стрельбы – ПБС-1. Эта игрушка давала советским разведчикам, особенно во время ночных вылазок, большие преимущества перед «моджахедами», которые могли даже не узнать, что неподалеку идет бой. Звук выстрела из автомата с таким прибором было невозможно различить уже с расстояния в сто пятьдесят метров.

Да и потом, пуля, выпущенная из автомата калибра 7,62-мм, была просто крупнее и лучше «останавливала» врага. А, кроме того, у самих моджахедов основным стрелковым оружием был как раз китайский образец автомата Калашникова все с тем же калибром. Это давало шанс воспользоваться патронами убитого «духа», если свои закончатся. Несмотря на то что по несколько рожков с патронами уже было рассовано по разгрузочным жилетам и подсумкам, такое могло случиться и бывало не редко. Высокое начальство распорядилось выдавать патроны по нормативам, смысла которых никто из спецназовцев не понимал. Ни командиры, ни сами бойцы. В жарком бою патронов реально не хватало и, как всегда, приходилось заботиться о себе самому. Спасение утопающего, как говорится в одной книге, дело рук самого утопающего.

Иногда в бою выпадала возможность пополнить боекомплект трофейными патронами с «разрывными» пулями. Это егеря тоже любили, так как аналогичными патронами родная промышленность свои войска в Афганистане почти не снабжала «из-за соображений гуманности». Жалела моджахедов, видимо. Приходилось бить «духов» их же разрывными пулями.

При необходимости воевали и захваченным у врага оружием, но китайские копии Калашникова бойцы не любили, так как украденную идею китайцы воплотили, как всегда, только внешне. Металл на автоматы шел хреновый и быстро перегревался, буквально после опустошения третьего рожка патронов, автомат клинило, или он начинал просто выплевывать пули в разные стороны, теряя прицельную дальность. Китайская копия, она и в Афгане китайская копия.

А вот китайский аналог русского крупнокалиберного пулемета ДШКМ¹⁰, слизанный и перепроданный моджахедам, доставлял русским спецназовцам гораздо больше хлопот. И хотя он был тяжелым и гораздо менее маневренным, чем обычно противостоявший ему «Утес» –

---

⁸ В каждую группу спецназа включались 2–3 радиста с широким набором радиосредств. В данном случае разведчиков снабдили следующими средствами радиосвязи: Р-159 – являлась штатной радиостанцией командира роты, с помощью которой обеспечивалась связь как с командирами взводов, так и со штабом батальона. УКВ-радиостанция «Сокол» (Р-392) – для связи внутри разведгрупп. УКВ-радиостанция «Ромашка» – служила для обеспечения двухсторонней симплексной связи с патрульными самолетами и вертолетами.

⁹ СВД. Снайперская винтовка Драгунова – самозарядная снайперская винтовка калибра 7,62-мм, разработанная в 1957–1963 годах группой конструкторов под руководством Евгения Драгунова.

¹⁰ ДШКМ – Дегтярев-Шагин крупнокалиберный модернизированный пулемет.

для смены позиции требовалось пять человек, – все равно духи могли значительно усложнить жизнь советским разведчикам, установив ДШКМ на удобной позиции в горах, особенно в укрепрайонах, куда частенько затаскивали их с помощью ослов или других выючных животных.

В отряде Зарубина на такой ответный случай как раз была припасена парочка крупнокалиберных «Утесов»¹¹ с оптическим прицелом, который переносился вместе с боекомплектom силами всего двух разведчиков, и еще парочка ПК – пулемётов Калашникова все того же калибра 7,62-мм. Одним из таких ПК в третьей группе заведовал рядовой Семихватов. А вторым ПК виртуозно владел Григорий Рохля. Удалой боец, несмотря на фамилию, доставлявшую ему поначалу немало хлопот. В четвертой группе тоже было два пулеметчика с ПК.

Ну и на всякий пожарный случай – укрепрайоны у «духов» крепкие попадались, – старший лейтенант Зарубин брал с собой в этот раз тяжеленный ПТУРС¹², который мог разнести любую, даже укрепленную позицию и часто заменял спецназу артиллерию. И еще один АГС-17, станковый гранатомет, бивший вдаль аж до полутора километров очередями из осколочных гранат. В радиусе семи метров от места попадания такой гранаты не выживал никто. Веса полезная штука все веселые тридцать килограммов. По сравнению с этими тяжеловеками, несколько ручных гранатометов типа «Муха»¹³, также числившихся среди вооружения сводного отряда разведчиков Зарубина, вообще ничего не весили.

«Придется ребятам потрудиться, – подумал Кондратий, разглядывая тяжеленные махины с боекомплектom, – зато ни один «дух» от нас даже под землей не спрячется».

---

¹¹ НСВ «Утёс» – советский 12,7-мм крупнокалиберный пулемёт, предназначенный для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, для уничтожения живой силы противника и поражения воздушных целей. Был снабжен оптическим прицелом.

¹² ПТУРС «Конкурс» – советский противотанковый ракетный комплекс. Предназначен для поражения танков, инженерных и фортификационных сооружений.

¹³ РПГ-18 «Муха» – советская реактивная противотанковая граната, разработанная в начале 1970-х годов и принятая на вооружение Советской армии в 1972 году. Прицельная дальность 200 метров.

Глава четвертая

Опорный пункт

Быстро проверив рюкзаки, плащ-палатки, разгрузочные жилеты, сигнальные и осветительные средства, наличие боеприпасов, индивидуальных перевязочных средств и сухих пайков, старший лейтенант остался доволен. Он, наконец, выпрямился и, мгновенно переходя из расслабленного состояния в боевое, рывкнул так, что привычные ко всему подчиненные даже вздрогнули:

– Смирно!

Бойцы подтянулись, как могли.

– Товарищи, мотострелки, – решил подбодрить шуткой своих засекреченных разведчиков старший лейтенант Зарубин, но поневоле стал серьезным и даже немного напрягся, – сообщаю вам боевую задачу. Нашему отряду поставлена цель скрытно выдвинуться в район кишлака Шамун, неподалеку от которого в горах недавно обнаружен новый опорный пункт душманов. Вероятно, там есть охранение и склады с оружием. Численность противника неизвестна. Наша задача провести разведку, внезапно атаковать и зачистить позиции «душманов». На броне нас немного подбросят до цели. Потом несколько километров пешком. Глубоко ночью должны прибыть на место и приступить к работе. Если сделаем все аккуратно и никаких сюрпризов не будет, операция должна продлиться несколько часов. Шамун недалеко. К завтраку, максимум – к обеду, должны вернуться назад.

Зарубин помолчал и добавил с нажимом в голосе:

– В полном составе. Вопросы есть?

– Неслабый там опорный пункт, похоже, раз ПТУРС тащить придется, – ухмыльнулся Рохля вместо вопроса.

– Разговорчики, – оборвал его Кондратий. – Если вопросов нет, даю двадцать минут на перекур, проверку снаряжения и opravку, затем выступаем. Броня ждет. В моей подгруппе назначаю заместителем старшего сержанта Суворина, в четвертой – командует старший сержант Рябоконь. Разойдись!

Получив разрешение, бойцы разбрелись кто куда. Кто присел проверить снаряжение, кто отошел покурить и побалагурить с друзьями, пока можно. На марш-броске разговорчики не поощрялись.

– Пойдем и мы, Кондратий, – подошел к нему подполковник Стеценко, наблюдавший за последними приготовлениями сводной разведгруппы издали и появившийся только после того, как бойцы разошлись, – умрем на болоте¹⁴. Спокойно покурить тебе не скоро придется.

Офицеры отошли в сторонку, остановились у пожухлого деревца, не доходя до штабного корпуса, расположенного в здании бывшей афганской школы. С тех пор, как началась война, здесь уже много лет никто не учился. Стеценко достал сигареты и угостил Зарубина. Чиркнул трофейной зажигалкой «Зиппо», презентованной подполковнику разведчиками первой роты, после удачного налета на караван. Два огонька загорелись в быстро сгущавшихся сумерках.

– Сколько у тебя необстрелянных в группе? – уточнил Стеценко.

– Пятеро, товарищ подполковник. Двое совсем пороха не нюхали, только что с гражданки. Остальные год отслужили в ТуркВО¹⁵, пострелять уже малость успели, но все равно пока зеленые.

---

¹⁴ Военнослужащих ограниченного контингента снабжали сигаретами без фильтра «Луч» или «Охотничьи». Сигареты «Охотничьи» за крепость табака и рисунок на пачке сигарет – охотник стреляет в уток – бойцы переименовали в «Смерть на болоте».

¹⁵ *Туркестанский военный округ (ТуркВО)* – в данном случае, формирование Вооружённых Сил СССР на территории

– Присматривай там за ними. Первый бой всегда страшно. Ничего, притрутся. Ты сам-то, помнишь, как убил первого «духа»

Зарубин кивнул, тот бой ему надолго врезался в память. Тогда ему пришлось убить человека в реальном бою, да не издалека, нажав на курок автомата, а в жесткой рукопашной. Он сам чуть не погиб в тот день. Автомат заклинило, и моджахед, набросившись на него, стал душить. Лишь когда едва не потерявший сознание молодой боец Кондратий Зарубин воткнул ему нож в брюхо, «душман» обмяк и разжал пальцы. Кондратий еще долго потом отстирывал кровь воина ислама со своей формы. Однако в разговоре со Стеценко старший лейтенант умолчал о том, что еще до армии ему поневоле приходилось убивать, и этот «дух» был далеко не первым, погибшим от его руки.

– Ладно, – выбросив окурок, быстро попрощался Стеценко и поправил форменную кепку, – держи связь, старлей. Если что, вызывай вертушки. Мотострелки из 66-й бригады тебя подбросят до середины пути, а там уж сам.

Сделав пару шагов в направлении штаба, Стеценко обернулся.

– И к обеду не опаздывай.

Спустя десять минут, погрузив тяжелые пулеметы, ПТУРС, боеприпасы и снаряжение в несколько гусеничных бронемашин, сводная разведгруппа распределилась по броне. Кто смог, разместился во внутренних отсеках для пехоты, остальные закрепились снаружи. Чихнув моторами, колонна БМП-2 под покровом ночи покинула базу на окраине городка Асадабад, выдвинувшись прямо по объездной дороге. Вскоре колонна преодолела мост через горную реку, охранявшийся блокпостом из мотострелков, и, оставив свои укрепленные позиции позади, углубилась в ночной Афганистан. Туда, где хозяйничали уже моджахеды, не желавшие признавать ни законное правительство своей страны, ни силу войск СССР. Торговля наркотиками им была больше по сердцу. Ни пахать, ни сеять они не привыкли. Разве что опиумный мак. В этом проклятом месте воевали испокон веков, убивая всех, кто приходил к ним с оружием в руках. Покорялись только самым сильным завоевателям, один раз Александру Македонскому, второй Чингисхану. Да и то, стоило новым хозяевам чуть ослабить хватку, опять начинали убивать друг друга. Видимо, война была смыслом их жизни. Мирно жить они просто не умели. И все бы ничего, если бы убивали только сами себя. Но наркотики расплзались отсюда на караванах по всему свету, убивая и калеча жизни многих, а немногим принося огромные прибыли, заработанные на смерти. Именно этого не мог простить моджахедам старший лейтенант Кондратий Львович Зарубин, и была у него на то своя, очень веская причина. А вовсе не интернациональный долг.

Еще через полчаса колонна достигла развилки дорог и, съехав в овраг, высадила разведчиков с поклажей. Чихнув на прощанье моторами, БМП развернулись и растворились в темноте. Дальше единственная дорога расходилась на три разные. Правая вела к печально известному урочищу Маравар, где три года назад погибла почти целая рота необстрелянных бойцов. Вторая шла прямо к кишлаку Шинкорак, и последняя дорога – налево, к Шамуну, в окрестностях которого и находилась цель сегодняшнего выхода.

Именно здесь, у развилки, Кондратий Зарубин и планировал расстаться с броней. Ехать на ней, конечно, удобнее, чем переть все на себе. Но БМП – штука заметная даже ночью. Об их выходе уже могли проведать «духи», у которых всегда имелись наблюдатели из местных в городе или окрестностях Асадабада, сколько их ни тряс и ни страшай. Поначалу Кондратий вообще хотел идти пешком с базы, но решил рискнуть. Так действительно было быстрее. А ночи в горах не очень длинные. Особенно когда время дорого. Сейчас у него был шанс запутать «духов», даже если его выход на охоту не остался незамеченным. Самое главное было двигаться скрытно. Отследить его БМП могли максимум до этой развилки, а куда дальше делась группа,

поди узнай. Направо пошла, налево или прямо. Пока поздно не будет. Во всяком случае, Кондрат надеялся на фактор внезапности, и пока что никаких признаков обнаружения не было.

– Так, мальчишки, – вполголоса приказал Зарубин, оглядывая своих бойцов, собравшихся на дне оврага, – Семихватов с пулеметом и еще двое вперед, Галиулин с рацией и Виктор Строгий со мной. Остальные, нежно подхватили «груз» и бодрым шагом двинулись по тропе за ведущими.

Кондрат сглотнул слюну и продолжил давать вводную:

– Старший сержант Рябоконт!

– Я, – выросла перед ним из темноты рослая тень.

– Твоя группа идет замыкающей. Возьмешь с собой Мухамедзянова с пулеметом, еще троих и в конец. У тебя весь молодняк. Смотри за ними в оба.

– Есть, – кивнул Рябоконт.

Подхватив тяжеленное снаряжение и оружие, группа свернула с развилки влево и по дну оврага, а затем по берегу реки, поросшему редколесьем, двинулась в сторону мирно спавшего вдалеке Шамуна. Через час пути по тропе, петлявшей меж чахлах деревьев, все было по-прежнему тихо, если не считать злобного сопения бойцов тащивших ПТУРС и «Утесы». Это, конечно, замедляло общий ход группы, но без таких игрушек разведчики оказались бы беззащитны, натолкнись они на превосходящие силы противника. С одними автоматами много не навоюешь. А с этими игрушками, да еще со стрелявшим очередями гранатометом, удачно закрепившись на какой-нибудь высотке, всегда был шанс дожидаться подкрепления или в крайнем случае пробиться к своим.

Минут через пятнадцать, двигаясь незамеченными под шум горной реки, разведчики стали забирать вверх по тропе, и скоро обозначился крутой поворот. Кондрат взглянул на часы со светящимися стрелками – было почти десять.

– Колонна, стой, – скомандовал вполголоса Зарубин, останавливаясь, чтобы сориентироваться на местности, – пять минут отдыхаем. Не курить.

Остальные бойцы передали команду по цепи вперед, и метрах в пятидесяти замер Семихватов с пулеметом, пристроившись за большим валуном. Немного подуставшие разведчики с радостным выдохом опустили на камни тяжелое вооружение и законно расслабились, сжимая в руках автоматы. Охранение, заранее назначенное перед выходом и натренированное на такой случай, зорко смотрело по сторонам. Из-за шума близкой реки передвигавшихся молча разведчиков было не слышно, но и они могли не услышать подкравшегося противника. Пока, однако, все вокруг выглядело спокойным.

Старлей посмотрел на луну, вдруг показавшуюся из-под облаков. «Поворот реки, резкий подъем... где-то тут должен быть брод», – вспоминал метки на карте Кондратий, имевший привычку запоминать все топографические детали операции наизусть. Ему не надо было даже лезть в карман за картой и включать фонарик, чтобы проверить свою память. Он ей доверял безоговорочно.

Заметив, что за подъемом виднеется небольшой распадок, который уходил вправо, к ведущей в сторону кишлака узкой проселочной дороге, Кондрат окончательно решил, что пора форсировать водную преграду и начинать подъем в горы.

– Здесь переходим реку вброд, – скомандовал он, – охранение: перекрыть все подходы.

Но бывалые бойцы охранения, на которых была возложена эта задача, уже и так грамотно расположились, чтобы прикрыть огнем колонну, если она будет атакована. Первыми в воду вошли двое помощники Семихватова. Оказавшись на том берегу небольшой, но бурной речки, они проверили прилегавшее побережье и подали знак. Следом перебрался сам пулеметчик и занял нужную позицию. А уже за ним потянулся остальной отряд с «бронетехникой».

Брод был неглубокий, вода едва доходила бойцам до коленей. Не обсыхая – по дороге одежда сама высохнет, – Зарубин направил отряд в распадок, который минут через десять при-

вел их к самой дороге. Луна, к счастью, вновь ушла за облака, и Кондрат невольно поблагодарил ее за это. Преодолев в кромешной тьме проселочную дорогу, на которой в этот час никого не было, отряд вскоре опять вошел в «зеленку» и, долго пробираясь по складкам каменистых холмов, наконец, подошел к подножию гор. Здесь командир устроил своим бойцам еще один короткий привал.

– Дальше пойдем по соседнему ущелью, – объявил Кондратий бойцам авангарда, но так чтобы и остальные слышали. – Оно выгнуто полумесяцем и примыкает к перевалу, с которого открывается вид на кишлак Шамун. Этот кишлак нам и нужен. Еще через пару часов будем у расчетного места. Здесь уже могут быть «духи». Всем, у кого автоматы с планкой для ночного прицела, примкнуть прицелы и периодически осматривать склоны и тропу прямо по курсу. Проверить карабины на ремне автомата, – чтоб ничего не брякало. Подойти надо тихо.

Бойцы деловито по десятому разу осмотрели автоматы. Один молодой солдат из четвертой группы забыл примотать карабин изолентой, – запасливый Мухамедзянов дал ему свою. Устранив мелкие проблемы и отдохнув, группа пошла дальше вверх.

В расчетах старший лейтенант не ошибся. Под перевал, который выводил к кишлаку Шамун, на некоторых картах обозначенному даже как городок, они подошли в расчетное время. Около часа ночи. Здесь Кондратий снова дал группе немного отдохнуть и подготовиться к атаке. Судя по имевшимся данным, опорный пункт «духов», а может, и целый укрепрайон, должен был начинаться именно здесь. Место было удобное. С перевала вниз шла только одна тропа к кишлаку, а вот подойти к самому предполагаемому укрепрайону можно было с трех сторон: снизу от самого кишлака, через ущелье, по которому прибыли спецназовцы, и через другое ущелье, которое подходило чуть дальше, минуя второй перевал, очень близко расположенный к первому.

«Грамотно придумано, – одобрил выбор душманов Кондратий, вглядываясь в темноту через ночной прицел автомата, – заблокировал вершину и не подойти, а уходить можно сразу двумя путями, если они не перекрыты. Шанс всегда есть. Ну, ничего, от нас не уйдешь».

Впереди и вокруг все было тихо.

– Где ж вы тут окопались? – пробормотал Зарубин себе под нос, оглядывая безжизненный, казалось, перевал. – Неужели соседи ошиблись? Проверить надо по-любому.

Он обернулся назад и вполголоса произнес:

– Рябоконь, ко мне!

Вскоре с легким шелестом к нему приблизилась крепкосбитая фигура командира четвертой разведгруппы и присел рядом, опершись на автомат.

– Осмотрел склон?

– Так точно.

– Значит, видел правое плечо перевала, которое сильно возвышается над левым?

Рябоконь кивнул.

– Тогда слушай мою команду, товарищ старший сержант, – проговорил Зарубин. – Берешь семь человек из своей группы, одного пулеметчика и одного снайпера, остальных оставляешь здесь. И молодых с ними. Ползешь тише мыши наверх и занимаешь там позицию. Осматриваешься и докладываешь мне, как дела. Всё понятно?

– Так точно, – вновь кивнула фигура во мраке.

Слушая по-военному четкие ответы командира группы, Зарубин невольно улыбнулся уголком рта, – плоды собственной работы над дисциплиной за время службы в этой части давали себя знать. Кондрат внешне был человеком спокойным, без особой необходимости не давил авторитетом и позволял иногда солдатам расслабиться, если это не несло прямого вреда для жизни и здоровья. Но расхлябанности не терпел и раздолбайства тоже. В Афгане от этого зависела жизнь, и не только своя. Оборзевших быстро ставил на место, и очень жестко, если требовалось. Солдаты, служившие с ним, это уяснили давно.

– «Сокола» для связи взял? – уточнил Зарубин.

– Пару штук, – подтвердил старший сержант, похлопав себя по груди, где висел манипулятор с кнопкой, сама переносная рация находилась на боку в подсумке, – у меня и у Азамата.

– Добро. Давай, Федор. Двигай вперед. Только осторожно.

Рябоконт кивнул в последний раз и исчез за камнями в темноте. Вскоре там послышалось шевеление. Разведгруппа с отобранным количеством бойцов, прокравшись мимо остальных, растворилась в темноте.

Дав им минут двадцать форы – за это время Зарубин рассматривал через прицел кромку перевала, но не заметил ничего подозрительного, – старший лейтенант решил двигаться дальше вверх. Седловина была уступчатая. По всему выходило, что на самом краю больших и заметных укреплений нет, они либо зарыты в землю, либо спрятаны глубже, у второго уступа, который, собственно, и мог считаться перевалом. «А может, там и нет никого? – подумал Зарубин, нежно обнимая автомат. – Разведка тоже иногда ошибалась. А может, были, да ушли».

Отправив вперед по тропе трех разведчиков с рацией, Кондратий на всякий случай привел в боевое положение крупнокалиберный «Утес» с расчетом из двух человек, который уже отсюда мог поливать огнем перевал, и посадил в сторонке двух снайперов, наблюдать за вершиной. Остальная группа со всем железом медленно двинулась дальше.

В кромешной тьме, глухо чертыхаясь, когда из-под ноги выскакивал мокрый от ночной росы камень, группа шла вверх. До перевала оставалось уже метров пятьсот. Пока было тихо. Рябоконт на связь не выходил. Но эта тревожная тишина начала давить на Зарубина. И вдруг он услышал музыку. От неожиданности старлей даже остановился, не поверив своим ушам. Музыка? Ночью, в горах? Но с перевала явно доносились заунывные напевы, более того, подержанные силой динамиков.

– Это что за хрень? – припал к прицелу Зарубин, обшаривая взглядом камни, но ничего нового не увидел.

– Товарищ старший лейтенант, – приблизился к нему Суворин, – это ж духи молятся.

– Верно. Совсем страх потеряли, – пробормотал ошеломленный Кондратий, который видел много раз, как «духи» молятся днем, но первый раз застал их за этим делом ночью, – да еще и через динамики транслируют, чтобы нам лучше слышно было.

В этот момент ожила рация.

– Первый, прием, – прохрипел динамик в ухе у Зарубина. – Докладывает старший сержант Рябоконт. Поднялся на гребень перевала. Вижу «духов». Человек десять. Все молятся. Из вооружения наблюдаю два ДШК. Смотрят в вашу сторону. Больше ничего не вижу.

– Молятся, говоришь, – ответил Кондрат, – самое время. Приготовиться к атаке. Жди моего сигнала. Мы идем вверх. Скоро будем рядом.

На всякий случай Кондрат связался с пулеметчиками, прикрывавшими тыл, и тоже взбодрил их, чтобы не расслаблялись.

Шли осторожно и быстро. Луна, спрятавшись за облаками, тускло освещала горы. Подобравшись уже к самому перевалу, до которого оставалось теперь метров пятьдесят, Кондратий настроил второй «Утес» и АГС-17 – на случай внезапной контратаки, – мало ли чего Рябоконт не заметил. Затем вызвал того по рации.

– Федор, мы рядом. Начинаем.

Звуки молитвы до сих пор не утихали. «Душманы» истово общались с Аллахом. Но неожиданно для них эти звуки прервал выстрел из подствольного гранатомета, потом второй и сразу два глухих хлопка раздалось под перевалом. Послышались крики раненых, которые тут же заглушила короткая пулеметная очередь. Потом еще одна. В ответ, спустя короткое время, раздалось лишь несколько автоматных очередей.

– Мухамедзянов работает, – узнал по звуку пулемет своего подопечного Кондратий и махнул своим разведчикам: – За мной, ребята, пока «духи» до своих ДШК не добрались. Семихватов и Рохля, по краям. Остальные цепью, прижимаясь к склону.

Когда они достигли кромки и едва перевалили через нее, стрельба уже стихла. Рябоконт со своими бойцами, покинув укрытие на склоне, добивал оставшихся в живых «духов». В темноте пару раз стрекотнула короткая очередь, едва заметная и едва слышная, поскольку прибор ПБС-1 гасил пламя и звук.

– Ты, смотрю, и без нас справился? Молодец, Федор, – похвалил командира четвертой группы Зарубин. – Сколько их тут?

– Десяток примерно, как и говорил, – пнул ногой ближайшее тело, Федор. – Все готовы. Легко взяли.

– Не говори гоп... – едва открыл рот Зарубин, чтобы предостеречь его от эйфории, как вдруг луна показалась в разрыве облаков и осветила скалы. Спецназовцы, рассыпавшиеся по нижней части перевала и стоявшие кое-где в полный рост, стали видны как на ладони. В тот же миг откуда-то сверху глухо застучал ДШК. За секунду до этого, словно спиной почуяв опасность, Зарубин толкнул Федора и сам рухнул вниз. Очередь разрывных пуль прошла по камням и скоплению солдат. Рядом послышался крик, это упал замертво прошитый насквозь боец. Кто именно, Зарубин не разглядел.

В ответ застучал пулемет Мухамедзянова, ему вторили Семихватов и Рохля. С главного перевала, до которого было еще метров семьсот, заработал второй ДШК. Следом откуда-то сверху раздался громкий чавкающий звук, а потом свист. И темноту метрах в пятидесяти разорвала вспышка от мины.

– Так, – сплюнул Кондрат, прячась за большим валуном от осколков неподалеку от нижней захваченной позиции «душманов», – недолго музыка играла.

Он обернулся назад, туда, где прятался от обстрела радист и еще трое бойцов.

– Галиулин! Радио на базу. «Прибыл на место. Вступил в бой. Уничтожил десять “духов”. Продолжаю атаковать».

Галиулин развернул за камнем рацию, целиком вытащил полутораметровую антенну, благо в темноте ее никто не видел, и принялся выполнять приказание. Зарубин сам связался с помощью «Сокола» с расчетом ниже по склону и приказал подтащить сюда «Утес» и станковый гранатомет. «Без них, похоже, не обойтись, – решил он, – раз по-тихому не вышло». Самое мощное оружие – ПТУРС, пока оставил внизу.

Рядом лежал Рябоконт, который вел огонь короткими очередями, стараясь поразить расчеты ДШК или минометчиков.

– Федор, – крикнул ему Зарубин – кого из твоих зацепило?

– Иванцов, – коротко бросил тот, продолжая стрелять.

– Молодой? Жив?

Федор мотнул головой. Старший лейтенант нахмурился. «Не повезло парню, в первом же бою». Но нужно было решать ситуацию, чтобы остальных не перебили. «Духи» обнаружив «шурави»¹⁶, огнем из своих ДШК, которым вторили несколько автоматов Калашникова, прижали спецназ к склону. А минометы вполне могли их добить, если не предпринять срочных действий. Хотя по интенсивности огня Зарубин решил, что по ним работает только один миномет. К счастью, то ли позиции были не пристрелянные, то ли минометчики необученные, то ли ночь помогала, – луна вновь ушла за облака, скрывая «шурави» от прямых попаданий, – мины ложились с большим перелетом и в стороне от скопления бойцов, которые быстро расползлись по склону. Вжавшиеся в камни спецназовцы пока что отстреливались без новых потерь, об этом Зарубин узнал, связавшись со всеми, у кого были рации. Мухамедзянов и Рохля били

---

¹⁶ *Шурави* – так называли местные жители военнослужащих Советской армии времен войны в Афганистане (1979–1989).

по позиции ДШК короткими очередями довольно точно. И вскоре один из крупнокалиберных пулеметов замолчал.

«Либо расчет накрыли, либо повредили сам пулемет. Главное, чтобы в контратаку не пошли», – думал Кондрат, разглядывая через прицел моджахедов. Их было почти не видно, только пару раз ему удалось засечь «пуштунку», двигавшуюся вдоль склона. Значит, впереди была траншея. Сколько их там всего, тоже не разобрать, – прятались в глубине перевала и пока не лезли на рожон. Одно Кондратий уже понимал, для простого опорного пункта наблюдателей здесь довольно укрепленные позиции. Это наводило на неприятные размышления. Но отходить он смысла не видел. «Духов» могло быть и не много. А раз пришли – дело надо сделать. Приказ никто не отменял.

Второй ДШК наверху ненадолго замолчал, лишь напрасно обнадежив «шурави», а потом в спецназовцев полетели трассеры, подсвечивая поле боя дьявольскими огнями. В этот момент подошла группа бойцов с «Утесом» и станковым гранатометом. Увидев их, Кондрат злорадно ухмыльнулся. Пулеметчики установили свой крупнокалиберный аппарат метрах в пяти от командира. Гранатометчики, несмотря на кромешный мрак, тоже быстро выбрали себе позицию.

– Ну, сейчас причешем «духов», – обрадовался Зарубин и обернулся к расчету гранатометчиков, которые копошились между двух валунов, – а ну-ка, ребяташки, обстреляйте-ка мне гнездо второго ДШК и потом с перелетом в глубину перевала. Там где-то минометчики засели.

Бывалые бойцы, которым Зарубин доверил это оружие, быстро пристроили тридцатикилограммовый станковый гранатомет и дали первую очередь осколочными гранатами по гнезду ДШК. Несколько ярких фонтанчиков брызнули огнем. Потом еще контрольная очередь из пяти гранат, и на перевале воцарилась тишина. Пулемет умолк.

Но это оказалось тоже ненадолго. Пролетевшая оттуда вскоре мина вновь взорвалась далеко позади залегших разведчиков. В ответ на это гранатометчики чуть приподняли ствол АГС-17, сделав поправку, и проработали перевал в глубину тремя короткими очередями. И, видно, угодили в какой-то склад с боеприпасами, потому что наверху полыхнуло так, что на мгновение стало светло, как днем. С перевала повалил дым. Миномет перестал выплевывать смертоносные гостинцы.

– Обожаю эту пушку, – не сдержался старший лейтенант и повернулся к «утесовцам», – теперь ваша очередь, орлы. Ну-ка, причешите мне перевал от греха подальше.

Крупнокалиберный пулемет, бывший на несколько километров, прошелся по кромке подсвеченного слабыми всполохами перевала и разметал в клочья все, что смог различить взгляд пулеметчика. На всякий случай еще раз обработали оба гнезда молчавших ДШК.

– Ну, а теперь за мной, разведчики! – крикнул Зарубин по рации, приподнимаясь из-за валуна. – Рассыпались по склону и вверх. Суворин слева, Рябоконт – твой фланг правый. Я в центре.

Старший сержант, державшийся неподалеку, услышал его и без рации. Кивнул и быстро исчез в полумраке, собирая бойцов.

Ожесточенная перестрелка прекратилась. Прикрываясь складками местности – на всякий случай, у «духов» тоже были ночные прицелы, – разведчики беспрепятственно преодолели остаток подъема и оседлали перевал, поперек которого действительно шла длинная траншея. В ней валялись пятеро мертвецов с автоматами. Несколько ходов от этой траншеи уводили вниз в темноту. Туда, где далеко в глубине долины, при свете дня, уже был бы виден кишлак, спавший сейчас мирным сном и полностью погруженный во тьму. По краям перевала виднелись разваленные огнем гнезда ДШК и как минимум по трое мертвых душманов в каждом. Впереди, метрах в пятидесяти, догорала минометная точка. Повсюду валялись куски разорванных взрывом тел и дымились ящики из-под мин. Похоже, гранатометчики на самом деле угодили

прямоком в боекомплект. Пока в спецназовцев больше никто не стрелял. И вообще на перевале было сейчас на удивление тихо.

– Суворин, Рябоконь, взяли по пять человек и рассыпались по перевалу. Проверяем траншеи и блиндажи, – коротко приказал Зарубин. – Только осторожно, кругом сюрпризы. Ценное забираем. Остальное минируем.

Пустив вперед пятерых разведчиков, Кондратий вместе с Семихватовым и Галиулиным двинулся вдоль центрального хода траншеи вниз, крепко сжимая автоматы и прислушиваясь. К счастью, в отвесах догоравшего пожара траншея была видна хорошо. Впереди слева вдруг застучал одинокий автомат, кто-то из бойцов резко согнулся, схватившись за руку. В ответ его товарищ метнул в сторону невидимого в темноте автоматчика штурмовую гранату РГД-5¹⁷. Раздался короткий взрыв, и автомат замолчал.

– Раненого перевязать, – приказал Зарубин, быстро приблизившись к месту схватки, и, рассмотрев бойца, уточнил: – Жив, Карпович?

– Жив, – доложил сам раненый из молодых, которого уже пользовал оказавшийся рядом товарищ, – только руку зацепило.

И добавил, немного смущенно:

– Там вроде ребенок какой-то стрелял, показалось, товарищ командир.

– А ты думал. Здесь все воюют, – ответил спокойно Зарубин, привыкший уже ко всякому на этой войне, – и дети, и женщины, если надо. Мы для них враги. А они для нас. Понял?

И не дожидаясь ответа, направился в сторону показавшегося в двадцати метрах блиндажа. Здесь было уже гораздо темнее, лишь один ящик тускло горел неподалеку, стгущая темноту вокруг. Видны были только очертания входа. Для порядка Зарубин дал очередь в чернеющий проем, а затем приказал бойцам, осторожно передвигавшимся рядом:

– Проверить, что там.

Но едва один из них успел сделать шаг вниз, как из блиндажа выскочила сначала одна черная тень, а за ней вторая и третья. Первая бросилась бойцу в ноги. Тот даже не успел выстрелить, как его сбили. Душман вцепился в его автомат, и они оба кубарем укатились в темноту. Второго, который, размахивая голыми руками, бежал прямо на спецназовцев, Кондрат расстрелял очередью в упор. «Эх, мать вашу, надо было сразу туда гранату кинуть», – сокрушался Зарубин, не имея возможности выстрелить, чтобы не убить боровшихся рядом. Но в это мгновение третья тень возникла рядом с ним. Старлей выстрелил, но верткий «дух» умудрился нырнуть под пролетавшие пули и ударил его по ногам.

Кондрат упал, а бородатый моджахед бросился на него сверху, придавив к груди автомат, и попытался убить ненавистного «шурави» ножом. В последнюю секунду Кондрат заметил тускло сверкнувшее лезвие афганского кинжала в руке у обезумевшего от ярости бойца. Вскинул руку и блокировал удар. Лезвие оцарапало щеку, замерев в миллиметре от глаза.

– Ах ты, сука, – пришел в ярость Кондрат и, выпростав вторую руку из-под «душмана», который вцепился в автомат, нанес ему короткий и резкий удар в кадык. Моджахед захлебнулся своими слюнями, выронив нож, захрипел и откинулся назад. Кондрат, не теряя возникшего преимущества, сбросил его с себя. А затем развернулся, схватил кинжал и четким движением вогнал в шею. Да с такой силой, что услышал хруст разрубаемых позвонков. Душман затих. Из разорванной раны хлынула кровь.

Подскочившие к месту схватки Семихватов и Галиулин не успели и пикнуть, как все было кончено.

– Вот так вот, ребятки, – только и произнес Кондрат, снова приходя в себя, вставая и отряхиваясь, – работаем дальше.

---

¹⁷ РГД-5 (ручная граната дистанционная, модификация-5) – советская наступательная ручная граната, относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия наступательного типа.

Едва он поправил свою панамку, как рядом раздался короткий выстрел, и звуки возни прекратились. Это другой разведчик смог, наконец, отбросить от себя душмана, который стремился задушить его голыми руками. А стоявший рядом боец, не теряя времени, пристрелил его.

– Надо посмотреть, что там, – Кондрат вновь указал на блиндаж, из которого выскочили «духи», – больно много их там пряталось.

И для верности швырнул туда РГД. А когда дым рассеялся, сам шагнул внутрь, достав из потайного кармана небольшой трофейный фонарик. Узкий луч выхватил из темноты довольно широкое помещение, полное дыма и пыли. В нос ударил какой-то странный медицинский запах. Внутри блиндаж был оборудован вполне цивилизованно: метров пять в ширину – есть где спрятаться, – стол из досок, две скамейки и небольшое углубление для оружия. В нем стояло всего несколько изуродованных «калашей» и гранатомет. Под столом Кондрат обнаружил четверых мертвых «духов», исеченных осколками. А на полуразвалившемся от взрыва столе заметил остатки пиршества – пакетик с белым зельем, несколько шприцов и рассыпанную травку. Все это превратилось в едва различимое месиво.

– Теперь ясно, отчего они на автомат с голыми руками бросились, – пробормотал Кондрат, потрогав еще кровоточившую ссадину на щеке и вспоминая обезумевшего моджахеда с клинком. – Ладно, ерунда. Могло быть и хуже.

Выйдя наружу, он услышал невдалеке два коротких взрыва и автоматную очередь, а потом увидел, как из темноты к ним приближаются несколько человек, но судя по тому, как открыто они шли, опознал своих. Это был Рябоконь с группой. Вскоре подошел и заместитель Кондрата.

– Ну? – коротко спросил Зарубин, положив руки на автомат с ночным прицелом.

– Нашли еще пару блиндажей, в одном склад оружия – штук десять РПГ, второй миномет и боеприпасы к ним. Заминировал. Сейчас рванем, – первым доложил Рябоконь, вытирая пот со лба. – Чуть дальше вниз по склону еще две оборудованные позиции для ДШК. Смотрят в сторону кишлака. Но душманов в них не было. Видать, готовились к приему гостей, да гости еще не прибыли, когда мы их гнездо накрыли. Пулеметы подорвали.

Зарубин перевел взгляд на своего заместителя.

– Мы нашли блиндаж, в котором стояла рация, – заговорил Суворин, – хотели ради-ста в плен взять и поколоть. Так он, падла, схватил две гранаты и на нас побежал. Пришлось пристрелить. Мертвый уже подорвался на гранате. Рация вдребезги. У нас потерь нет. Только Костяна... рядового Шерстнева то есть, зацепило осколком по плечу. Перевязали, жить будет.

– Отлично, – ухмыльнулся Кондрат, – Значит, скоро гости могут подойти. Они наверняка радио своим дали.

Зарубин помолчал немного, облизывая пересохшие губы.

– Галиулин, радио на базу. «Цель уничтожена. Идем домой своим ходом. Высылайте броню к месту встречи».

И посмотрев на старшего сержанта из четвертой группы, добавил:

– Взрывай, Федя. И не забудь подарочки разложить повсюду.

Оставив позади себя разрушенные позиции моджахедов и забрав убитого бойца, отряд пошел назад тем же путем, что и пришел. Расположенный в центре долины расчет пулеметчиков со вторым «Утесом», не принимавший участия в бою, теперь прикрывал отход. Убитого выносили на носилках, сделанных из плащ-палатки. О том, чтобы оставить тело «духам» и речи не было. Среди спецназовцев ходило достаточно рассказов о том, как «душманы» издевались не только над живыми пленными, но даже над мертвыми бойцами – выкалывали глаза, отрезали уши. Бывали случаи, особенно со снайперами. Когда «духам» не удавалось взять их живыми, и те в ярости расстреливали не только самого мертвого снайпера, но даже его винтовку. Так что, можно сказать, прости господи, Иванцову еще повезло. Его матери будет

тяжело, но она хотя бы увидит могилу сына. Именно поэтому отряд донесет его и отправит «Черным тюльпаном» груз-200 обратно в Союз.

Шагая с камня на камень, старший лейтенант Кондратий Львович Зарубин подумал о том, что сегодня его отряду тоже повезло. Опорный пункт, конечно, оказался не таким простым, как рассчитывали, а хорошо укрепленным. Но до настоящего укрепрайона ему было еще далеко. Да и «духов» оказалось не так много. Справились своими силами, даже не привлекая авиацию или дальнобойную артиллерию.

«ПТУРС только зря таскали, – подумал он и посмотрел на бойцов, что кряхтя тащили этот незаменимый при штурме укрепрайонов агрегат, – ничего, пусть потренируются. Еще успеет пригодиться».

Когда отряд уже выходил из ущелья в зеленку, далеко позади раздался гулкий взрыв. Это сработала закладка, которую Рябоконь сварганил из «Ведьмы»¹⁸, притащенной с собой.

– Так, – проговорил Кондратий, оглянувшись назад и пытаясь рассмотреть, что там произошло, но рассвет еще не наступил, и вокруг по-прежнему было темно, – быстро гости пожаловали. А ну-ка, ребяташки, шире шаг. На сегодня войны хватит.

---

¹⁸ ОЗМ-72 – осколочная заградительная противопехотная выпрыгивающая мина кругового поражения. Название на армейском жаргоне – «Ведьма».

Глава пятая

После боя

До базы в Асадабаде добрались без приключений. Подорвавшиеся на mine «душманы» – а кроме них на перевал никто не мог взойти, Кондратий был уверен – преследовать не стали. Видимо, нанесенный позициям урон надолго охладил их пыл. Разведчики действительно разнесли позиции буквально вдребезги, и «духи» могли решить, что здесь побывала целая рота «шурави», а потому воздержались от преследования. А, может быть, и самих пришло не так много, как можно было ожидать. Хотя, если верить глазам, то на перевале должна была закрепиться группа вдвое, если не втрое большая, чем они успели раздолбать. И если бы к приходу группы Зарубина там уже все было готово, то взятие этого перевала могло обернуться гораздо большими потерями. Да и отступление тоже. Разъяренные моджахеды могли броситься в погоню, и группе пришлось бы отступать с боем, а тут уж без вертушек и бронетехники могло не обойтись. «Так что удачно сходили, – думал старший лейтенант, сидя на броне БМП-2 и вглядываясь в предрассветный туман, – могло быть и хуже».

До проселочной дороги, что вела к кишлаку Шамун, добрались тоже спокойно, никого не встретив. Ночью здесь хорошие люди не ходят. Только караваны с оружием и наркотой. Да еще спецназовцы. Преодолев брод в том же месте и тем же порядком, спустя полтора часа были в контрольной точке у развилки. Здесь их уже поджидали бронемшины, схоронившиеся в овраге, подальше от лишних глаз.

– Ну, как сходили? – поинтересовался командир мотострелков у Зарубина, когда группа вынырнула из тумана и была опознана как «свой».

– Пощипали «духов», – ответил Кондрат для поддержания разговора, но не вдаваясь в детали.

– Да и вас, я смотрю, – проговорил тот, глядя, как в БМП грузят мертвого бойца на плащ-палатке. Но расспрашивать больше не стал.

– Есть немного, – нехотя согласился Кондрат.

– Ладно, прыгай на броню. Скоро дома будешь, – бросил командир мотострелков, поправил шлем и скрылся в бронированной машине.

Чихнув моторами, колонна выбралась из оврага и устремилась по направлению к части. Путь домой был недолгим, но расслабился Кондратий Зарубин, только когда колонна пересекла КПП и остановилась на территории части. Афган, – дело тонкое. У «духов» тоже радиосвязь была и гранатометы. А колонну могли раздолбать и по дороге домой. Но, слава богу, не раздолбали. В этот раз победа осталась за спецназом.

Встречал колонну с разведчиками лично подполковник Стеценко.

– Успели даже к завтраку, – отработовал Зарубин, спрыгивая с брони и представ перед светлыми очами непосредственного командования, – как и приказывали, товарищ подполковник.

– Ну, докладывай, Кондратий Львович, – хмурясь, кивнул полковник, провожая взглядом плащ-палатку. По его землистому лицу было видно, что он не спал всю ночь, а наверняка провел ее рядом с радистом.

– Обнаружен и уничтожен опорный пункт противника на перевале у кишлака Шамун, – перешел на официальный тон Зарубин, – перевал оказался укреплен сильнее, чем мы рассчитывали, но моджахеды еще не полностью успели закончить оборудование позиций и укомплектовать бойцами. Мы появились как раз вовремя. Укрепление разрушено, оружие – четыре ДШК, два миномета и больше полусотни единиц стрелкового, а также боеприпасы к ним, – уничтожено. Ну и человек сорок духов.

– Хватил, значит, их Кондратий¹⁹, – ухмыльнулся Стеценко своей шутке, которая ходила по части из-за родословной Зарубина, названного в честь знаменитого казацкого атамана.

Кондратий облизал пересохшие губы.

– Так точно. Когда спускались обратно, на перевале сработала закладка. Думаю, еще человек десять положили. Но, товарищ полковник, судя по количеству траншей и блиндажей, подоспей мы чуть позже, и нас бы там ожидало сотни две, если не больше, душманов. Они просто не успели там закрепиться окончательно. Половина позиций были пустыми.

– Значит, разведка оперативно сработала, – удовлетворенно кивнул Стеценко и поправил кепку песочного цвета, прищулив левый глаз, в который его кольнул один из первых лучей поднимавшегося солнца, – и нам удалось предупредить противника. Подоспей вы попозже, они там действительно бы закрепились так, что выбить их силами одного отряда было бы нереально. И потерь было бы гораздо больше. А сейчас как вышло?

– Один молодой убит, попал под пулеметную очередь. Еще двое ранены. Остальные в порядке.

Подполковник умолк ненадолго, потом вздохнул и сглотнул слюну. Хоронить бойцов было частью его службы, к которой он так до конца и не смог привыкнуть, хотя внешне казался спокойным. На войне, как на войне.

Зарубин положил руки на автомат.

– Надо еще разок туда наведаться, товарищ подполковник, – предложил Зарубин, – для порядка. И закрепления успеха. А то они там восстановят все скоро, и тогда действительно будет труднее их выбить. А кишлак вот он, буквально у нас под боком.

– Наведаемся, – успокоил его командир, – после артподготовки. Только эту задачу я другим поручу. Ты на сегодня свое дело сделал. А для желающих повоевать новое дело есть. И срочное.

– Какое, товарищ подполковник? – вытянулся Кондратий, готовый хоть сейчас отправиться на новое задание.

Стеценко прикрыл ладонью глаза, – солнце полностью вылезло из-за горного склона и залило своим жаром весь Асадабад. Внезапно послышался стрекочущий звук вертушек, и над базой зависла пара летающих танков Ми-24, прозванных бойцами почему-то «Крокодилами». Подняв тучу пыли, вертолеты опустились на аэродроме. Открылся люк, и на землю посыпались бойцы группы капитана Терехина из второй роты, выходявшего на задание одновременно с Зарубиным, только в другой район и на вертушках.

– Перекуси и отдохни немного после выхода, Кондратий Львович, – подытожил Стеценко разговор, – у меня тут дела появились, а потом ко мне в штаб. Там и расскажу детали.

Зарубин кивнул и только сейчас вдруг осознал, как он устал за время рейда. Отдохнуть и правда не помешает. Раздав указания своим бойцам, в том числе организовав все, что нужно сделать с погибшим и ранеными, Зарубин отправился к себе в барак, где жил в комнатухе, деля ее с другими офицерами. Быт здесь был суровый, но уже привычный, и ничуть не смущал старшего лейтенанта, десять лет назад решившего посвятить свою жизнь спецназу.

Сдав оружие куда следует, Кондратий разделся и принял душ, устроенный тут же рядом с бараками. Скупая струйка теплой воды из бочки со шлангом показалась изможденному за время беготни по горам телу Зарубина просто райским наслаждением. Такой кайф выпадал

---

¹⁹ Знаменитое «Булавинское восстание» (казацкое восстание 1707–1708 годов) началось с запрета Петра I казакам самостоятельно добывать соль и ультиматума – выдать с Дона беглых крепостных крестьян. Оба эти требования категорически противоречили укладу «казацкой жизни» – соль была основным доходом самостоятельного Войска Донского, а беглые пополняли его численность. // 6 июля 1707 года Пётр I издал указ о сыске беглых в донских городках. Ответственным был назначен Юрий Долгоруков. В сентябре Долгоруков во главе отряда прибыл в Черкасск и начал рейд по казачьим поселениям Верхнего Дона, жестоко подавляя неповиновение. Вскоре восставшие казаки под предводительством бахмутского атамана Кондратия Булавина напали и полностью разгромили отряд князя Долгорукого. По предположению историка Соловьева, отсюда пошло народное выражение – «Хватил Кондратий» или «кондрашка хватил».

на долю разведчиков не слишком часто. С водой в этих местах проблемы. В затяжных рейдах бывало приходилось не то что про мытье забыть, а думать, где вообще раздобыть воды для питья, когда она во флягах закончится. Если речки или ручейка рядом не было, нередко приходилось копать землю вглубь, пока не дойдешь до водоносного слоя. В зеленке он, к счастью, часто лежит не глубоко. Вырыл яму в метр глубиной, угадал с местом, и вот оно, счастье, – яма быстро стала заполняться мутной водой. Главное, чтобы хоть что-то появилось. А дезинфекция всегда с собой – бросил в эту муть таблетку пантоцида и наслаждайся живительной влагой.

Слава богу, хоть в расположении отряда с водой было все в порядке. И с кормежкой тоже. Отфыркавшись и переодевшись в чистое, Кондратий Зарубин загнал своих подчиненных в столовую, временно располагавшуюся неподалеку в длинном шатре, пока не закончился ремонт в специально отведенном помещении. Да и сам присел за стол к офицерам. Надо было о пообщаться, перетереть последние новости, узнать, что как и где.

Обменявшись приветствиями с лейтенантом Игнатьевым и старлеем Витей Жуковским, Кондратий все же воздержался пока от разговоров и набросился на отменный наваристый борщ, источавший такой аромат, что у него слюнки потекли, лишь только повар с миской показался в дальнем конце шатра. Согласно приказу военнотружущие советских частей в Афганистане обеспечивались горячим трехразовым питанием. А на период выполнения боевого задания и сухим пайком. Для подразделений спецназа предназначался сухой паек с загадочным названием «Эталон № 5», напоминавший Зарубину название духов. Но его содержимое было не таким легковесным, а вполне себе высококалорийным и могло прокормить бойца в походе – тушеное мясо, фарш, сало-шпик, печеночный паштет, сгущенное молоко, галеты, чай, кофе, шоколад. Часто летом бойцы даже оставляли излишки на базе, зато зимой брали все, что дали на складе, купили в магазине или сами нашли им одним известными путями. Так что во время рейда в рюкзаках РД-54 можно было обнаружить не только «Эталон № 5» и боеприпасы. А иногда, если повезет, бойцы пополняли свой рацион питания даже местными продуктами. По таким «праздникам» им удавалось отведать свежее мясо, рыбу или овощи-фрукты. И на войне жизнь шла своим чередом.

Но сейчас про сухой паек Зарубин и не вспоминал. Он хотел растянуть наслаждение борщом подольше, но едва вдохнув его аромат, просто проглотил всю тарелку за один присест. И уже облизывал выдавшую виды алюминиевую ложку, когда в столовую вошел капитан Терехин, старый друг Кондратия, весельчак и балагур.

– Ну, что, Кондратий, – поприветствовал он старлея, приземляясь рядом на лавку, – хорошо поработал? Хватил супостатов, как говорится!

– Нормально, – кивнул в тон ему Кондратий, – хватил.

– Ну, так ты ж казак, – продолжал шуметь Терехин, устраиваясь поудобнее с ложкой в руке напротив такой же тарелки борща, – станичник. Всевеликое войско Донское, или как вас там правильно называть. Так что имя обязывает.

– Ладно, кончай зубоскалить, товарищ капитан, – по-свойски заявил ему Зарубин, – лучше налегай на борщ да расскажи, как сам повоевал. Есть еще в Афгане рыбные места, где можно «забить караван»?

– Я тебе «товарищ капитан» только при отцах-командирах да подчиненных, – оглянулся Терехин на бойцов, сидевших метрах в пяти за длинным столом, – а в ближнем кругу я тебе просто Митя. Вот оно как, товарищ «старший лейтенант».

Проглотив несколько ложек наваристого борща – повар сегодня был в ударе, – Терехин добавил:

– Тебе, кстати, тоже скоро срок выйдет капитанские погоны надеть. Забыл, что ли? Еще чуток и все, будешь со мной в одном звании щеголять уже как «товарищ капитан». А может, и уже должен, только не в курсе.

– Ну, – невольно усмехнулся Зарубин, – до этого еще дожить надо.

– Доживем, брат, – отмахнулся Терехин, продолжая с легким чавканьем поглощать содержимое тарелки, – я тебе больше скажу. Ходят слухи, что наш ограниченный контингент скоро вообще выводить начнут из Афгана. Не пройдет и пары месяцев, как окажемся мы с тобой, друг Кондратий, на просторах нашей необъятной родины. Крепко выпьем и отдохнем от войны. Сколько можно пыль глотать. Эх, на море поеду первым делом, тыщу лет там не был...

Капитан продолжал балагурить. А Кондратий, узнав о скором окончании войны, неожиданно для себя даже расстроился и впал в ступор. И хотя это была уже не новость, разговоры ходили давно, сознание отказывалось этому верить. Он провел в армии уже десять лет и другого себе просто не представлял. Да и не хотел он возвращаться к мирной жизни. Причина, что привела его в Афган, за это время почти растворилась, но не исчезла совсем. Гнев, холодным огнем тлевший внутри него так давно, находивший здесь выход в постоянной опасности для жизни и сражениях с моджахедами, так и не погас за это время. Лишь ослаб, став частью натуры. Да и возвращаться ему было особенно не к кому. Кондратий Зарубин не представлял себе, что будет делать с этой неутолимой жадой мести на гражданке. Он даже сам себя боялся, когда думал об этом в часы отдыха между марш-бросками.

Кондратий перестал слушать не умолкавшего после боевого выхода товарища, постепенно проваливаясь в воспоминания о том, как судьба занесла его в Афганистан с берегов такого далекого и тихого Дона.

Глава шестая

Семья Зарубиных

Родом Кондратий Львович Зарубин происходил из донских казаков. Это было постоянной темой для ерничества среди друзей-офицеров и предметом тихой гордости для подчиненных. Командир у них был не просто командир, а можно сказать, целый атаман. Да еще названный родителями в честь настоящего казацкого атамана Кондратия Булавина, устроившего в прошлом целое восстание. Булавин был, конечно, не Стенька Разин, но тоже личность известная. Одна присказка народная чего стоила, хоть и не знал об этом почти никто. Но сам Кондратий знал и втайне гордился своей астральной связью со знаменитым атаманом.

В общем, все его предки, как было известно юному тогда Кондратию, происходили из донских казаков. Сам он был родом из станицы Старочеркасская²⁰, что располагалась в Ростовской области и была издревле известна как столица Донского казачества.

Семья у Кондрата всегда была большая, много братьев и сестер. Особенно в давние времена. Как рассказал ему отец, часть тех самых далеких предков – а точнее один из братьев казаков Зарубиных – даже принимала участие в восстании Булавина против войск Петра Первого. Лихой был атаман, хоть и мятежник. Не мог стерпеть притеснения. Впрочем, среди казаков вольность всегда ценилась больше всего остального. В честь него родители и называли самого Кондратия, хоть и пришлось предкам Зарубиных сильно пострадать из-за того, что один из братьев прибил к войскам мятежного атамана. Многие тогда были казнены. Но оставшиеся в живых члены семьи и их потомки заслужили прощение своей доброй службой царю. А за следующие сто лет даже получили дворянский титул.

Многое пережила семья Зарубиных в лихие революционные годы. Станица поддержала белое движение, за веру, как говорили тогда, царя и отечество. Многих убили в боях, кто-то ушел за кордон, да там и сгинул без вести, выживших раскулачили и репрессировали. Да и чего было ждать дворянам от голодранцев. Но живучий был род. Как ни убивай Зарубиных, обязательно кто-нибудь да выживет. Так и случилось с отцом Кондратия Львом Гордеичем да братом его Харитоном. Малые они были совсем во время революции, и большевики их не тронули. Оба выросли, да как раз к войне с немцами и возмужали. Прошли войну, вернулись в родную станицу героями. Отец Кондратия всю войну в разведке прослужил. «Четыре года на карачках», – как любил он потом шутить, подкручивая ус, покуривая сигарку и рассуждая с друзьями-товарищами, как ему обустроить село. А вопросов было немало. После войны они с братом едва ли одни с войны живыми и невредимыми вернулись. Кругом только девки да бабы. Да еще казаков-инвалидов десятки. Крепко немец по людям прошелся в той войне. Вот его станичники и выбрали председателем. А брат в помощниках ходил.

Гордеич, как называли его станичники, дело свое знал крепко. А потому через пять лет станица ожила. Сеять стали, пахать. Коровник разрушенный отстроили заново, да коров завели. Мужики в станицу потянулись, свадьбы стали играть, дома строить. Семей много образовалось – Ермолаевы, Зенцовы, Ковалевы, Сиротины, – детей рожать начали. Через десять лет уже не узнать было станицу, словно и не было никакой войны. Опять зашумели веселые людские голоса да звонкий детский смех.

В те годы Гордеич и встретил мать Кондратия Евдокию, что приехала в станицу из соседнего района на заработки. Полюбили друг друга да вскоре поженились. Свадьбу Гордеич такую закатил – вся станица неделю гуляла. Хотя партийное руководство и не очень довольное было, что народ от работы отвлекался. Отец Кондратия тогда уже партийный был, а иначе председа-

---

²⁰ Все события, происходившие в станице Старочеркасская, придуманы, а совпадения с реальными жителями случайны.

телем было никак не стать. Жили хорошо и весело. Родила Евдокия пятерых детей – двух девочек и трех пацанов на радость старому казаку. И в доме, где рос Кондратий, самый младший из них, всегда было шумно.

А потом затеял Гордеич и свой конезавод. Ну, не может казак без коня жить. Положил на него десять лет жизни. С утра до ночи там пропадал, но вскоре коней станичных уже нахват брали все соседи, да издалека приезжали за ними. А сам Гордеич, променяв служебный автомобиль, полагавшийся ему уже как председателю колхоза, часто объезжал свои владения на скакуне, чувствуя себя в седле да в чистом поле гораздо лучше, чем в кабинете. Хотя официально в те годы казаков в Советском Союзе как бы и не было. Советская власть тогда не поощряла вольное казачество, и лихих парней с шашками на конях даже в станице было днем с огнем не отыскать. Растворилось тогда казачество среди людской массы. Но до времени. Так как истребить под корень казаков советской власти не удалось, как ни старалась, все равно проросли.

Мать Кондратия тоже боевой женщиной оказалась. Не только за детьми успевала присматривать, но и к торговле талант имела. Еще до замужества она стала в местном сельпо продавщицей подрабатывать, а потом и торговый техникум окончила. Гордей, склонный к большим делам, не возражал. Да так лихо у нее это получалось, что магазин в лидеры соцсоревнования выбился, а Евдокия вскоре из продавцов в директора попала. А затем второй магазин построили и третий. Росла станица, товаров нужно было много. И мать Кондратия, не прошло и пары лет, уже со всей крупной торговлей в станице управлялась, да еще успевала на ярмарки с товаром ездить – медом и солью своего приготовления. Сестры Кондратия ей во всем помогали, да и он сам, случалось, в магазине приторговывал, если мать приказывала. И у него тоже неплохо это получалось. Умел Кондратий товар подать лицом, видно, от матери коммерческая жилка и ему передалась. В общем, шли дела. Семья у Кондратия была богатая даже по советским меркам. Всего хватало.

Когда Кондратию исполнился шестнадцать лет, он был уже крепким парнем, в котором отец желал видеть лихого казака. Научил его сызмальства Гордеич обращаться с конем. Мог Кондрат скакать на нем весь день и даже не уставал, так ему это занятие нравилось. Полюбил он коней вслед за отцом. Даже шашкой рубать научил его неугомонный Гордеич, тайно по случаю прикупив острый клинок у бывалых казаков и занимаясь с сыном вдали от людских глаз. А когда сын и джигитовку освоил, то батя его даже шутить стал. «Мол, тебе, Кондратий, хоть в цирке выступать теперь». Но в цирк Кондратий не хотел. Не по душе ему было просто веселить народ, хоть и незлобивый он по характеру получился. Вырос парень сильным, даже где-то упертым и своенравным. Как повзрослел, мать с ним перестала справляться. Любил Кондрат отстаивать правду и драться за нее, если слова кончались. Нередко с фингалами домой приходил из школы. Но не боялся. Шел до последнего. Хоть один против всех, все равно ему было. Не раз за это батя порол своего упрямого сына, но в глубине души гордился. Казак получился что надо. Этот семью в обиду не даст.

А когда Кондратий по собственному желанию пошел в секцию самбо и научился драться так, что никто ему из сверстников в станице в подметки не годился, а потом еще и чемпионом района стал, пожилой казак призадумался.

– Видать, дорога ему в служилые люди, мать, – изрек как-то Гордеич, разглядывая вымпел и медаль над кроватью сына, – я повоевал, и он себя показать должен. Такая уж судьба у казаков – служить.

В тот год началась война в Афганистане, и у советских людей появился интернациональный долг. Только никто толком еще ничего не знал о происходящем в высоких горах этой жаркой страны. Из станицы туда покамест никто не попал, из соседних тоже. Погугарить об этой войне было не с кем. Жили как жили.

Кондрат закончил школу и подался в училище, где собирался выучиться на конезаводчика и продолжить дело отца, который уже двадцать лет, как тащил на себе колхоз и конезавод. Училище находилось в городе, и семья отрядила Кондрата во взрослую жизнь, разрешив самостоятельное проживание и снабдив деньгами. Старшие братья его работали у бати в колхозе, механизаторами. Сестры там же в станице матери помогали с торговлей. Получалось, что Кондрат один из всей семьи временно стал городским жителем. Проучившись два года в городе и сдав экзамены на пятерки, гордый собой Кондрат приехал на каникулы домой и две недели гулял, наслаждаясь общением с родней. Побывал у отца и матери на работе, вдоволь поскакал на конях, помог сестрам по хозяйству, с братьями на рыбалку съездил на дальние озера. В общем, окунулся в станичную жизнь. А вечером в последний день перед отъездом в город увидел он хмурого отца за непривычным занятием. Тот чистил двуствольное ружье, сидя на крыльце большого дома. Шашка дома была давно, ружье тоже. Но если шашкой они оба любили помахать, то двустволку отец при нем доставал впервые.

– Это ты зачем, батя? – удивился Кондрат, уже отпустивший усы. – На уток что ли собрался на старости лет.

Помолчал отец, потом смерил взглядом сына и, видимо, решив, что тот уже достаточно взрослый, пояснил:

– Это, сынок, чтобы семью от плохих людей защитить.

– Да ты что, батя, – удивился Кондрат, присаживаясь рядом, – откуда у нас в станице плохие люди?

– Не одна наша станица на земле, сынок, – терпеливо пояснил Лев Гордеич, виски которого уже посеребрила седина, – на белом свете всякой падали хватает, окромя добрых людей. Слышал про татар, что конями в соседнем районе торгуют?

– Слышал, – припомнил Кондрат, – это те бандиты, что даже цыган обворовать умудрились да под себя подмять? Говорят, за ними темные дела тянутся.

– Они, – кивнул старый казак, – тамошний председатель под этими бандитами давно сидит. Вот и ко мне они приходили. Уже полгода вокруг конезавода круги нарезают, хотят к рукам прибрать. Деньги предлагаю, очень много денег, сынок. Наши кони знатные, дорого стоят.

– Да как же так, батя, – возмутился Кондрат, – а милиция? А советская власть куда смотрит?

– Мал ты еще, сынок, – пожурил своего великовозрастного отпрыска Гордеич, горько ухмыльнувшись, – не понять тебе еще, что советская власть-то она есть. Я вроде и сам советская власть. Могу наградить, могу наказать. Но у меня все по закону. Взятки не беру, людей своих защищаю. А под ровной поверхностью в этом тихом омуте, паря, такие черти водятся, что тебе лучше и не знать пока. Загрызут и не поперхнутся. Вон председатель в соседнем районе уж на что партийный, а и то под бандитов этих лег, паскуда. Татарва эта на нож поднимает быстро. Тех, кто им перечил, уже закопали в чистом поле. Говорят, милиция им тоже не указ, или вообще заодно. В тех районах, что рядом с нашим, уже все председатели под ними. Никто не пикнет, – за семью боятся.

– Да пошли ты их, батя, этих чертей, – решительно выступил Кондрат, сжав кулаки, – если что, соберем людей, оружие возьмем. Отстоим колхоз и без милиции.

– Восстание затеять хочешь, Кондратий? – усмехнулся Гордеич. – Обожди. Я их послов уже пять раз с лестницы спускал. А сегодня сам главарь ко мне заявился. Я и его спустил, наказав, чтобы больше здесь не появлялся. Мы – люди вольные.

Помолчал старый казак Гордеич и добавил вполголоса:

– Так что, даст бог, не увижу их больше.

Потом обернулся к сыну и наказал:

– А ты, как учебу закончишь, приезжай, матери и сестрам помоги. Нужен будешь.

– Само собой, батя, – рассмеялся Кондрат и подмигнул, – если кого побить надо будет, зови на подмогу, враз прилечу.

На следующее утро он уехал. А через пару месяцев посреди ночи его разбудила вахтерша общежития.

– Иди к телефону, сынок, стряслось что-то у тебя дома.

Кондрат, как был в трусах, надел тапки и добрел до вахты, не понимая, что такого могло случиться дома, чтобы ему позвонили посреди ночи. На том конец провода он услышал глухой голос своего престарелого дяди Харитона.

– Беда, Кондрат. Приезжай срочно. Еще, может, застанешь кого, пока не похоронят.

Кондрата как обухом по голове ударило. Словно во хмелю, он оделся, взял деньги, поймал на дороге машину, что шла в сторону дома, и уехал в станицу.

То, что увидел, приблизившись на рассвете к своему жилищу, он не мог себе даже представить. Залитый пеной и сгоревший наполовину большой дом еще дымился, шипя тлеющими головешками, словно раненая змея. Его едва успели потушить. Пожарные возились рядом со шлангами. Кругом толпились причитавшие соседи. У входа в уцелевшую часть дома стоял участковый, незнакомый Кондратию, и дядя Харитон, руки которого тряслись.

– Не ходи туда, сынок... – попытался остановить он племянника, едва приметив, – нет их больше... Никого.

Участковый пристально оглядел его с ног до головы и уточнил:

– Ты Кондрат?

И увидев кивок, пробормотал, глядя на побелевшее лицо парня:

– Криминалисты еще не приехали, не стоит тебе там топтаться...

– Пусть войдет, Григорий, – вдруг изменил свое мнение и попросил участкового Харитон, – он уже взрослый.

Милиционер не стал ему мешать, однако шепнул Харитону:

– Зря ты это. Тронется умом парнишка.

– Мне надо... – только и сказал Кондрат, шагнув в полуразрушенное помещение. Но, сделав шаг, остановился как вкопанный, вскрикнув от ужаса.

Уже на пороге он чуть не споткнулся о чьи-то тела. На залитом пеной и кровью полу увидел двух мертвых людей. Обгорели они не сильно, но были ему незнакомы. Лица их, впрочем, были неразличимы и представляли собой одно сплошное кровавое месиво, словно кто-то выстрелил им дробью в лицо. В центре горницы лежало обгоревшее тело матери, Кондрат едва опознал ее по разорванному платью. Чуть в стороне, на мокрых и обгорелых останках кровати лежали трупы сестер в разодранной одежде и без нижнего белья. Они явно были изнасилованы перед смертью. Рядом на полу с рассеченной топором головой и изуродованным лицом валялся один из его братьев. Ему даже отрубили кисти рук, торчавших теперь в стороны окровавленными культиями. «Видимо, за то, что сопротивлялся», – как-то отстраненно подумал Кондрат, мысли которого звенели колокольным звоном в опустевшей голове. Второго брата он нашел на кухне. Тело его почти полностью сгорело, оголив кости и пустые глазницы черепа.

Найдя в себе силы сдвинуться с места, кашляя от дыма, Кондрат прошел дальше и обнаружил отца. Старый казак лежал на ступенях крыльца, которое вело во двор. Рядом валялась сломанная и обгорелая двустволка. Лицо его было иссечено так, что живого места не осталось. Глаз не было. Живот вспорот и прямо из огромной раны торчала знакомая шашка, оставленная явно в назидание. Отец обгорел не сильно, еще можно было разглядеть его седые волосы.

В душе у Кондрата вдруг стало невыносимо холодно. Он разом успокоился, словно все страхи и боль покинули его. Сел рядом с телом отца на корточки посреди пепелища, и, глядя перед собой сквозь дым, тихо произнес:

– Я отомщу, батя. За вас всех.

Затем он встал и, не обращая внимания на вопросы дяди Харитона и милиционера, что-то пытавшихся сказать ему, ушел из дома в ночь.

Глава седьмая

Мститель

Бродил до утра, где, не помнил, а потом все же вернулся в дом к дяде. Больше жить ему было негде. Молчаливый Харитон определил парнишке угол и дал ему время опомниться. После похорон Кондрат так и пролежал неделю, уткнувшись лбом в стену. Даже водки не пил. До тех пор пока не пришел милиционер с известием, что нападавших найти не удалось, но ищут и когда-нибудь обязательно найдут.

Первого татарина из банды Кондратий убил через две недели. Друзья помогли да хорошие люди, уже давно притесняемые этими отморозками. Выследил на ярмарке в соседнем районе, где тот торговал отобранными у разных владельцев конями. Подождал, пока расстанется с компанией друзей, проводил до дома и прямо на пороге сломал ему шею. Быстро и без колебаний. Не зря чемпионом района когда-то стал. Кондрат даже не боялся, что его заметят, поскольку не убийство творил, а месть. Голова была холодной. Тело беспрекословно подчинялось приказам. Напал из темноты на расслабленного бандита – бросок, захват горла, рывок, хруст позвонков и обмякшее безжизненное тело уже валялось в пыли, рассыпав из кармана наторгованные деньги. А вокруг мирно стрекотали кузнечики и одиноко горела лампа вдали на столбе. К счастью, никого не было в тот час рядом с домом. В этих местах хорошие люди по вечерам не выходили на улицу, особенно девушки, боялись грабежей да насилия.

Жить домой к Харитону Кондрат уже не вернулся, сказав, что нужно на учебу возвращаться. И действительно вернулся в город, вновь поселившись в общежитии. Но, вместо учебы, он собрал ватагу из верных друзей и стал выслеживать остальных убийц своей семьи. Другой цели в жизни он больше не видел и решил, что пойдет до конца. Успокоится лишь тогда, когда последний татарин из банды ляжет в землю. А друзья, ставшие свидетелями убийства семьи Кондрата, были ему преданы. У самих родня пострадала, хоть и не так жестоко.

Милиция между тем никого из банды, известной на всю округу, так и не нашла. То ли следов в обгоревшем доме обнаружить не смогла, то ли на самом деле была куплена местным «ханом». Кондрат разбираться не стал и надеяться на справедливый суд тоже. Ему стало все равно, что будет с ним. В сердце поселился лютый холод, который не пропал со смертью первого бандита.

Друзья верные тайно помогали ему не хуже милиции, и вскоре он вышел на след еще одного участника ночного налета. Как оказалось, тот продавал наркотики. А банда, помимо коней, торговала адским зельем, разрушив не одну семью в станице, и даже до города добралась, где желающих пристраститься к наркоте было гораздо больше. Проживая без родителей, молодежь часто позволяла себе лишнее. В своей общаге Кондратий не раз встречал таких обкуренных и напугавшихся подростков, но тогда он не интересовался, откуда они берут зелье. Просто бил по морде, если сильно досаждали или приставали к девушкам.

Узнав о связи бандитов с наркотиками, Кондрат решил прикинуться наркоманом. Благо возраст позволял – с виду молодой парнишка, неопытный еще, желающий в жизни попробовать все, включая запретные развлечения. А то, что здоровый с виду, так это поначалу у всех бывает. Раз попробовал наркоту – и прощай, здоровье. Те, кому он бил морду, ясное дело, помогать не стали бы. Но Кондрат нашел других торчков и уговорил устроить ему встречу с нужным человеком. Даже денег немного дал, для приманки. И ему назначили встречу.

После первого случая домой к дяде заходил участковый, навести справки насчет Кондратия, где был, что делал. Кондрат надеялся, что татары о нем еще не проводали, и продолжал свои приготовления. Но, даже если и так, то последний выживший казак из рода непокорного Гордея не собирался останавливаться, пока не уничтожит всю банду. Сколько бы лет ему на это ни понадобилось.

Дядя, помогавший ему деньгами, после того случая опять ближе к ночи позвонил в общежитие и спокойно, не задавая лишних вопросов, сообщил:

– Участковому я сказал, что ты у меня был в ту ночь. Сам смекай, что к чему. И на рожон зря не лезь, паря.

– Не беспокойся, дядя Харитон, – бесцветным голосом ответил Кондратий, покосившись на стоявшую рядом вахтершу, – у меня все в порядке. Учусь помаленьку. Спасибо.

И положил трубку.

Это было правдой. До выпускных экзаменов ему оставалось не больше месяца. Он постоянно пропадал в разъездах, прогуливал занятия и нахватал кучу хвостов. Ему уже не раз «ставили на вид». Того и гляди могли отчислить в паре шагов от диплома. Приходилось напрягаться, чтобы хоть как-то изображать учебу и не привлекать к себе лишнего внимания. Но отказываться от задуманного Кондрат не собирался. Даже несмотря на то что на днях получил повестку явиться в военкомат. Ему уже стукнуло восемнадцать, и советская армия напомнила о священном долге перед родиной. Но ему пока было не до армии.

Наконец, в одной из узких и грязных подсобок городского рынка ближе к вечеру пятницы он встретился с продавцом счастья. Как оказалось, тот пришел на встречу не один. Когда Кондрат, нагнувшись, шагнул в полутемное помещение с узким окошком и второй дверью, выходящей на заваленный ящиками двор, он увидел двоих бородатых мужиков восточной внешности. Они сидели за грязным столом, натянув кепки на глаза, нездоровый хищный блеск которых скрыть было трудно. Похоже, продавцы, несмотря на расхожее мнение, сами употребляли товар.

– Я от Гарика, – произнес пароль Кондрат, присаживаясь к столу.

– Гарик сказал, что ты счастьем интересуешься? – спросил один из продавцов, ухмыльнувшись и показав два золотых зуба.

– Интересуюсь, – кивнул Кондрат и добавил, изображая нетерпение: – А у вас есть?

– Счастье бесплатным не бывает.

Кондрат полез в карман, заметив, как напряглись оба, и швырнул на стол смятую купюру.

– А ты и правда счастья хочешь, – всплеснул руками продавец, быстро сгребая деньги и на этот раз широко улыбнулся, вновь сверкнув зубами в полумраке.

Второй бородач встал у двери во двор, преградив выход. Но при этом немного расслабился, как отметил наметанным взором Кондратий, – сделка началась хорошо. А тот, что говорил с ним, полез под стол и вытащил оттуда небольшой холщовый мешочек.

– Посмотри, брат, что у меня есть. Тебе будет хорошо.

– Уже не будет, вы отняли у меня всё, – произнес Кондрат и нанес удар ногой под столом по табуретке.

Татарин рухнул вниз, ударившись затылком о кирпичную стену. Кондрат резко опрокинул на него стол и сразу бросился на второго. Не ожидавший такого поворота боец все же успел среагировать и вытащить нож, но промахнулся. Лезвие прошло мимо плеча нырнувшего под руку Кондрата. Захват, удар коленом в пах, еще удар, треск ломаемого ребра. Удар локтем в горло, и с предсмертным хрипом татарин сполз по стене, испустив дух. Первый бой в узком помещении закончился быстро.

– Ты на кого бросаешься, щенок, – отплеываясь от грязной соломы, попавшей в рот, прошипел второй, выбираясь из-за опрокинутого стола тоже с ножом в руках, – ты чего, уже ширнулся или ломает?

– Я буду вас убивать, пока не передавлю всех, падаль, – выдавил из себя Кондрат, перед глазами которого пронеслись растерзанные тела его семьи, – сейчас ты сдохнешь, как собака.

В глазах татарина вдруг мелькнула догадка.

– А... ты тот щенок, что выжил после казни, – бандит перекинул нож в другую руку и опять ухмыльнулся, – тогда тебе повезло, что не было дома. Но знай, твоя сестра визжала,

когда я ее трахал, а потом резал. И мать тоже. Сейчас я и тебя кончу. Все ваше семя должно исчезнуть. Так приказал...

Он не договорил. Кондрат бросился вперед и нанес удар ногой в грудь. Татарин вновь отлетел к стене, но на этот раз не упал и ножа не выпустил. Выставив клинок вперед, он сам метнулся на рискнувшего напасть подростка. Татарин хоть и был невысоким, но коренастым и сильным мужиком. Кондрата это не впечатлило. Ярость наделила его могучей силой, а голова ему никогда не отказывала. Он перехватил руку с клинком и швырнул нападавшего через бедро. Татарин растянулся на бетонном полу. Завладев оружием, Кондрат не раздумывая воткнул его в пах и резко потянул на себя, вспарывая живот. Татарин взвыл, откатился в угол, пытаясь зажать рукой рану. Кровь хлынула ручьем, кишки полезли наружу. Татарин хрипя попытался сесть, привалившись спиной к стене. Кондрат ему не мешал. Он спокойно сидел рядом до тех пор, пока убийца его семьи не истек кровью, и смотрел в полные ужаса глаза насильника. Лишь когда последний огонек потух в этих диких глазах, Кондрат встал и спокойно вышел на темный уже двор, забрав с собой нож, завернутый в тряпку. По дороге в сумерках он выкинул его в речку, подальше от моста, так чтобы не нашли. Нельзя было ему садиться в тюрьму, пока больше половины банды гуляло на свободе, включая главаря. А потом хоть трава не расти.

Четвертый труп нашли, когда он сдавал выпускные. Еле успел к экзамену с ночной поездки и старательно прятал за пазухой расквашенный кулак: очередного татарина он замесил в котлету на заднем дворе конезавода, у которого недавно объявился новый хозяин. Хотел и самого хозяина кончить, но тот был хитрый и ходил с большой охраной. Особенно после того, как стали находить его людей мертвыми. В тот раз хозяин вместе с охраной уехал раньше, а Кондрат, провожавший взглядом его «Волгу» из засады, впервые пожалел, что не обзавелся огнестрельным оружием. К хозяину так просто было не подобраться.

После четвертого трупа по станице поползли упорные слухи. И друзья на очередном тайном сборе стали намекать Кондрату, что надо притихнуть на время.

– Татары догадываются, что это твоих рук дело, – предупредил его друг Тарас, мать которого работала в конторе соседнего колхоза и случайно услышала разговор председателя по телефону, – того и гляди за тобой явятся. Да и милиция всполошилась. К дяде твоему постоянно заглядывают, скоро тебя допрашивать начнут. Участковый, конечно, мужик с пониманием, тормозит дело. Но четырех жмуриков просто так не спрячешь.

– В моей семье людей было больше, – зло заметил Кондратий, – и никого не стали искать.

– Да вроде ищут, – попытался возразить Тарас, – к хозяину этому и к председателю соседнего колхоза тоже следователи наведывались. Потрясли их немного. Да там люди с деньгами, откупились, видать, пока.

– Может, и ищут, – кивнул Кондратий, – а что толку? Сам же говоришь, все куплено.

– По-любому, Кондрат, – заявил Тарас, глядя ему прямо в глаза, – остановиться тебе надо. На годик уехать куда. Пусть все поуляжется. А потом...

– Вот и Харитон то же самое говорит, – кивнул уныло Кондрат, – намекает... да еще армия эта. Повестка пришла.

– Армия? – вскинулся Тарас. – А это вариант. Иди, сдавайся по-быстрому. И просись куда подальше. Отсидишься там пару лет. Про тебя тут все забудут. И менты, и татары. Вернешься и закончишь, что начал. А мы не выдадим, да следить будем до срока.

Всю ночь Кондратий думал и к рассвету принял решение. А наутро явился в военкомат, предъявил повестку и попросился в самый дальний регион нашей необъятной родины. А таких на карте СССР было немало.

Военком немного удивился, но посмотрел с пониманием и, усмехнувшись, спросил:

– Что, жениться не хочешь?

Кондрат молча смотрел на стол.

– Ладно, – кивнул военком, – есть одна команда, уходит раньше остальных. Готов послужить родине, говоришь? Тогда собирай пожитки, гуляй отвальную и через неделю в семь утра на сборном пункте. Поедешь в жаркие страны.

Кондрату было все равно куда, лишь бы побыстрее. Спустя неделю, выпив на прощанье с друзьями и обнявшись с дядей Харитоном, смотревшим на него с пониманием, он направился на сборный пункт. Харитон долго не отпускал его из дома, словно заранее знал, куда направят Кондрата.

– Служи, казак, – сказал он, прижимая сухими руками к груди коренастого племянника, – все веселее, чем здесь. И береги себя, один ты у меня остался.

Через несколько дней обритый почти наголо Кондратий оказался в Туркменистане. В мотострелковой дивизии пехотинцем. Пока проходил «Курс молодого бойца», бегал кроссы с автоматом и полной выкладке, садил из «калаша» по мишеням и кричал «Ура» в учебной атаке на полигоне, прошел целый год. Кондратий, втянувшись в службу, часто даже забывал о своем горе. Но стоило лишь получить небольшую передышку, как обожженные тела сестер, матери, братьев и отца вновь вставали перед глазами и требовали отмщения, болью отзываясь в омертвелом сердце.

Все это время его родная дивизия бурлила. В ней постоянно что-то менялось, проходило доукомплектование, прибывала солдатская молодежь, новые офицеры, количество БМП увеличилось настолько, что не успевали готовить механиков-водителей. Дураку было ясно, что скоро последует приказ.

Несмотря на всю секретность, каждый солдат этой мотострелковой дивизии ТуркВО знал о той мясорубке, что шла за недалекой границей с Демократической Республикой Афганистан, населенной, по слухам, отсталыми бедуинами. Однако эти бедуины, которых полагалось раздолбать за несколько месяцев всей мощью СССР, почему-то отказывались сдаваться быстро и без боя. Уже потянулись туда через ближайший аэродром самолеты с припасами, а обратно с «грузом-200». Быстрая операция затягивалась. А вскоре последовал и приказ, согласно которому младший сержант Зарубин, командир отделения, перешел на броне границу у населенного пункта под названием Кушка и оказался вместе со своим полком в окрестностях афганского города Герат.

Здесь он впервые узнал, что такое война. Их полк поначалу нес караульную службу у базы советских солдат, охраняя склады ГСМ, аэродром и сопровождая караваны. Но после активизации «духов», особенно в последние полгода службы, когда ему до дембеля оставалось всего несколько месяцев, мотострелков стали привлекать к налетам на укрепрайоны моджахедов. И тогда он впервые увидел, как воюет спецназ. На смерть своих товарищей, погибавших при обстрелах колонн бронетехники душманами, он уже насмотрелся. Успел и сам подстрелить из автомата нескольких духов. Но то была война позиционная, всем фронтом. Стенка на стенку, кто выживет, тот и победил. В большинстве случаев погибали мотострелки, поскольку хитрожопые афганцы уходили от прямого столкновения с нашей доблестной армией и долбили ее из засады гранатометами и крупнокалиберными пулеметами, подрывали БМП на минах. А, сделав свое дело, растворялись в горах. За полгода эти «необученные пастухи» выбили из строя половину всех машин в полку.

Спецназ же работал точечными ударами, сам уничтожая моджахедов сотнями из засады или нападая на укрепрайоны окопавшихся высоко в горах воинов ислама. Поддерживая спецназ броней и огнем, Кондратий просто влюбился в эти войска и даже в глубине души пожалел, что не был одним из них.

Многие его друзья только и ждали дембеля, чтобы живым вернуться домой. А Кондрату возвращаться даже не хотелось. Он первым вызывался на задания. Дослужился уже до старшего сержанта. Дважды был ранен. Собственная жизнь ему была давно не интересна, его держала на этом свете только жажда мести. Но именно она и требовала вернуться в родную ста-

ницу после дембеля и довершить справедливый суд. Тем более что за время службы он окреп еще больше и многому научился, в том числе – хорошо стрелять и драться на ножах.

Но за пару недель до официального дембеля прошло письмо от друзей, едва не заставившее остановиться сердце Кондратия Зарубина. В нем сообщалось, что умер дядя Харитон, а также что милиция накрыла всю банду и посадила ее членов кого на десять, а кого на пятнадцать лет за убийства, изнасилования и хищения. Полетело и все начальство в районе. Оказалось, большинство начальников всех мастей были подкуплены татарской диаспорой. В одночасье Кондрат потерял смысл жизни. Казнить больше было некого, все бандиты, за исключением главаря, которому дали высшую меру, уже сидели в тюрьме. Кондрат чувствовал себя обманутым и неделю пил, едва не попав под трибунал вместо дембеля. Возвращаться в Союз ему было совершенно незачем.

И тут он случайно столкнулся в штабе с офицером из спецназа, который, после короткого разговора по душам – мужик был конкретный – подбросил ему спасительную идею.

– Подай рапорт в военное училище, – предложил ему поджарый лейтенант спокойного вида, – в Киевское общевойсковое. Я сам оттуда недавно. Там готовят офицеров для спецназа ГРУ. Не факт, но если хорошо попросишься, могут опять сюда послать. Похоже, здесь мы застряли надолго, и командиров, да еще с афганским опытом, как у тебя, нужно будет еще немало.

И Кондрат написал рапорт. И его взяли. Оценили афганский опыт старшего сержанта. А потому после законного дембеля отправился Кондратий Львович Зарубин не на гражданку, а в Киев, получать высшее военное образование. Конечно, съездив на могилку дяди Харитона в родную станицу и обнявшись с друзьями.

Четыре года он осваивал теорию и практику военного дела. Из практики он уже кое-что знал – два года в Афгане не пропали даром. Но, как выяснилось, ему были знакомы далеко не все премудрости войны. В училище он поднаторел в изучении карт, узнал, как находить дорогу в любой местности, освоил все виды стрелкового и холодного оружия, научился водить военную технику, – всю, какая только имелась на вооружении советских войск, от «уазика» до танка, даже кое-что из иностранных образцов. Он узнал, почему летают самолеты и вертолеты и как их поднимать в небо. Прыгать с парашютом стало его любимым занятием. Здесь ему объяснили, как проводить диверсионные рейды в тылу врага, брать и колоть «языка», как находить пищу и воду, если закончился сухой паек. И много других премудростей, совершенно ненужных жителям Союза в беспечной гражданской жизни, но абсолютно незаменимых, если ты находишься в чужой стране среди врагов и надеяться можешь только на себя и своих товарищей.

Так пролетело четыре года, занятые интересным делом и полные успехов в обучении. За эти успехи и тягу к обучению командиры регулярно отмечали Кондратия. Но между тем Зарубин не мог пребывать в полной уверенности, что попадет обратно в Афганистан. Никто ему этого не гарантировал. Курсанты поговаривали, что для спецназа есть и другие рабочие зоны. Например, Северная Африка и Египет, где частенько требовались наши советники. А потому, когда последний год обучения был на исходе, без пяти минут офицер Кондратий Зарубин пребывал в нервном напряжении, так как хотел вернуться именно туда. Именно там находился главный источник наркотиков, из-за которых во многом погибла его семья. Ненависть к тем, кто их производит и распространяет, стала частью характера Кондратия. Только там он мог хоть на время избавиться от ночных кошмаров, в которых ему снился обгорелый дом и трупы матери с отцом. Только там он видел себя. В миру ему делать было нечего.

И Кондрату снова повезло. За несколько месяцев до окончания киевского ВОКУ²¹ в расположении училища появился «покупатель» из ГРУ и на собеседовании прямо спросил у Кондрата:

– Вы уже отслужили срочную в Афганистане. А что если родина опять пошлет вас выполнять интернациональный долг?

– Конечно, поеду. С удовольствием!

– Именно «с удовольствием»? – удивился озадаченный «покупатель», немало повидавший на своем веку. Он пристально посмотрел на курсанта Зарубина. Многие рвались родину защищать, но не все лезли в самое пекло.

– Так точно! – уверенно ответил Кондрат. – Я же теперь кадровый офицер. И должен защищать родину там, где прикажут. Уверен, именно ТАМ все мои знания будут применяться по прямому назначению: бить врагов. Меня к этому четыре года готовили!

– Уверены, значит. Ну, что же, – «покупатель» из ГРУ вновь покачал головой, – в вашем случае это весьма вероятно, товарищ Зарубин.

И уехал. Когда учеба закончилась, и Кондрат получил на руки предписание, то сразу понял, что его мечта бить моджахедов сбылась. Обычно в предписании довольно подробно указывалась вся информация по новому месту службы – должность, округ и группа войск. А у него было всего несколько слов: «Поступает в распоряжение ТуркВО». И больше никаких деталей. Лаконичность и туман вокруг нового места службы были неспроста. Но Кондратия это не обмануло. Такое предписание могло означать только одно – Афган.

И вскоре он вновь оказался среди высоких гор Демократической Республики Афганистан, в составе отдельного отряда специального назначения ГРУ, который базировался в районе Мазари-Шарифа. И прослужил там лейтенантом несколько лет, пока не получил очередное звание старшего лейтенанта.

Когда он впервые новоиспеченным офицером появился в районе Мазари-Шарифа, война в была в самом разгаре. И командование начало понимать, что одни мотострелки, охранявшие объекты, караваны и коммуникации, с моджахедами не справятся. Их надо активно бить в своих норах. Чтобы сделать более успешными атаки на моджахедов, к тому моменту в Афганистан уже перебросили два батальона войск специального назначения из состава Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Один из них разместили в провинция Фарьяб, под городом Меймен, а другой получил приказ дислоцироваться в городке Айбак, провинция Саманган. Оба батальона располагались вдоль границы с СССР.

После нескольких месяцев боевых действий стало ясно, что воевать только в одном районе, где сконцентрирована вся военная мощь, бесполезно. Характер войны в Афганистане был совершенно иным. Душманы не шли на открытое столкновение с регулярными войсками врага, а именно к такой войне были приучены тогда спецназовцы. «Духи» вели себя как партизаны, всегда избегали лобового удара, действуя из засады. Они были разбросаны по всей стране и прятались в высокогорных укрепрайонах, взять которые без артиллерии, бронетехники и даже авиации не представлялось возможным. В Союзе же подразделениям спецназа бронетехника тогда еще не полагалась. Почему-то считалось, что для выполнения заданий командования, к которым спецназ готовился дома, она была просто не нужна. Но здесь нападать на хорошо защищенные караваны или укрепрайоны без поддержки брони только с одним автоматом Калашникова было самоубийством. В результате оба прибывших батальона не могли воевать так, как их учили отцы-командиры. Пришлось на ходу вносить коррективы и набираться опыта, благо поучительных примеров было хоть отбавляй. Моджахеды долбили наши транспортные караваны на всех горных дорогах, часто уходя без потерь.

---

²¹ Высшее общевоинское командное училище.

В начальный период войны, который Кондрат застал лишь частично, моджахеды, по рассказам бывалых офицеров из новых знакомых старшего лейтенанта, вооружены были плохо и действовали еще довольно вяло. Оружие у них было старое, попадались даже допотопные музейные ружья типа «Лэнсфилд» времен Первой мировой или захваченные у советских солдат автоматы Калашникова. Но года через три – Кондрат как раз постигал азы офицерской подготовки – действия неграмотных пастухов стали слаженными, а вооружение резко изменилось. Потянулись в горы караваны лошадей и верблюдов, груженные современным оружием. У душманов появились тяжелые пулеметы ДШК и даже «Стингеры», за которыми потом несколько лет охотилась наша разведка. Авиация ограниченного контингента стала нести потери от неграмотных крестьян. «Джихад» вошел в активную фазу. В общем, душманы стали напоминать хорошо тренированные отряды боевиков. И за всем этим чувствовалось рука США, активно помогавших моджахедам, которых они раскрутили на весь мир как борцов за свободу. О том, что эти борцы торговали со всем миром наркотиками, подсадив его на иглу, американцы умалчивали.

Под Мазари-Шарифом Зарубин служил до 1985 года, набираясь командного опыта, оттачивая методы нападения на караваны и укрепайоны душманов. А потом, в разгар войны, его перевели в провинцию Кунар, самый восточный район дислокации советских войск, где в горах по данным разведки скопилось более семи тысяч «духов». Новым местом службы стал Асадабад, 334-й ООСпН охотников за караванами, именовавшийся для секретности как «пятый отдельный мотострелковый батальон». Здесь Кондратий Зарубин третий год тянул лямку, дослуживал последние деньки перед получением капитанских погон. Но не звания его волновали. По всем признакам война подходила к концу, а это Кондрата совсем не радовало. В отличие от других офицеров и простых солдат, он не знал, что будет делать в мирное время.

– На море рванешь? – переспросил Зарубин, выныривая из глубин памяти и с удивлением рассматривая пустую миску из-под борща, рядом с которой заботливый повар поставил другую с ароматным пловом.

– А что, и рвану, – подтвердил Терехин, уже добивавший свою порцию плова, – окунусь в Черное море и разлягусь на песочке, как морская звезда...

Капитан Терехин даже прекратил есть на мгновение, представив эту идиллическую картину.

– Ладно, Кондрат, – вдруг перешел он на деловой тон, опускаясь с небес на землю, и обернулся к Зарубину, – давай доедай, и пойдем в штаб. Нас Стеценко ждался. Приказал быть обоим. Похоже, вместе мы с тобой на новое задание пойдем, товарищ «капитан».

– Новое задание? – встрепенулся Кондрат, принимаясь за плов. – Это хорошо.

Глава восьмая

«مرگ بار شوروی», «Marg bar shouravi»

Обед удался на славу. Сытость и усталость навалились одновременно. Стоя перед картой окрестностей Асадабада с нанесенными на нее укрепрайонами душманов, Кондрат Зарубин из всех сил старался не заснуть, хотя его сильно тянуло вставить спички в глаза и спать стоя с преданным видом.

– Товарищи разведчики, слушай мою команду, – сразу перешел к делу подполковник Стеценко, посмотрев на стоявших перед ним командиров и слегка нахмутив брови, что было знаком особого внутреннего напряжения.

«Значит, дело предстоит куражное, – подумал Кондратий отгоняя атаковавшую его дрему, и скосил глаза на Терехина. Тот держался бодрячком, – да, летать на вертушках, это вам не пешком ходить».

Стеценко кашлянул, заставив Зарубина вздрогнуть.

– По новым данным разведки, которые мы получили от верных президенту Афганистана людей, сегодня утром в укрепрайон «Нава», вплотную примыкающий к границе, прибыла партия «Стингеров» из самого Пакистана. А конкретнее из лагеря боевиков у города Бар-Чамарканд. Перевал на границе, через который протаскили «Стингеры», сейчас контролируют «душманы». Уверен, не позднее чем послезавтра эта партия будет перегружена на несколько караванов и разойдется по стране. Надеюсь, вы понимаете, что этого не должно произойти?

– Так точно, товарищ подполковник, – в голос ответили оба офицера.

– Наша авиация и так несет большие потери из-за этих американских подарков. Командование поставило нам задачу, – Стеценко расправил плечи, Зарубин и Терехин невольно сделали то же самое, – захватить или в крайнем случае уничтожить все «Стингеры». Сам укрепрайон причесать так, чтобы о нем надолго позабыли. Короче говоря, уничтожить.

Подполковник провел рукой по волосам и, придвинувшись к висевшей на стене карте, ткнул пальцем в обведенную синим цветом точку.

– Вот здесь находится урочище «Нава» и укрепрайон моджахедов. По нашим данным, прогулка будет не такой легкой, как ваши сегодняшние вылазки. Там скопилось почти две сотни «духов», а может, и больше. Позиции хорошо укреплены. Есть тяжелое вооружение. Сегодня к вечеру ожидается прибытие еще одного каравана из Пакистана. Поэтому в операции будут участвовать сводные силы. С нашей стороны границы подходы к ущелью блокируют мотострелки батальона 66-й бригады на своих БМП. Не дадут «духам» разбежаться, если что. Они выдвигаются завтра днем и займут позиции в ущелье перед самым началом операции. На всякий случай им приданы ЗСУ «Шилка»²². Мало ли что может прилететь из Пакистана, бывали случаи.

– Вот это дело, – вставил слово проснувшийся Зарубин, – «Шилка» в случае чего и вершины огнем причесать может. Легче будет воевать. Значит, ПТУРСы не берем, товарищ полковник?

– По одному на группу надо взять, как и крупнокалиберные пулеметы, – решил Стеценко, – вам воевать придется по верхам, мало ли что. Тем более что на место высадки вас доставят вертолеты Ми-24, и таскать на себе придется не долго. Вертолеты обеспечат вам прикрытие с воздуха. В крайнем случае вызывайте авиацию – звено МиГ-23 будет у вас через десять минут.

---

²² ЗСУ-23-4 «Шилка» – советская зенитная самоходная установка. Вооружена счетверённой автоматической 23-мм пушкой. Стреляет со скоростью 3400 снарядов в минуту.

– Ого, – ухмыльнулся Терехин и подмигнул другу, – похоже, дело и в самом деле масштабное предстоит. Зададим «духам» жару.

– Только без лишнего геройства, – предупредил Стеценко, – а то я вас знаю. Старшим в этой операции назначаю капитана Терехина.

– Есть, товарищ подполковник, – подтвердил приказ друг Кондрата.

Подполковник обвел взглядом усталые, но довольные лица друзей, и продолжил:

– Обе ваши роты в полном составе будут атаковать укрепрайон одновременно с разных сторон – севера и запада, вот здесь и здесь, – указал места высадки подполковник. – Вместо отсутствующего капитана Крижалина, старший лейтенант Зарубин на время выполнения задания будет командовать первой ротой. Начнется все с артподготовки. Дальнобойная артиллерия разогреет «духов», чтобы жизнь медом не казалась. После превентивного удара из 122-мм гаубиц вертушки высаживают ваши разведгруппы на указанных высотах, и начинается работа. В дальнейшем используете артиллерию по потребности. Наводить ее будете сами, кроме того, с помощью авианаводчиков будем держать под контролем артиллерии одноименный перевал «Нава», чтобы к «духам» не подошли подкрепления. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ подполковник, – кивнули оба.

– Ну тогда кругом и отдыхать, сынки. Выступает послезавтра, на рассвете.

Офицеры направились к выходу, но тут подполковник окликнул Зарубина, приказав задержаться. Когда Кондрат замер на месте, Стеценко приблизился к нему и едва ли не шепнул, с заговорщическим видом оглядываясь на полуоткрытую дверь:

– Приказ на тебя пришел из штаба. Как вернешься с задания, поздравлять будем.

Кондрат не стал уточнять, с чем именно, и так было ясно. Но раньше времени выдавать свой восторг не стал, да и не было у него особого восторга почему-то. Отказыряв, Зарубин вернулся в казарму и, раздав командирам отделений приказания сделать необходимые приготовления к завтрашнему выходу, рухнул на койку. Усталость взяла свое. Спал он в этот раз крепко и без сновидений. Кошмары не мучили, отступив на время.

Ми-24 вздрогнул всем корпусом, выпустив несколько неуправляемых ракет по цели, еще не видимой Зарубину. Ракеты ушли в неизвестность. Хотя вскоре он увидел-таки след от ракет и взрыв, разметавший какое-то укрепление на вершине скалы. Судя по всему, летчик уничтожил огневую точку противника.

– Высотку видишь, правее столба дыма? – уточнил Кондрат у пилота вертолета по рации и, получив утвердительный ответ, приказал: – Там жметесь к скале наш передовой отряд. Вот там нас и высадишь.

Вертолет резко спикировал вниз, заходя на посадку. ПТУРС, загруженный в отсек для десантников едва не придавил Семихватова, сидевшего в обнимку со своим пулеметом. Рядом, едва засунув ноги в ботинках между длинными стволами крупнокалиберных «Утесов», прильнул Галиулин с рацией. Сбоку к нему прислонился Рохля, который отвечал в тот раз не только за свой за пулемет Калашникова, но и за погрузку АГС-17 с боекомплектom, так хорошо зарекомендовавший себя в последнем бою. Остальные разведчики сидели буквально друг у друга на голове, поскольку в отсек для десанта набилось ровно вдвое больше людей и вооружения, чем полагалось по штату. Иначе все группы из первой роты пришлось бы возить полдня. Но «Крокодил» даже с двойным перегрузом тянул надежно.

Нырнув к самой земле, Ми-24 резко перешел в горизонтальный полет и затем уверенно сел в указанном месте. Рядом тотчас застучал крупнокалиберный пулемет, но, к счастью для разведчиков, огонь пока вели не по ним.

– Быстро на выход, бойцы, – приказал Зарубин и первым выскочил на камни из развернувшегося чрева «Крокодила». Следом за ним спрыгнули Семихватов и Галиулин, потом посыпались остальные солдаты, вытягивая за собой тяжелое вооружение.

Под ногами у Зарубина звонко шелкнуло несколько пуль, высекая фонтанчики искр из камня. Оглядевшись и за мгновение оценив ситуацию, он дал очередь в том направлении, откуда прилетели эти пули. И махнул своим подчиненным, чтобы шевелились быстрее. Пригибаясь, бойцы побежали к ближайшей скале, за которой мог укрыться от огня целый отряд. Там уже ждали приказа спецназовцы под командой Антона Суворина, прибывшие сюда раньше.

Высадив очередную группу, тяжелый вертолет на удивление грациозно взмыл в небо, развернулся, сверкнув на прощанье бронированной «верандой», как называли сами летчики двухместную кабину, и полетел в сторону базы. Там его ждала последняя группа разведчиков из первой роты. Проводив вертолет тревожным взглядом до конца ущелья – все-таки у местных аборигенов водились «Стингеры», – Кондрат вернулся к осмотру места высадки. За это время вертолет благополучно добрался до конца ущелья и пропал из вида. Явившийся с докладом Суворин сообщил, что на этом фланге пока все тихо. Никто не атакует.

– Установить здесь один «Утес» для прикрытия группы и еще раз осмотреться, – приказал старший лейтенант, сам вытаскивая портативный американский бинокль, захваченный у моджахедов.

Пока несколько разведчиков расползлись по скалам, разглядывая тропы, ведущие к укрепайону, Кондратий осмотрел поле боя в бинокль. На всякий случай он выбрал позицию за большим валуном и прикрывал стекла рукой, чтобы меньше сверкали. Не только у него в отряде имелись снайперы.

Судя по нескольким столбам дыма, поднимавшимся из разрушенных позиций в сотне метров выше по склону – дальноточная артиллерия отработала качественно, разрушив наиболее мощные огневые точки и блиндажи. Шквального огня во время высадки не наблюдалось, да и здесь от прямого обстрела сверху их частично прикрывала скала, точка была выбрана верно. Похоже, духи присмирели и собирались с силами. Справа по склону на своем пути Зарубин заметил гнездо с ДШК, который, похоже, был цел, но почему-то молчал. В центре все дымилось, там признаков жизни рассмотреть не удалось. Хотя, если верить разведке, пробитые в скалах траншеи уходили под самый перевал и даже вглубь скал, где «духи» могли прятаться, пережидая обстрел. Так что до полной победы было еще далеко.

По отряду Зарубина пока что вели огонь лишь разрозненные автоматчики, человек семь, засевшие в ближних скалах, неподалеку от единственного уцелевшего блиндажа. Впрочем, огонь этот пока не причинял группе особого вреда. Дожидаясь подлета последней группы, Кондрат не ввязывался в открытый бой, но чтобы немного приструнить «духов», вызвал к себе Витю Строгого с СВД и приказал подстрелить парочку автоматчиков. Чем снайпер и занимался в настоящее время, осматривая склон между выстрелами. То и дело слышался приглушенный хлопок, и очередной душман отправлялся на встречу с Аллахом.

А вот слева, там, где высадился отряд капитана Терехина, уже шла ожесточенная перестрелка. Стучали несколько ДШК и даже ухали минометы. Похоже, там моджахедов уцелело больше.

– Первый, первый, я второй – нажал Кондрат кнопку на манипуляторе от портативной радиостанции, прикрепленной на ремне, – как обстановка?

– Я первый, – прохрипела рация, – веду бой. Обстановка нормальная, хотя прижали крепко. Есть потери. Уже вызвал «Шилку» на подмогу.

– Справишься? – уточнил Кондратий.

– Работай по плану, – ответил Митя, – отключаюсь.

Кондрат отключился и посмотрел в сторону ущелья. Там на дне шло какое-то шевеление. Словно извиваясь, меж камнями ползла гигантская змея, поднимая клубы пыли. На деле это передвигалась колонна бронетехники мотострелков. Несколько БМП-2 ползли, повернув башни с пушками в сторону склона, а впереди них быстро ехали две «Шилки». Едва Кондрат разглядел их, как передняя бронемашина, вооруженная счетверенной автоматической зенит-

кой двадцать третьего калибра, выплюнула огненную струю в сторону высот, с которых моджахеды вели огонь по роте капитана Терехина. Потом, спустя мгновение еще одну струю огня подлиннее. Этот залп разорвал в клочья всех, кто оказался в зоне поражения. Укрепление из обложенных камнями мешков, в котором находились «душманы», вместе с минометами просто сдуло со скалы. Один искореженный миномет даже подпрыгнул в воздух и покатился вниз по склону. Огонь со стороны духов почти прекратился. На всякий случай «Шилка» еще раз дала залп – огненный смерч вновь понесся по позициям, перемалывая все, что попадалось на пути и еще дышало. После того, как стрельба стихла окончательно, спецназовцы капитана Терехина быстро поползли вверх, приближаясь к позициям укрепрайона.

– Хорошая машина, – похвалил стрелков из «Шилки» Зарубин и, обернувшись, вновь посмотрел на свой участок фронта, – пора и нам повоевать. Где же вертолет?

В этот момент откуда-то снизу послышался стрекот винта и, словно в ответ на мысли Кондрата, показался «Крокодил». Едва не чиркая брюхом о камни, тяжелая машина грациозно зашла на посадку. Из ее открывшегося чрева еще на ходу выпрыгивали спецназовцы и, пригибаясь, бежали в сторону уже «окопавшегося» отряда из первой роты, который скопился за большой скалой почти в полном составе. Высадив всех, Ми-24 также лихо стартовал, развернулся и заложил вираж в сторону базы.

Кондрат подозвал к себе старших групп и уже закончил отдавать им приказания, в каком направлении выступать, как вдруг услышал шипение и краем глаза заметил белый след вырвавшейся откуда-то из скального укрытия ракеты. «Стингер», – пронеслась в мозгу обжигающая мысль.

В ту же секунду ракета врезалась в пузатое брюхо боевой машины, и взрыв едва не разорвал вертолет в клочья. Подбитая машина, словно умирающий кит, еще несколько метров продолжала двигаться по инерции в клубах дыма, но затем развалилась в воздухе и просыпалась вниз огненным дождем из обломков.

– Твою мать, – плюнул Зарубин, глядя на огненный шлейф от упавшего вертолета. – Строгий ко мне!

А когда перед ним предстал обескураженный снайпер, резко спросил:

– Видел, откуда пустили ракету?

– Видел, но не точно, товарищ командир, автоматчиков снимал, – пожал плечами Витя Строгий, державший в руке снайперскую винтовку, – но как раз после моего выстрела был пуск. Могу примерно место указать. Это вон там, почти у разбитых позиций. Шлейф оттуда начинался.

Зарубин присмотрелся. «Стингер» пустили прямо из перемолотых артиллерией укрепленных позиций. Значит, там действительно глубокие укрепления, и «духи» опять подтянулись по тайным ходам на передний край. А значит, могли быть сюрпризы.

– Галиулин, радио на базу, – приказал Кондрат, переводя автомат на боевой режим, – прибыл на место, вступил в бой. Сбит один вертолет. Атакую.

И перехватив покрепче свой любимый АКМСЛ калибра 7,62-мм, махнул рукой.

– Вперед, соколы. Работаем. Добьем этот гадюшник.

Но едва спецназовцы несколькими группами устремились вверх по склону, как их накрыл огонь крупнокалиберного ДШК, внезапно ожившего. Минуту назад Зарубин мог поклясться, что там никого не было. Строгий регулярно докладывал ему об активности на этой точке, осматривая ее в оптический прицел.

Пулеметная очередь сразила двоих бойцов, которых тут же оттащили в укрытие товарищи. Остальные продолжали двигаться вперед под градом пуль. Пара ответных выстрелов из подствольных гранатометов ничего не дала, ДШК стоял в скальной ложбинке, и гранаты взрывались у подножия скалы, не задев душманов. Ответный огонь из «Утеса» поверх голов разведчиков по точке с пулеметом «душманов» поддержал наступление, но не заставил замолчать

ДШК. Кондрат хотел было применить любимый АГС-17, но пулеметное гнездо было прикрыто даже сверху подобием крыши блиндажа, и тогда его выбор пал на ПТУРС, который они давно таскали за собой без дела. Начавшийся вдруг минометный обстрел, от которого пострадало еще несколько человек, только укрепил его в этой мысли. Тем более что один из минометов явно стоял сразу за гнездом ДШК.

– Пора пускать в ход артиллерию, – решил он, укрывшись за валуном, от которого отскакивали крупнокалиберные пули душманов, высекая искры.

И приказал поднять массивный «Конкурс» чуть выше, где нашлось подходящее защищенное место. На прямую наводку. Двое бойцов подтащили к указанному месту и быстро развернули переносной ракетный комплекс, способный подбивать танки и разрушать блиндажи. Открыв пятнистый ящик с ракетами, вложили одну в ствол. Наводчик прикинул к прицелу. Душманы, похоже, заметили их передвижение, усилив огонь, но было уже поздно. Ракета вырвалась из короткого широкого ствола установки и ударила точно в цель, войдя в распадок между двумя скалами.

Взрыв оглушительной силы прогремел в горах. Сверху на спецназовцев полетели камни и даже обрушился цельный кусок скалы, едва не придавив бойцов, успевших подобраться совсем близко к гнезду. Дымом заволокло все пространство впереди.

– Это вам за нашу вертушку, – сплюнул Зарубин, всматриваясь в скалы.

Вскоре дым раздуло ветром и стали видны результаты стрельбы. ДШК замолчал, миномет тоже. Дым и пыль еще витали над местом попадания. Даже обстрел с соседних скал почти прекратился. Но поняв, что пулеметное гнездо уничтожено, «душманы» вскоре усилили минометный огонь с другой точки. Наводчик из расчета ПТУРСа засек новые позиции «духов» чуть выше по скале и пустил туда вторую ракету. Этот выстрел тоже оказался точным. Разрушительного действия ракеты хватило на то, чтобы разметать в клочья укрепленное гнездо вместе с минометчиками. Внезапно стало тихо.

– Вперед, мальчики, – крикнул Зарубин, не теряя времени, – наверх. Через пулеметную точку.

Спецназовцы, больше не встречая сопротивления, поднялись по склону и ворвались в распадок, над которым едва успела рассеяться пыль от ракетного взрыва. Первым на месте оказались Антон Суворин и пулеметчик Семихватов, затем влезли еще пятеро разведчиков. Следом появился Зарубин с радистом и снайпером.

– Ну вот, – обвел взглядом месиво из обломков ДШК, искореженного до неузнаваемости, бревен перекрытия блиндажа, камней и разорванных тел «душманов», которых здесь было человек десять, – любо-дорого посмотреть. Суворин, рысью вперед.

Перешагнув через тела мертвых минометчиков, валявшихся в двадцати метрах от разбитого ДШК, спецназ распределился по двум ходам, которые вели из гнезда вглубь позиций. Еще группа пошла верхом, перекрывая направление возможной контратаки с перевала, до которого было не больше километра.

Резкая автоматная очередь хлестнула из бокового прохода, пройдя буквально на полметра левее Кондрата. Позади него раздался сдавленный крик, и Витя Строгий рухнул замертво. Кондрат не раздумывая метнул штурмовую гранату в сторону выстрела. Взрыв и стоны были доказательством точного попадания, но снайпера было уже не вернуть.

Прошерстив ходы до самых развалин в центре позиций и добив по ходу движения еще десяток душманов, разведчики Зарубина осмотрели все уцелевшие и даже разрушенные артиллерией блиндажи, но не нашли никаких признаков «Стингеров», кроме одного пустого тубуса.

– Странное дело, – проговорил вслух Кондрат, рассматривая тубус и слушая доклады командиров разведгрупп, – а где же обещанные залежи? Где, бляха муха, караван со «Стингерами»? Не мог же он сквозь землю провалиться. Искать, ребяташки.

В этот момент слышалась перестрелка на левом фланге захваченных позиций. Это разведчики Терехина подавили, наконец, сопротивление душманов и прорвались. Оставшиеся «духи», отстреливаясь, стали отступать к перевалу.

– Второй «Утес» и станковый гранатомет сюда, – приказал Зарубин, насчитав человек тридцать моджахедов, оставлявших свои позиции, – не дадим этой мрази уйти в Пакистан.

Пока расчеты разворачивали оружие, душманы уже почти достигли перевала.

– Живее, ребяташки! – крикнул Зарубин. – Уйдут.

Наконец заработал «Утес», посылая крупнокалиберные пули вдогонку отступавшим душманам. Короткими очередями пулеметчик косил врагов прямо в спину. Вскоре к нему добавился расчет АГС-17, зафырчавший очередями осколочных гранат, – сто выстрелов в минуту это не шутка. Попавшие под обстрел душманы быстро это поняли. В общем, до перевала, кое-как укрываясь за камнями, целыми доползло человек пять, не больше. Трех успел снять снайпер. Но парочка все же уползла в Пакистан.

Когда перестрелка утихла, показались бойцы из роты Терехина, просочившиеся по захваченным окопам к месту дислокации солдат Зарубина.

– Как дела? – спросил Кондрат, когда сам капитан Терехин оказался рядом с ним.

– Хреново, – сплюнул песок, застрявший на зубах, капитан, – трое убитых, пятеро раненых, «Стингеров» нет.

Несколько раненых с перебинтованными конечностями Кондрат увидел своими глазами. Эти еще могли ходить, хоть и с помощью товарищей. Убитых снесли на плащ-палатках в ближний окоп.

– У меня та же ерунда, – невесело усмехнулся Кондрат.

– Что делать будем, товарищ без пяти минут капитан? – поддел его Митя, осматривая дымившиеся позиции. – Начальство нас по головке не погладит. Потери есть, вертушку сбили, результата нет. Ну, почти...

К тому моменту Зарубин уже кое-что придумал.

– Есть мысль, – сказал он и махнул рукой в сторону перевала, – надо проверить, что там. Может, «духи» эти «Стингеры» где-то по дороге сховали. Может, кто им шепнул про наш визит в гости. Они и подстраховались.

– За перевалом Пакистан, – на всякий случай напомнил Терехин, но Кондрат и сам это прекрасно знал.

– Вот именно, – кивнул он, – караван пришел оттуда. Могли сгрузить по дороге. А может, они еще лежат на самом перевале где-нибудь в сторонке. Двое «духов» туда сбежали и скоро вернутся с подмогой. Надо бы побыстрее решать, товарищ капитан.

– «Вижу отряд духов!» – зашипела рация на плече у Зарубина, обозначив доклад наблюдателей, отправленных вслед за моджахедами на перевал. – «Поднимается к перевалу. Большой. Человек пятьдесят. Тащат ДШК и гранатометы. Странные».

– Ты о чем? – переспросил Зарубин, нажав кнопку на манипуляторе.

– «Все в черных одеждах».

Офицеры переглянулись.

– Похоже, «Черный аист»²³ пожаловал, – сплюнул капитан и обернулся к своему радиосту: – Радио на базу. Открыть артиллерийский огонь по перевалу. Пусть наведет авиация.

– Быстро отходить, – приказал Зарубин своим наблюдателям и добавил, обернувшись к остальным: – У нас гости. Занять позиции для обороны со стороны перевала.

---

²³ «Черный аист» – согласно одним источникам: диверсионно-истребительный отряд афганских моджахедов. По другим: подразделение пакистанского спецназа. Было сформировано из отборных головорезов, подготовленных пакистанскими и американскими инструкторами. Каждый боец «аистов» одновременно исполнял обязанности радиста, снайпера, минера. Владел почти всеми видами стрелкового оружия. Участники отряда лично пытали советских военнопленных. По данным разных источников, руководителем отряда были Гульбедин Хекматиар или Усама бен Ладен.

Через десять минут над перевалом прострекотала двойка Ми-24. Зарубин в это время как раз расспрашивал уж вернувшихся наблюдателей.

– Чуть ниже перевала, уже на спуске с той стороны есть укрепленные позиции, – доложил старший группы, – рядом были какие-то люди, по одежде не разобрать кто. Не пастухи. Похоже, моджахеды. Оружия у них не было. По перевалу не стреляли, нас не обнаружили.

Кондратий удовлетворенно кивнул, услышав все, что хотел.

– Есть там местечко, Митя, где сбросить груз, как я и думал, – сообщил он, приблизившись к Терехину, – с той стороны перевала. Но это уже, сам понимаешь, за границей.

– Если от него что-нибудь останется после обстрела, проверим, – согласился Терехин, – но начальству ни-ни.

Кондрат кивнул, пристраиваясь в блиндаже от греха подальше. Мало ли недолет выйдет. Гаубица Д-30 дело серьезное. Бойцы уже распределились по блиндажам и окопам. Едва Кондрат укрылся, как начался артобстрел. Моджахеды как раз должны были подойти под перевал. Но Кондрат даже не ожидал, что «аисты» передвигаются так быстро – фигурки в черных одеждах уже мелькали прямо на перевале. Он сам рассмотрел их в бинокль.

Первый снаряд улетел далеко за гору и взорвался на территории Пакистана. Второй тоже. Терехин связался с авианаводчиком, подкорректировав огонь. С третьего раза артиллеристы, наконец, угодили в цель. Снаряд из гаубицы лег четко на перевале, разметав черные фигурки. С этого момента для пакистанского спецназа начался сущий ад. Снаряды ложились ровно, рядом друг с другом, за пятнадцать минут буквально перепавив весь перевал. Затем Терехин приказал сдвинуть огонь за перевал, чтобы накрыть тех, кто укрывался на дальнем склоне, оставаясь невидимым. И артиллеристы еще минут двадцать утюжили пакистанскую землю.

– Первый, я «воздух пять», – закричала «Ромашка» в руках у радиста, – моджахеды отступают вниз. Много убитых.

– Ну, вот, – удовлетворенно кивнул Терехин, осмотрев в бинокль разбросанные по всему перевалу останки «черных аистов» и воронки от снарядов, – а теперь, пока они не опомнились, нанесем визит сопредельному государству. Нехрен помогать моджахедам.

– Моя рота пойдет первой, – решил капитан, – а ты, Кондрат, прикрываешь.

Зарубин кивнул.

Через полчаса они были на перевале. Осторожно взошли и обследовали каждый камень, но ничего, кроме воронок от артиллерийских снарядов и мертвых моджахедов, не нашли. Здесь тоже не было никаких следов «Стингеров». Оставалась последняя надежда – позиции на дальнем склоне горы.

– Идем дальше, – приказал Терехин, подмигнув подошедшему Кондрату. И устремился со своими бойцами по склону вниз, миновав условную границу с Пакистаном.

Через полчаса они заметили укрепления – линию камней, соединявшую несколько блиндажей. Как ни старались разведчики Терехина прятаться за складками местности и подойти скрытно, тропа была здесь одна. Их ждали и заметили быстро. Хотя укрепления тоже пострадали от обстрела из гаубиц, почти половина была разрушена, но кое-кто там, похоже, выжил. Не успели спецназовцы приблизиться на расстояние пятисот метров к укреплениям, как оттуда застучали сразу три ДШК и начался минометный обстрел.

Ответив очередями из «Утесов», разведчики подтащили сначала станковые гранатометы, накрыв волной огня пакистанский спецназ, а затем и ПТУРС. Пары ракет хватило разнести вдребезги гнезда ДШК и минометы. Хваленый «Черный аист» начал отползать, отстреливаясь от наседавших советских солдат.

– Вперед, ребяташки! – крикнул Терехин и повел своих бойцов в атаку. Они сбросили остатки упорно сопротивлявшихся моджахедов с позиций и погнали их вниз. Особенно сильный бой шел на правом фланге, в районе самого большого блиндажа из уцелевших после обстрела. Там еще до сих пор кто-то отстреливался, даже попав в окружение.

– Суворин, Семихватов и еще пятеро со мной, – приказал Кондрат, приметивший странный блиндаж, – идем вон туда!

В этот момент в небе раздался стрекот винтов и появились хищные черные вертолеты. «Не наши, – смекнул Зарубин, приседая за камень. – Это “Пума”. Похоже, пакистанская армия зашевелилась. Навели мы тут шороху. Того и гляди самолеты подтянутся, и начнется международный скандал. Надо по-быстрому осмотреть блиндаж, и если нет ни черта, возвращаться обратно. Хрен ее разберешь, эту линию Дюранда»²⁴.

Достигнув перевала, армейские вертолеты открыли огонь ракетами по спецназовцам. Вдоль всей укрепленной линии запылали разрывы. Следом с неба ударили крупнокалиберные пулеметы, заставив разведчиков остановиться и залечь. Человек пять было убито сразу. На глазах Кондрата ракета угодила в распадок, по которому бежал капитан Терехин с радистом, и взрывом обоих разметало в клочья. Кондрат вздрогнул, словно это его разорвало, и несколько секунд в полном ступоре смотрел на воронку, в надежде, что его друг встанет как ни в чем не бывало, отряхнется и побежит дальше. Но Митя не встал. Когда дым рассеялся, Кондрат заметил его окровавленное тело с оторванной рукой на самом краю воронки.

Атака захлебнулась. Более того, снизу к «аистам» подтянулись резервы, и добрая сотня моджахедов снова поперла вверх, поддержанная огнем с воздуха. Кондрат, оставшийся за старшего, связался по рации с базой и сообщил об атаке вертолетов противника, а затем по «местной» связи приказал группе Терехина отходить с боем на укрепленный рубеж. Сам же устремился к блиндажу, который вот-вот мог снова оказаться в руках у пакистанского спецназа.

Когда он уже почти добрался до места, над головой вновь раздался стрекот винтокрылых машин, но звук был уже другой, до боли знакомый. А потом послышался пуск ракет и взрыв в воздухе. Затем второй. На бреющем полете над перевалом прошло звено Ми-24 и, прочесав контратакующих моджахедов их НУРСов, устремились вглубь чужой территории. Два черных вертолета уже догорали на склоне.

– Первый, говорит «Воздух пять», – донесся до Зарубина голос пилота из «Ромашки», – вертушки уничтожил. Вижу на подходе колонну грузовичков и бронетехники, атакую.

– Ну, теперь точно международный скандал, – кивнул Кондрат и толкнул приоткрытую дверь в блиндаж. Окатив очередью из автомата все углы и швырнув туда осколочную гранату, без пяти минут капитан Зарубин сразу же забыл про вертолеты, едва переступив порог. Почти весь блиндаж был завален темно-зелеными ящиками, испещренными надписями по-английски. Между ними валялось не меньше дюжины мертвых моджахедов, испачкавших ящики своей кровью. Кто-то застыл у бойниц с зажатым в руках автоматом, получив пулю в грудь, кого-то убило осколками. Парочка еще стонали, подавая признаки жизни, – Кондрат пристрелил их короткими очередями. В бревенчатой крыше зияла дыра от попадания чего-то помощнее гранаты. Возможно, задело снарядом от гаубицы или ракеты из ПТУРСа. Это было не важно. Главное, он обнаружил те самые треклятые «Стингеры», стоившие жизни стольким нашим летчикам. И капитану Терехину.

Кондрат шагнул в центр блиндажа, сжимая автомат, осмотрелся. В углах висела пыль, поднявшаяся от недавнего взрыва гранаты. За ним внутрь вошли Суворин, Семихватов и еще двое бойцов. Галиулин с рацией остался у входа. Кондрат в нетерпении наклонился вперед, присел на колено и откинул крышку ближнего ящика. Внутри он увидел знакомые очертания пусковой установки. Неподалеку лежали и ящики с ракетами. «Надо побыстрее вынести их отсюда, – решил Зарубин, – пока не поздно».

---

²⁴ *Линия Дюранда* – линия, разделяющая Афганистан и Пакистан ещё со времён Британской Индии. Фактически считается границей, хотя руководство этих стран не до конца согласовало ее прохождение по конкретным районам. Эта разграничительная линия весьма условна.

В этот момент боковым зрением он заметил едва заметное шевеление в дальнем углу. В проеме стены, где полулежал, привалившись спиной к ней, мертвый на первый взгляд моджахед. С окровавленным плечом и в какой-то странной мешковатой одежде. Воин ислама был слегка толстоват для афганца, и только сейчас Кондрат заметил, что тучность его телу придавал не лишний жир, а связка гранат, которыми он был обвешан, как новогодняя елка игрушками. Главным «украшением» этой «елки» была советская мина ОЗМ-72, все та же «ведьма», прикрученная к поясу на животе моджахеда. Сверкнув ненавистью из-под надвинутой на лоб «пуштунки», он раскрыл окровавленную ладонь и на пол скатилась граната. Без чеки.

– Marg bar shouravi!²⁵ – прошипел моджахед за секунду до взрыва.

Огонь полыхнул во все стороны, пожирая все на своем пути. Белый свет залил каменное подземелье. Тело Кондратия пронзила дикая боль, разорвавшая его на куски. В последнее мгновение своей жизни он успел почувствовать, как душа отделилась от уставшего тела и воспарила ввысь, покинув его навсегда. Вместе с ней исчезла и ненависть.

---

²⁵ «Смерть советским!» – лозунг, распространенный среди афганских моджахедов. Советская армия и афганские власти называли их «душманами» (dushman – враг), а советских солдат афганцы именовали шурави (یوروش – šuravî, шурави – советский).

Глава девятая

Пробуждение

Удар когтистой лапы пришелся по плечу, но боль полоснула по всему телу, обожгла грудь. Треснула кожа, кровь брызнула во все стороны. Удар был настолько сильным, что его отбросило назад, и земля ушла из-под ног. Сорвавшись с самого края скалы, он полетел вниз, в глубокую бездонную пропасть. Но вскоре рухнул в воду, погрузился и стал тонуть. Вода заполнила всю грудь, дыхание прекратилось. Силы покинули. Он безучастно наблюдал из-под воды в последние мгновения своей жизни, как мечутся размытые фигурки на вершине холма, как кто-то прыгнул вслед за ним. Но ему было уже все равно, вскоре свет померк в очах, а тело погружалось все глубже, и душа поспешила расстаться с ним.

...Словно издалека доносились незнакомые голоса. Его трясли и тянули куда-то. «Наверное, я уже в раю», – слабо обрадовался Кондратий, не понимая, что происходит вокруг, и не обращая внимания на доносившиеся словно из другого мира голоса. Глаза его были закрыты и словно заклеены чем-то вязким. Он чувствовал только боль, охватившую все тело.

– Осторожней бери, помнешь!

– Понесли на телегу, авось жив еще.

Когда его бережно приподняли и понесли, тело вновь резанула дикая боль, заставившая Кондратия даже застонать. «Боль это хорошо, – пронеслась обжигающая сознание мысль, – значит, я еще жив. А этого просто не может быть».

Но голоса снаружи были иного мнения.

– Слышь, застал... Жить будет еще, – произнес с надеждой один.

– Крови много вытекло, можем не поспеть, – засомневался другой, – Как довезем, надо Февронию сразу звать.

– Оно понятно, – согласился первый, – едва не утоп, да еще медведь порвал. Без ведуньи никак. Того и гляди помрет наш хозяин.

– Не бреши зазря, – осерчал второй, – неси давай, поспешай. Авось успеем. Ехать недалеко.

Кондрат ощутил, как его бережно опустили на подстилку из мягкой соломы и укрыли накидкой. Раздался звук кнута, и земля под ним пришла в движение. От тряски на ухабах начало мутить, он вновь застал, а потом и вовсе провалился в небытие.

Сколько времени он провел в забытии, Кондрат не знал. Ему мерещилась огненная лава, в которую он нырял с разбега и плыл по ней, пытаясь выгresti к далекому берегу. А потом тонул, стора, так и не доплыв. Снился дикий темный лес, по которому сновали странно одетые люди с рогатинами и копьями, пытаясь кого-то догнать. Позади них на мгновение показался всадник в алом плаще, одетый в доспехи и подпоясанный мечом, словно воин из Древней Руси. Крикнув что-то Кондратию, воин выхватил меч и поскакал в лес, растворившись в нем.

Вскоре лес сменился желтыми скалистыми горами, по которым Кондрат прыгал в полном боекомплекте вместе со своими солдатами, отстреливаясь от нападавших со всех сторон душманов. Он сажил по ним из автомата и с какой-то бесконечной радостью видел, как пули вспарывают их легкие одежды. Обливаясь кровью, «духи» падали и катились вниз по каменистому склону, пропадая в пыли. А Кондрат все стрелял и стрелял по ним, пока вдруг не кончились патроны, и он не остался совсем один. Всех бойцов его отряда уже убили. Он это знал. А кольцо душманов сжималось все плотнее. Тогда он выхватил гранату и бросился в свою последнюю атаку.

Затем Кондрат увидел высокое синее небо и тысячи коршунов, медленно паривших там, распластав крылья. Хищных птиц становилось все больше и больше. Скоро они уже закрывали свет солнца своими огромными крыльями. А затем начали пикировать вниз, неся стре-

мительную смерть с неба туда, где лежало посреди луга его беззащитное тело. Набросившись на это тело всей сворой, коршуны стали рвать его на части. А Кондрат все лежал недвижимо, не защищаясь, и смотрел на свою смерть словно со стороны. Лишь когда самый большой и сильный коршун вознамерился выклевать его глаза, Кондратий вскрикнул от ужаса и очнулся.

Попытавшись открыть глаза, он чуть пошевелился и застонал. На этот раз глаза уже не залепляла липкая пленка, они были кем-то старательно промыты. Но то, что увидели эти глаза, лишь слегка приоткрывшись, заставило Кондрата усомниться в том, что он выжил. Глаза говорили ему, что лежит он у стены в каком-то бревенчатом доме, похожем на терем из сказки, которых отродясь не водилось в Афганистане. В приоткрытое окошко падает солнечный свет. Рядом с окном виднелся проход наружу, а напротив него сидят, словно истуканы, два здоровых мужика в странных кафтанах, совсем не похожие на «душманов». Смотрят на него во все глаза, но рта не раскрывают.

Тогда он снова застонал и закрыл глаза, откинувшись назад. «Неужели я попал в плен, – подумал Кондрат, пытаясь осознать происходящее, – лучше бы я умер. Ведь я же умер. Я не мог выжить после такого взрыва...»

Но едва он провел рукой по груди, как тело отозвавшись дикой болью, заставило его думать иначе. Под рукой Кондрат ощутил холщовую рубаху грубого сукна, которая едва ли не прилипла к повязке, обмотанной вокруг груди и прихватившей левое плечо. Боль под повязкой была адская, Кондрату показалось, что вся его грудь иссечена длинными шрамами, которые саднили так, что впору было лезть на стену. Да только сил у него не было. Хватило только на то, чтобы едва пошевелить рукой и с новым стоном откинуться на мягкой подстилке.

– Где я? – пробормотал Кондрат, с силой разомкнув спекшиеся губы.

– Очнулся, – пробормотал радостным шепотом один из бородатых мужиков, – может, за знахаркой сбегать?

– Беги, а я пока отвара ему дам, – согласился второй, тоже говоривший вполголоса, – а то слаб еще.

Кондрат услышал, как скрипнула дверь, а затем сильная рука осторожно приподняла его голову и придвинула ко рту чашу, из которой в носшибанул горький и терпкий запах.

– Выпей, хозяин, – посоветовал бородатый мужик, так и не ответивший на вопрос, – этот отвар тебя укрепит. А скоро и знахарка будет, она тебя посмотрит.

Кондрат, подчиняясь, глотнул странного зелья. Оно горечью заполнило весь его рот и с трудом просочилось дальше, но вместе с тем принесло успокоение. Боль в груди унялась. Кондратий откинулся на мягкой подушке и вновь прикрыл глаза, задремав. Спал или не спал, он уже и сам не мог разобрать. В полудреме он услышал, как скрипнула дверь и в комнату этого странного жилища кто-то вошел. Сначала раздались тяжелые, а потом мягкие, едва слышные шаги.

– Как он? – послышался тихий женский голос, по которому Кондрат предположил, что обладательницей его была женщина в летах.

– В забыты лежал до сей поры, Феврония, бредил, да недавно вдруг очнулся. Я за тобой сразу Макара и послал, – ответил уже знакомый мужской голос. – Видать, болит у него грудь сильно. Жжет боль лютая. Я ему отвара дал, что ты в прошлый раз оставила, он и затих пока.

– Дверь прикрой, – приказала женщина, обернувшись назад ко второму мужику, который ее сюда и привел, – негоже будет, если кто войдет сейчас.

Мужик бросился исполнять приказание, а Кондратий осторожно приоткрыл глаза и попытался исподтишка рассмотреть гостью. Напротив стояла невысокая женщина в сером холщовом платье до самого пола, подпоясанная широким поясом, испещренным странными рисунками. Голова ее до самых глаз была укрыта темной косынкой, из-под которой, обрамляя морщинистое, но доброе лицо, ниспадали длинные русые волосы почти до пояса. На груди виднелось ожерелье, не то из камней, не то из костей. В руке гостя, которой на вид было лет

пятьдесят, держала небольшой туесок. Через плечо у нее висела котомка. Едва женщина убедилась, что дверь закрыта плотно, вновь обернулась к лежавшему у стены Кондратию, который уже закрыл глаза, притворившись спящим.

«Кого это ко мне привели, – промелькнуло в затуманенном мозгу Кондрата, который до сих пор не мог найти объяснения происходящему, – колдунью какую-то. Кто это вокруг меня, да и где я вообще?»

Но до выяснения всех обстоятельств Кондрат решил, что ему лучше прикидываться спящим и больным. Так он мог получить хоть какую-то информацию об окружающем мире, не выдавая себя. Тем более что особого труда это ему не составляло, как раз таким он сейчас и был. Его знобило, грудь опять заболела нещадно. Похоже, действие горького отвара закончилось.

Странная женщина приблизилась к лежащему Кондратию и поставила туесок рядом с кроватью на табурет, а рядом положила котомку. Затем осторожно, но быстро и уверенно приподняла рубаху, осмотрев повязку. Запустила под нее свою руку и чуть сдвинула в сторону, оголив рану. Как ни пытался Кондрат прикинуться спящим, но тут взвыл от боли и открыл глаза, уставившись на знахарку. Он хотел громко выругаться, но встретившись с ней глазами, замолчал и даже невольно вздрогнул. Женщина была хоть и немолода, но еще сохранила остатки какой-то спокойной благородной красоты, хотя и выглядела, как простая селянка. Но вот ее зеленые глаза горели холодным огнем и смотрели словно в самую душу Кондрата, читая все его мысли. Кондрат хотел что-то сказать, но не знал что, а потому чуть склонил голову набок, стиснул зубы и молча наблюдал за действиями женщины.

Та, не обращая внимания на его крики, деловито осмотрела рану и, довольно кивнув сама себе, постаралась сдвинуть повязку из промокшей ветоши еще дальше в сторону. Но повязка оказалась слишком тугой. Неожиданно в руке у женщины блеснуло узкое лезвие ножа, отчего Кондратий напрягся, решив, что сейчас его просто добьют, как беспомощного котенка. Однако гостя отточенным движением засунула нож под пропитанную кровью ткань и просто вспорола ее, оголив растерзанную грудь. Затем открыла туесок, в котором оказалась какая-то бурая вязкая жижа, и смазала раны, неведь откуда взявшиеся на теле Кондратия. Сам он, глядя на раны, решил, что его просто исполосовали ножами в каком-то бою или поглумились, пока он находился без памяти. Вся грудь была как одно сплошное красное месиво. Но Кондрат не мог даже представить, как и где это могло произойти, поскольку он ничего об этой драке не помнил. Чтобы офицеру спецназа позволить так себя изуродовать, нужно было вообще не уметь драться или находиться в полной отключке. Глядя на все это, Кондратий вновь пришел в замешательство. Медленно оживавшему мозгу просто не за что было зацепиться.

– Бред какой-то, – вполголоса проговорил Кондрат и поймал на себе удивленный взгляд знахарки. Та, закончив мазать распухшие раны, сорвала с Кондрата остатки размокшей повязки и достала из котомки какие-то новые тряпки.

– Помогите, – кивнула она видневшимся из-за спины мужикам, – чего стоите, как истуканы.

Оба бородатых мужика приблизились к лежанке и, осторожно подхватив раненого Кондратия за плечи, приподняли его. Кондрат застонал, но тут же сжал зубы.

– Потерпи, хозяин, – пробормотал один из мужиков, словно уговаривая, – скоро полегчает.

Кондрат отвернулся в сторону и еще сильнее скрипнул зубами. Как-то стыдно ему было показывать свои страдания перед незнакомыми людьми, а особенно перед этой странной женщиной, что пользовала его раны. Не таков был офицер советской армии и просто крепкий мужик Кондратий Львович Зарубин, без пяти минут капитан.

Между тем знахарка быстрыми и ловкими движениями обмотала грудь и плечо раненого ветошью, сотворив новую повязку. Закончив, она сделала знак мужикам, и те опустили Кон-

дратия обратно на лежанку. А знахарка, вынув из котомки бурдюк с каким-то пойлом, поднесла его горлышко ко рту раненого.

– Пей, – сказала она спокойно и властно, как человек, которому не нужно повышать голос, чтобы его слушались.

Кондрат молча отхлебнул из кожаного мешка, втянув в себя какой-то кисло-сладкий настой. На мгновение ему показалось, что этот напиток гораздо вкуснее прежнего, а затем на него вдруг начал накатываться холод и сон. Медленно и неотвратимо, отключая конечности одну за другой, словно замораживая. Жуткие это были ощущения.

«Чем она меня опоила, – подумал в ужасе Кондрат, но сказать уже ничего не смог, язык словно отнялся, только дико вращал глазами, – что за чертов медсанбат здесь творится!»

Затем он увидел, как женщина подошла к нему, наклонилась и начала что-то бормотать, разбрызгивая не него и вокруг какую-то жидкость из другого сосуда. Зеленые глаза ведуньи смотрели на него как-то отстраненно, куда-то сквозь Кондратия, словно его и вовсе не существовало.

...Стану я благословлясь, пойду к синему морю, на синем море бел-горюч камень Алатырь...

Слух начал отказывать Кондрату, глаза сами собой закрывались, как он ни старался оставаться в сознании.

...отскачите, отпрыгните, отпряньте от Евпатия родимые огневицы, горячки и лихорадки...

– Вот так-то лучше, Евпатий Львович, – весело подмигнул ему один из мужиков, вдруг нависая над лежанкой, – на поправку скоро пойдешь.

«Какой еще Евпатий, – пронеслось в слабеющем мозгу, – с кем они меня перепутали?» Это было последнее, что он услышал, вновь провалившись в небытие.

Когда он открыл глаза в следующий раз, в комнате уже царил полумрак. В углу, на небольшом столике, тускло коптила свеча. Рядом с ней дремал один из «знакомых» мужиков. Кондрат резко откинул покрывало и сел на лежанке. Голова закружилась, но вскоре это прошло. Ему было явно лучше.

– Эй, – позвал Кондрат, решив, что давно пора прояснить ситуацию, – сколько я проспал?

– Да почитай седмицу, – вскочил со своего места дремавший мужик, протирая рукавом глаза и делая вид, что он все время бодрствовал, – с того дня, как Феврония нас посетила да раны твои обработала. Целых семь дней ты, Евпатий Львович, глаз не размыкал. Все спал мертвым сном. А вот теперь, видать, время вышло и проснулся. А до того почитай еще целый месяц в беспамятстве был.

Кондрат обвел ословевшим взглядом избу и продолжил расспросы.

– Что со мной приключилось?

– Так как же это. Али не помнишь ничего? – удивился мужик.

– Вроде дрался с кем-то, – нехотя предположил Кондратий, остановив взгляд на мерцающем пламени свечи, – потом ранили меня... крепко. Чуть не умер...

– Верно. Чудом выжил, – подтвердил его бородатый собеседник, – тебя же медведь порвал. Тот, что на князя бросился. А ты его и спас, на себя удар косолапого принял.

Мужик помолчал и добавил, озираясь по сторонам:

– Дурной это был медведь. Мужики поговаривали, что оборотень это. Точно. Неспроста сразу на князя бросился.

В это время скрипнула дверь, и на пороге возник второй мужик – светловолосый бородач в сером кафтане. Услышав голоса в комнате, он, похоже, поспешил узнать, в чем дело. Но едва показавшись, замер у порога.

Неожиданно за окном раздался звон, очень напоминавший колокольный. Ударив несколько раз, словно возвещая о чем-то, колокол умолк. Но звон еще долгое время висел в воздухе, не желая растворяться и пропадать.

Услышав колокол, первый мужик словно устыдился своих слов и забормотал, поглядывая на только что вошедшего.

– Ты уж прости нас, Евпатий Львович, за самоуправство. Знаем мы, что ты не любишь все эти заговоры, да и поп заругает, но уж больно испужались за тебя и первым делом за Февронией послали. Она тебя и пользовала, пока ты в бреду да беспамятстве лежал, весь кровью залитый. Не погуби нас с Макаром. А то ведь, не ровён час, сожгут еще за волхование это. А мы же за ради тебя только и старались²⁶...

– Верно Захар говорит, – подтвердил второй бородач, делая шаг в сторону лежанки, а Кондратий слушал этот бред и не верил своим ушам, – опосля того, как князь Юрий сведал о твоём хаплении²⁷, то уж тогда своего лечца-резалника прислал. Тот раны глянул – а лечить-то уж и нечего. Затягиваться начали. Говорит, пуцай лежит и во сне лечится. Вот она какая, Феврония.

Кондратий посмотрел на второго бородача. «Что это они несут про какого-то князя и медведя? – подумал он с натугой. – Психи, что ли? Откуда в Афгане медведи... И где я вообще этот месяц провел, если они оба не врут? А может, это вообще переодетые моджахеды и кончат меня, если попытаюсь вырваться».

Бредовые мысли непрерывно долбили больной мозг Кондратия, но других объяснений не было, а неизвестность терзала еще больше. А потому раненый воин сделал усилие и встал, покачнувшись – раны были настоящие и, похоже, еще не затянулись до конца. Мужики бросились к нему, подхватили под руки. Но Кондратий оттолкнул их. Сделал несколько шагов босыми ногами и покачнулся опять, остановившись, – с непривычки было тяжело. Слабость накатила, а ноги были как деревянные, не слушались. Но Кондрат не привык отступать.

– Осторожней, хозяин, – пробормотал тот, что назывался Макаром, побоявшись на этот раз хватать его за руки, – не упали.

– Не бойсь, – процедил сквозь зубы Кондратий, уже почти привыкший, что эти два бородача отчего-то называли его хозяином. И продолжил свой путь в полумраке к окну, неуверенно переставляя ноги.

Пройдя пять шагов вдоль стены, Кондрат обнаружил перед собой широкий проем, оказавшийся выходом на балкон, и уверенно шагнул наружу, толкнув скрипучую дверку. Мужики сопели за спиной, не решаясь приблизиться. «Хрен с ними, – решил Кондрат, оставив их за спиной, так как не имел сил к сопротивлению, – пусть мочат при попытке к бегству».

Оказавшись снаружи, на небольшом балконе, Кондрат схватился за шершавые тесаные перила и немного передохнул, разглядывая окрестности. Свежий ветерок ударил в нос, взбодравив десятками новых запахов. Обоняние Кондрата, давно привыкшее к запаху горевшей лучины и горьким отдушкам всяких мазей, которыми его пользовала таинственная знахарка, теперь различило еще с десятков новых ароматов. Были это и знакомый запах горелой древесины, проще говоря, дым от костра, и запах смолы, хвои, каких-то благоухавших трав и цветов. Со всем этим смешивались в странный букет кислые запахи и смрад от чего-то гнившего неподалеку, а также конские и человеческие ароматы.

---

²⁶ В XIII–XVIII веках на Руси (в России) применялась казнь через сожжение. Чаще всего ее применяли для преступников, осужденных за ересь и колдовство.

²⁷ *Хапление* – так в древней Руси называли растерзание зверем.

А еще окрестности его странного жилища были наполнены звуками. Сквозь темнеющий воздух Кондратий слышал людской говор, почти неразличимый и едва доносившийся изда- лека, а также всякие скрипы и шумы, свойственные большому скоплению людей, хоть и веду- щих себя вполне спокойно.

Но самым странным были не запахи и звуки, а то, что без пяти минут капитан советской армии увидел прямо перед собой, в предзакатных лучах ласкового и нежаркого солнца. Это был резной балкон какого-то странного терема, стоявшего на небольшом холме и огорожен- ного высоким частоколом. Терем этот с многочисленными пристройками слегка возвышался над соседними домами не менее странной конструкции. А открывавшийся с балкона вид окон- чательно уверил Кондрата в том, что он тронулся умом.

Перед ним раскинулся целый древний город, разделенный на кварталы, каждый из кото- рых благоухал и шумел по-своему. Квартал больших домов-особняков, обнесенных частоко- лом, упирался в высокую крепостную стену, за которой с холма виднелись бесконечные крыши деревянных хибар, складов и амбаров, заполонившие все пространство вниз по склону до вто- рой крепостной стены. Неподалеку от того места, с которого Кондратий наблюдал всю эту странность, была выстроена златоглавая церковь, на маковках которой сейчас играли отсветы заката. Еще одна, но больше размером, виднелась за первой стеной, посреди моря деревян- ных построек, меж которых еще копошились едва заметные и оттого еще больше похожие на муравьев люди. Торопились доделать свои дела до захода солнца. Вторая крепостная стена с массивными башнями окаймляла весь город по самому краю. Еще дальше за ней, у подножия обрыва, блестела лента широкой реки, охватившая полукольцом город. И прямо посередине этой блестящей ленты шел караван судов на всех парусах, стремясь до заката пристать к берегу.

Вид древнего города заставил Кондрата испустить такой тяжкий стон, что мужики, не выдержав, опять подскочили к нему, ухватив за локти. Испугались, что он упадет вниз с бал- кона. Но ошеломленный Кондрат, оттолкнув их, вскинул руку вперед и, указывая на город, с нажимом в голосе спросил:

– Что это?

– Рязань, Евпатий Львович, – пояснили те и переглянулись, удивленные до крайности, – город наш родной. Али не узнаешь?

Глава десятая

Новая жизнь

Не в силах справиться с нахлынувшей паникой, Кондрат вернулся в горницу, дополз до лежанки и рухнул на мягкую подстилку. Мужиков, что лезли помогать, отправил ко всем чертям и выгнал вон из комнаты, наказав до утра не появляться. Раз уж зовут хозяином, по неизвестным причинам, то пусть подчиняются. Оба бородача с поклоном удалились. А на их лицах он даже заметил некое подобие радости, видно от того, что «хозяин» пришел в себя и подает первые признаки жизни, пусть даже чертыхаясь и проклиная своих холопов. Они были ко всему привычные.

Кондрат же сам себе все еще боялся признаться в том, о чем подумал, узрев древнерусский город. Потому он и выгнал назойливых мужиков, ходивших за ним, как две бородатые няньки за несмышленным ребенком, – надо было обдумать создавшееся положение. Оставшись один и пролежав молча не меньше часа, Кондрат опять сел на лежанке и первым делом ощупал себя с ног до головы. Чувства его не обманули. Тело было самое настоящее, твердое на ощупь, но израненное и еще сильно болело от полученных ран. Только раны были совсем не те, которые могла нанести взорвавшаяся под ним мина и связка осколочных гранат. А это было последнее, что он увидел в своей жизни. От такого взрыва его должно было разнести просто в клочья. После такого взрыва не выживают. «А может, и разнесло? – опять подумал Кондрат, с сомнением проводя рукой по перевязи, от которой несло горьким запахом полыни, – и мне все это кажется. А я все же в раю, так как на ад это пока не похоже».

Но за какие заслуги Кондрат угодил на небеса напрямую из армии страны, где в бога официально не верили, он не мог себе представить. Да еще в рай. Только тут Кондрат вдруг стал замечать другие странности, на которые прежде не обратил внимания. Руки и ноги его стали чуточку короче, а на широком скуластом лице выросла окладистая борода средней длины. За время беспамятства он, конечно, мог обрасти волосами, они и без вмешательства мозгов растут, но если ему не оторвало руки и ноги, то почему он стал чуть ниже ростом? Кондрат от такого открытия даже привстал на доски пола и выпрямился, как мог. Определенно он стал чуть ниже ростом и раздался в плечах. Сейчас он был вполне себе коренастым и, по всему видно, сильным мужиком ростом примерно метр восемьдесят. Одетым в богато расшитую золотом холщовую рубаху и штаны, как в исподнее.

Ошарашенный таким открытием, Кондрат доковылял до свечи, почти истлевшей у соседней стены. Там он остановился и, опершись руками о столешницу, глянул на свое зыбкое отражение в натянутом слюдяной пленкой узком и высоком, как бойница, окне. Там, за окном, уже почти стемнело, и отраженное даже от неровной поверхности лицо было видно довольно четко. Разглядев это лицо, Кондратий вскрикнул.

Он не верил в переселение душ. Но из темного окна на него сейчас смотрел не просто Кондратий Львович Зарубин, офицер советской армии, старший лейтенант спецназа 334-го Отдельного отряда специального назначения ГРУ в Афганистане, исхудавший и заросший после ранения. Это он еще смог бы понять. Однако, если верить глазам, за окном никакого раскаленного солнцем Афганистана уже не наблюдалось, вместо него там была Рязань неизвестного века. А из окна на него смотрел совершенно незнакомый широколицый и скуластый мужик, косая сажень в плечах, заросший бородой по самые брови. Да, он тоже был исхудавший и заросший, как и Кондратий мог быть после ранения, НО... совершенно незнакомый.

– Господи, – пробормотал Кондрат, глядя на неизвестное отражение и ощутив свое лицо, – что же со мной приключилось?

Не в силах вынести этого на свежую голову, Кондрат крикнул во весь голос:

– Эй, кто там есть!!!

Спустя мгновение дверь в горницу открылась, и на пороге появился заспанный Макар, словно и не уходил никуда, а спал тут же под дверями.

– Что приключилось, хозяин? – поинтересовался тот.

– Тащи что есть выпить, – приказал Кондрат.

– Знахарка не велела хмеля пить покудова... – робко попытался перечить Макар, переминаясь с ноги на ногу, но Кондрат, отвернувшись от окна, рывкнул на него так, что у Макара душа ушла в пятки при виде озверевшего за мгновение хозяина.

– А ну быстро тащи хмельного! И закуски какой!

Макар испарился, посчитав за благо больше не спорить с выздоравливающим хозяином, который был сейчас в такой ярости, что сам напомнил ему дикого медведя. Да и рука была у хозяина тяжелая, это все слуги знали. Спорить с ним можно было недолго, и только если он находился в пьяном беспамятстве.

Не прошло и пяти минут, как на столе перед Кондратом, заботливо передвинутым к лежанке с помощью возникшего из ниоткуда Макара, стоял кувшин с каким-то пойлом и чаша с рукоятью, похожая на небольшой ковшик, а на широком блюде ломоть закопченного мяса и краюха хлеба, обрамленная набором из разносолов. Догоревшую свечу тоже сменили на новую, отчего в комнате стало светлее.

– Звать меня как? – глядя на бородатых мужиков, угрюмо спросил бывший офицер спецназа, решивший идти сегодня до конца. Этим вопросом он вызвал горестное сожаление на лицах мужиков, быстро сменившее выражение радости.

– Евпатий Львович, – пробормотал задумчиво Захар, перемигнувшись с Макаром, – Коловрат. Боярин рязанский.

– А вы кто такие? – едва не присвистнув от удивления, уточнил Кондрат.

– Мы главные приказчики твои, Захар и Макар, за делами торговыми наблюдаем. Дела у тебя обширные, Евпатий Львович, вином и маслом торгуем, кузня своя есть, оружие делает, да гончарных мастерских три штуки. И еще...

Решив, что на сегодня хватит, Кондрат жестом приказал Захару умолкнуть. Сел за стол и, отказав метнувшимся было прислуживать ему приказчикам, рывкнул:

– Пошли вон! И чтобы до утра духу вашего здесь не было.

Захар и Макар, потерявшие веру в быстрое выздоровление хозяина, все же удалились, не осмелившись больше перечить.

А Кондрат от расстройства хлебнул прямо из кувшина бурого пойла, по вкусу напомнившего ему сладкое пиво. Не то, правда, пиво, не то медовуха какая. Ему сейчас было все равно. Главное, чтобы это пойло быстрее притушило мятущееся сознание, уже готовое выпрыгнуть из головы и тела, совершенно ему незнакомых с виду.

Одним глотком Кондрат приговорил почти полкувшина, закусив свежей зеленью и занюхав хлебом. Есть ему почему-то не хотелось. Хмель и в самом деле быстро дал о себе знать. Измученное болезнью тело быстро размякло, разум «поплыл», вновь затуманиваясь и даря долгожданное расслабление.

– Теперь понятно, чего эти бородатые мужики меня Евпатием называют, – проговорил вслух Кондрат, не заботясь о том, что его услышат приказчики, наверняка дежурившие у дверей из-за боязни того, что сбрендивший хозяин на себя руки наложит. – Я, оказывается, и в самом деле здесь Евпатий какой-то. Боярин... Надо же... Это как же меня угораздило здесь очутиться? За какие такие преступления? Хотя есть, конечно, за что...

Захмелевший Кондрат напряг затуманенный ум, припоминая всех убитых своей рукой татар из банды в родной станице и душманов Афгана. Татар он помнил всех наперечет, душманов – не запоминал. Первое было мстью, второе работой. Суровой, кровавой, но все же работой. И совесть его не мучила. И в том и в другом случае он убивал тех, кто ломал или отнимал жизни у других, избавляя мир от падали. Но если он вдруг действительно попал в

ад, в который не верил, то ад этот выглядел пока что вполне комфортно. Здесь он оказался, если верить глазам и ушам, боярином, жил в своей усадьбе и держал слуг. И все потому, что по прихоти высших сил поменялся телами с неизвестным ему человеком по имени Евпатий, отца которого в этом мире звали так же, как и его отца.

В памяти всплыли отрывочные воспоминания, как он дрался с медведем, как тонул и как его вытянули из воды. Но это была уже явно не его, Кондратия, жизнь. А жизнь того Евпатия, на которого он вдруг стал похож. Рязанского боярина, который, выходило, был знакомцем самого князя, местного правителя. И жил неизвестно в каком смутном средневековье. Историю Кондрат Зарубин знал не слишком хорошо. Хотя имя это слышал как-то. Уж не тот ли это знаменитый боярин, что погиб, защищая свой город от татар? Получалось, что если он и оказался здесь живым, несмотря ни на что, то это было ненадолго. Вскоре и этому телу придет конец.

Такой неожиданный вывод Кондрат сделал, отхлебнув еще хмеля и закусив куском копченого мяса, так как вдруг ощутил первые признаки голода. И все же это было выше понимания потомка казаков Кондрата Зарубина, простого парня, жившего последние десять лет лишь ненавистью к убийцам своей семьи. И он опять попытался заглушить это непонимание хмелем. Схватив кувшин, Кондрат вышел на балкон и, опрокинув остатки веселящего напитка в себя, вперил взгляд в темную даль. Кувшин поставил рядом.

Закат уже давно догорел, но эта ночь выдалась ясной, и он смог разглядеть ломаную линию крыш, протянувшуюся, насколько хватает глаз. Лишь колокольни церквей, вытянувшихся вверх, нарушали единообразие. Весь город уже спал. Не было здесь ни огней на улицах, ни какой-то ночной жизни. Повсюду царила тишина, лишь изредка нарушавшаяся далеким мычанием коров или ржанием лошадей, спавших в своих стойлах. Лента реки едва угадывалась за городской стеной, поблескивая тусклым светом при луне.

«Люди в старину ложились с заходом солнца, – глядя на все это, припомнил Кондрат рассказы отца с матерью о былых временах, – а вставали с рассветом. Не было тогда никакого электрического освещения и других бесовских придумок».

Махнув рукой от досады, Кондрат уронил кувшин, который рухнул вниз и звонко раскололся на черепки. Но на этот раз он не расстроился. Хмель сделал свое дело, снял острую боль сознания, и Кондрат уже начал потихоньку привыкать к своей новой жизни. Почему это произошло, ему было неизвестно, но если он жив и чувствует боль, то по всему выходило – стоит жить дальше. Хотя бы уже и как Евпатий Львович. А долго или нет, на этот вопрос ответа у него не было. Поживем – увидим. И все же ему было страшно.

А потому он опять разбудил Захара и велел принести еще кувшин. Пил Кондрат всю ночь, а потом день спал. А потом опять пил и опять спал. И так несколько дней, пока дикая тоска не начала его отпускать. Лишь единожды отвлекся на перевязку. За это время кто-то приходил к нему по делам или справиться о здоровье, но Кондрат никого знать не хотел. Лишь на пятый день утром он прекратил требовать хмеля и решил, что пора выйти из дома и узнать, кто же он такой в этом древнем мире.

Но робел еще, без пяти минут капитан спецназа, поскольку не знал, как здесь люди живут и что говорить надо. Да и в лицо никого не знал «Евпатий Коловрат». Однако выхода не было. Дома не отсидишься, пора и на службу. Раны почти затянулись, Феврония жить дозволила и вставать тоже. Даже наказала гулять и работой посильной уже себя нагружать. А какая у боярина работа? Вот и решил Кондрат узнать побольше о том, кто он и чем до сих пор занимался. Только так, чтобы не вызвать подозрений или неуважения к своей личности, поскольку не знал, как на него боярину требовалось реагировать. Сразу по морде дать или на поединок вызвать.

Но, к счастью, были у него проводники-приказчики. А потому, отойдя от хмельного сна, Кондрат кликнул обоих и велел рассказать ему, как шли дела, пока он болел и на улице не показывался.

– Слава богу, боярин, дела идут хорошо, – первым начал отчитываться Захар, отвечавший, как выяснилось, за кузни, золотой и косторезный промыслы, – заказ княжеский на мечи да наконечники для копий почитай весь готов уже. Скоро сдавать князю повезем. Княжеский приказчик Даромысл за него давно уже задаток выплатил и обещался остаток выдать аккурат, как привезем.

Подумав немного, Захар просветил своего забывчивого по болезни боярина насчет общей ситуации.

– Нынче торговля на Рязани идет хорошо, как с окрестными землями, так и с дальними. С Византии самой караван с товарами на днях пришел. Да купцы рассказывают, что скоро из Азии другой доберется. А еще ждем камня драгоценные аж из самых индийских земель. Туда купец Первуша отправился, мы ему заказ для наших золотых мастерских сделали.

– Каких мастерских? – недопонял «Евпатий».

– Ты же сам, боярин, приказал еще в позапрошлом годе открыть новое дело – золотой промысел. Кольца, браслеты да ожерелья всякие с драгоценными камнями для девок богатых изготавливать, – удивился Захар и уточнил с сомнением: – Али позабыл? Денег велел не жалеть. Мастеров нашли в дальних землях, выписали, да своих подучили – и пошла работа. Нынче казна у князя Юрия от серебра да камней ломится. Братьев да родственников всяких у него тоже немало. А на боярских дочках, да на самих боярынях нашего золотишка повешано уже ого-го сколько! Славится наш промысел искусный, а лучше всех Деян-мастер. Ты же помнишь, как он самой великой княгине Агриппине, матушке нашего князя, ожерелье с камнями изготовил, которое ты преподнес. Очень оно ей под цвет глаз подошло и понравилось. Отчего Деян у нас теперь без заказов не сидит. Да и остальные мастера тоже не прохлаждаются. А промысел сей прибыток дает едва ли не больше, чем главная кузня от мечей да оружия всякого.

– Богатеем, значит? – уточнил боярин «Евпатий», впервые с одобрением посмотрев на сидевших перед ним мужиков. Пока он из дома уже больше месяца не показывался, а к себе никого не пускал, эти мужики, его приказчики, вели все дела. Само собой, со своими помощниками, коих, как выяснилось, у них был не один десяток.

– Хорошо богатеем, – поддакнул Захар, погладил бороду и переключился на другую тему: – Но не только кузней да золотых дел мастерами. И попроще товары прибыток дают. Скоро ярмарка в Чернигове будет. Надо туда успеть возов пять с горшками и посудой отвезти. Выгодно продать сможем. Ну, об этом Макар обскажет, его епархия. Гончары постарались, почитай уж все готово к отправке. Еще неделя и сможем ехать. Да косторезы наши, тоже к тому времени своих изделий приготовят немало. Знатная должна выйти торговля в Чернигове, ярмарка там хорошая всегда бывает. Купцов наших много, а иноземных еще больше бывает.

Захар аж причмокнул от удовольствия, представив, как деньги текут рекой в его кошелек. Но по всему было видно, что не столько деньги, сколько дело свое любил этот приказчик, знавший толк в торговле.

«Видать, не зря я его на работу взял, – подумал Кондрат про себя, – ну, вернее, Евпатий. Мужик дело свое знает и на месте находится. Похоже, пока я тут в беспамятстве лежал, торговля действительно не стояла».

– Ну, а ты, Макар, – окликнул боярин заскукавшего немного приказчика, – чем похващаешься?

Услыхав приказ говорить, Макар тоже взял быка за рога и повел свой обстоятельный рассказ, больше походивший на доклад.

– У меня, боярин, тоже все в аккurate. Вином да маслом из оливы торгуем с купцами заморскими. Недавно только товары получили. Пришел караван из Африки далекой через Азию, сначала посуху, а потом по реке, почитай тридцать амфор с маслом из оливы прибыло, да с ними еще два десятка амфор с вином. На днях разгрузили, по складам развезли, – пове-

дал Макар, поглаживая свою бороду. – Окромя того заказал я приказчикам нашим из Греции привезти на пробу диковинные сосуды для разлива вина под названием ойнохойя, на прошлой ярмарке у нас в Рязани такой видел у купца Затеева. Больно они мне понравились. Ручек у них может быть аж три штуки, удобно очень хватать для разлива. Но главное, носик у тех сосудов знатный придуман, на три ручейка разделен. С них один виночерпий, изловчившись, может вино терпкое сразу в три кувшина наливать. Наши бояре да дружинники на пирах такие забавы страсть любят и веселятся от души. Да бьют эти кувшины нещадно. А они дороги.

Помолчал немного Макар, за окно глянув, где давно уж день разгорался и дело шло к полудню.

– А как придут те сосуды, разумею, надо будет нам с той ойнохойи сразу копию снять да гончарам нашим приказать изготовить, – добавил хитрый приказчик. – Мастера у нас толковые, враз переймут, а мы ею сами торговать станем. Глины на наш век хватит, обжигать умеем. Обзовем как-нибудь по-нашему. Из далеких земель возить не придется, а прибыль весь в твой карман ляжет, Евпатий Львович.

– Дельная мысль, – похвалил Кондрат, старавшийся привыкать к новому имени. А куда было деваться, раз попал в такую историю, надо было привыкать к новой жизни с новым лицом и новым именем. Хоть и ощущал себя порой Кондрат, как беглый преступник, над которым поколдовал пластический хирург: лицо другое, а характер прежний. А еще подумал новоиспеченный боярин, глядя на Макара, о том, что на Руси своих хитрованов хватает, которые даже китайским врунам-торговцам еще и фору дадут. Скопировать да выдать за свое – это мы быстро. Да еще обратно в Грецию продавать будем.

Судя по рассказам ближайших помощников, торговля в Рязани шла чуть ли не со всем известным миром, от Африки до Азии. Разве что про Китай они еще ничего не рассказывали. Может, и не было еще ничего, да и не знал точно Кондрат, как в эти времена далекая китайская страна прозывалась. Русь-то сама из разных княжеств состояла, которые промеж собой не всегда дружили. И в Китае много их там, кажется, было. С разными названиями. А потому, чтобы не выставить себя дураком, Кондрат решил не расспрашивать всезнающих приказчиков без меры, а помалкивать да на ус мотать. Постепенно все само всплывет за разговором.

Гораздо больше, чем связи с китайскими купцами и общее положение дел в хозяйстве, его волновала собственная служба. Ведь слуги постоянно звали его боярином, а эти бояре, как правило, служили своему князю не только деньгами, а «верой и правдой» с оружием в руках. Кондратий историю знал не назубок, конечно, но кое-что все-таки знал. Особенно про служилых людей разных времен любил он читать и с отцом разговаривать, пока был жив. Казаки ведь испокон веков служили, и жизнь их протекала как бы между походами. Судя по обрывочным рассказам, которые Кондрат запомнил, еще валяясь в полубреду, на охоту он с князем вместе ходил, да еще умудрился медведя «на себя взять». За что едва и не поплатился жизнью. А может – поплатился. Но раз телом он еще здесь, значит, князь о том помнит. Следовало разузнать с осторожностью о своей службе.

– Ну, а меня что, никто не спрашивал за последнее время? – осторожно перешел к нужной теме новоиспеченный боярин.

– Как же не спрашивал, – искренне удивился Захар, снова вступая в разговор, – ты же человек на Рязани известный. Заходили пару раз купцы Ревякины по золотым делам побеседовать, о здоровье справлялись, да Наум Ёрш, что с Муромом торгует, насчет косторезов наших. Был еще Григорий Рекин, насчет масла разговор состоялся. Взял у нас сразу пять амфор, во Владимир стольный повезет. Мы со всеми побеседовали, сколь могли, решили, с Наумом быстро, а в остальном постановили ждать твоего выздоровления. Золотые дела дорогого стоят, можно и обождать.

– А по службе? – не выдержал Кондрат, подтолкнув словоохотливого приказчика в нужном направлении.

– По службе дозволю сказать, Евпатий Львович, – пробормотал, отчего-то запинаясь, уже Макар, – сам великий князь Юрий Игоревич заходил, пока ты в бреду лежал. Посмотрел на тебя и такой наказ велел тебе передать, когда в разум воротишься.

Он бросил косой взгляд на боярина, сидевшего на своей лежанке, и продолжил:

– Сотню твою он пока боярину Еремею под команду отдал. До тех пор пока ты снова на коне усидеть сможешь и меч держать.

– Какую сотню? – уточнил Кондрат, припоминая дела далеких казацких предков. – Всадников?

Макар кивнул, но от боярина не ускользнуло удивление, мелькнувшее на его бородатом лице. Приказчики его, похоже, оба сомневались в том, что их хозяин полностью вернулся в разум. Но выздоровление постепенно шло, боярин вспоминал себя, и то ладно. А потому Макар продолжил свой рассказ, не задавая вопросов.

– Только сомневался князь Юрий сильно, по всему было видно. Еремей большой любитель пиры затевать, а не на коне скакать, тебе не чета. Но выбора у него не было. Все остальные бояре уже при деле, а боярин Еремей какой-никакой опыт службы ратной имеет.

Кондрат кивнул в подтверждение того, что, мол, новость услышал и понял. Но поневоле нахмурился, помолчал. Значит, он тут еще и военачальник. Почти как в той, прошлой жизни, которая до сих пор казалась ему реальностью, но постепенно, благодаря времени и выпитому хмелю, смазывалась, перемешиваясь с новой реальностью. Где ему тоже, судя по всему, скоро предстояло показать себя в ратном деле. Да еще как, на коне и с мечом в руке, во главе целой сотни вооруженных ратников, каждый из которых будет смотреть на него, как на лучшего воина и стратега. А он таким не был. Во всяком случае, пока.

«Впрочем, – подумал Кондрат, глянув за окно, где солнце облизывало маковки златоглавых церквей, – не таким уж плохим воином я был в прошлой жизни. Ни татары, ни моджахеды не жаловались. Хотя здесь другое дело. Здесь все иначе, и не все мои умения пригодятся могут. Значит, придется подучиться как-нибудь, пока меня на чистую воду не вывели и не разжаловали. Боярину нельзя в грязь лицом ударить. Похоже, Евпатий-то этот мужик крепкий был и у князя в чести находится, да воином не последним считался, раз до сотника дорос. Придется и мне здешние умения освоить. Коней я не боюсь, а вот с мечом и остальными делами надо бы поскорее разобраться».

Решив так, Кондрат приободрился. Не оставалось ему никакого другого выхода, как стать настоящим боярином и настоящим бойцом. Только вот князя он в лицо не знал, да и бояр остальных, и ратников своих, но делать было нечего. Заново со всеми «познакомиться» придется. Приказчики помогут. Попервости на болезнь можно валить все свои огрехи, а там подтянем. Авось пронесет.

– Что ты там про заказ княжеский на мечи да копья говорил? – будто вспомнил Кондрат-Евпатий.

– Приказчик княжеский, Даромысл, задаток дал, – повторил Захар, – почти готово всё, скоро отвезить на двор княжеский будем. Несколько дней уйдет еще, чтобы закончить работу, думаю.

– Поехали в кузницу, – встал Кондрат, – хочу на эти мечи посмотреть. Хорошо ли сделаны.

Приказчики повскакали, но вместо того чтобы броситься вон из комнаты, нерешительно замерли, оглядывая своего боярина.

– Не серчай, Евпатий Львович, – начал осторожно Макар, – твоя воля, но одежду сменить надо бы. Мы-то ладно, твои ближние люди. Но не к лицу боярину рязанскому в таком виде перед холопами показываться.

– А, вы об этом, – махнул рукой на свои штаны и рубаху, в которых он провалялся почти месяц, и подыграл им, изобразив гнев: – Да неужели ты подумал, дурья башка, что я в таком виде в кузню поеду? Давай мне мою одежду, для такого случая заготовленную.

И огляделся по сторонам. В широкой комнате терема боярского было расставлено по стенам несколько обитых металлическими коваными пластинами сундуков с тяжелыми крышками. Все на массивных замках. До сих пор Кондрат не интересовался их содержимым, вполне «рубища» – как он окрестил свою новую одежду – хватало. А еду приносили, стоило только крикнуть.

– Да в баню бы сходить, – подсказал Захар, – только вот жалость, Феврония велела еще десяток дней обождать, пока раны совсем хороши станут.

– Хорошо что ходить дозволила ваша Феврония, и то ладно, – пробурчал Кондрат, прихвываясь к себе. – Потерплю без бани пока. Несите одежду.

– Сейчас ключницу позову, – кивнул Захар и, выйдя за дверь, крикнул: – Марфа! Ключи неси, одежду боярину достать надобно.

Вскоре, гремя ключами, в дверях появилась пышнотелая девка в белом сарафане, расшитом на груди и рукавах красными узорами. Девка была довольно миловидной, это Кондрат быстро оценил, сразу позабыв про дела и болезни. За спину ее спадала длинная коса, переплетенная лентой. Поклонившись чуть не до земли Кондратию, ключница подмела пол своей косой – отчего грудь ее всколыхнулась, а Кондратий, не видевший женщин еще с прошлой жизни, громко выдохнул. Потом она быстро распрямилась и лихо отомкнула два ближних сундука, самолично откинув массивные крышки. Девка явно была не из самых хлипких, кровь с молоком. Под крышками обнаружили залежи разнообразной одежды и обуви. Поклонившись еще раз, Марфа исчезла за дверью, пожелав на прощанье хозяину: «Доброго здоровьячка!»

Кондрат проводил жадными глазами этот пышный стан, сзади казавшийся не менее привлекательным, до самых дверей.

– Выбирай, боярин, – попросил Захар, оторвав его от созерцания приятных форм.

– А что нынче лучше надеть? – как бы засомневался Кондрат, нехотя переводя взгляд с Марфы на сундуки. – Ну-ка, подберите мне что-нибудь сами. Леню копать.

Получив команду, приказчики бросились выполнять ее с особым рвением. Захар принялся рыться в сундуке с одеждой, а Макар с обувью, и вскоре оба с поклоном поднесли ему несколько богатых одежек и красные кожаные сапоги средней длины. Скинув старую, провалявшуюся потом и мазями одежду, оставшись лишь в исподнем да повязке, что все еще прикрывала обширные раны, Кондрат надел на себя тонкие чистые шаровары из хорошо вытканного сукна, поверх которых натянул еще одни, более плотные – для выхода на улицу. Чтобы прикрыть израненное тело, сверху приказчики подобрали ему довольно широкую рубаху, воротник и края которой были вышиты разноцветными шелками, золотой нитью и украшены какими-то камушками, очень походившими на жемчуг. Рубаху Кондрат стянул пояском. Затем на эту помпезную рубаху боярин – с помощью приказчиков, которые сами помогали ему одеться, не доверив это дело слугам – натянул еще тонкий атласный кафтан, также украшенный на груди и по краям искусной вышивкой. Натянул осторожно, чтобы не побеспокоить раны. И снова подпоясался. «Главное, подпоясаться», – уразумел Кондрат, осматривая свое преобразенное тело и новую одежду. После простецкой «афганки» и удобных маскхалатов из прошлой жизни выглядело все это странно и непривычно. А о том, чтобы одежда была столь же удобной, и речи не шло. Тут главным было себя показать.

Процесс одевания затянулся и начал уже надоедать Кондрату, привыкшему все делать быстро. Но на этом испытания еще не закончились. Боярин собирался выйти из дома, а значит – как напомнили ему приказчики, – нужно было надеть поверх кафтана еще кое что. Это был еще один богатый кафтан из бархата, имевший петлицы с кистями, обшитый по краям

золотым кружевом, и называвшийся «ферязь», – широкий снизу и, к удивлению Кондрата, имевший очень длинные, почти до пола рукава. Облачившись в этот кафтан, новоиспеченный «рязанский боярин» вдруг уразумел, откуда пошла поговорка – «работать спустя рукава». Ибо работать в этой штучке не было как раз никакой возможности, только неспешно ходить. Ну и, дай бог, немного конем управлять. Поскольку это был, как оказалось, «ездовой ферязь».

На ноги Евпатий надел красные сапоги с голенищем чуть ниже колена и ремешками, которые следовало затянуть для надежности. По краю голенища шла замысловатая вышивка. На непривычно мягкой подошве не было ни каблука, ни железных подковок. Но еще больше удивился Кондратий, когда обнаружил, что оба сапога скроены абсолютно одинаково – их можно было легко менять местами, переодевая с правой на левую ногу и обратно. Кондрат сделал несколько шагов, привыкая к странной обуви. Будь его воля, он бы предпочел взять другие сапоги. Обувь – штука наиважнейшая, как говорил ему афганский опыт прошлой жизни. Но в этом времени, похоже, все сапожники так работали, а люди носили. Об этом он очень скоро узнал, возмущившись насчет колодки, и потребовав другие сапоги.

Перебрав пять пар, среди которых попадались даже сапоги, украшенные драгоценными камнями, Кондратий вернулся к первой.

– Извини, Евпатий Львович, – виновато пробормотал Макар, складывая отвергнутые сапоги назад в сундук, – у нас в Рязани все усмари²⁸ так шьют. Раньше вроде тебе нравились, особенно те самые, что сейчас надел.

– Ладно, – кивнул Кондрат, осмотрев свои красные сапоги и решив, что от добра добра не ищут, – привыкну опять, раз нравилось.

Одев боярина, приказчики отлучились ненадолго, чтобы самим надеть одежду для выхода в люди. Явились они скоро, сменив свои простые кафтаны на расшитые золотом и узорами. Как и следовало ожидать, подменявшие боярина у руля семейного дела приказчики жили безбедно и ни в чем себе не отказывали.

Надев на голову шапку с узкой меховой оторочкой – как оказалось мехом выдры, и не важно, что на дворе стояло лето, – боярин, наконец, шагнул за порог. Главное в новой жизни было – держать фасон. Это он уже осознал. Остальное приложится.

---

²⁸ *Усмарь* – в древней Руси так назывался кожевенных дел мастер, ремесленник, занимавшийся выделкой кожи и умевший шить из нее обувь.

Глава одиннадцатая

В кузнице

За невысокой дверью, чтобы пройти в нее, приходилось нагибаться, оказалось небольшое пространство с парой дверей и лестница вниз. Одна из дверей вела на длинный балкон, опоясывавший весь второй этаж. Все это время боярин отлеживался на втором этаже не очень высокого дома, который напоминал ему терем. Кондратий первым спустился по скрипучей лестнице и распугал своим неожиданным появлением дворовых девок и мужиков. Слуги во дворе спокойно занимались делами, за месяц позабыв уже, как выглядит их хозяин. Кто-то перетаскивал мешки из амбара, кто-то ведра с водой из колодца. На конюшне молодой конюх давал овса лошадям. Жизнь шла своим чередом.

Но стоило боярину появиться на крыльце с резными колоннами, подпиравшими небольшую крышу над входом, как все дворовые заохали и тут же поклонились ему в пояс, как и было заведено.

– Ну, – неожиданно грозно прогремел на весь двор Кондратий, остановившись на крыльце и подперев руками бока, – чего застыли? Марш работать!

Услышав грозные звуки хозяйского голоса, холопы вновь принялись за дело с удвоенной силой и скоростью, чтобы показать свое рвение. А Кондратий, раньше командовавший лишь солдатами, вдруг ощутил себя настоящим боярином, поймав себя на мысли, что поневоле становится им, входя в роль. И даже испытал некоторое удовольствие, ранее ему неведомое. Все холопы попрятались по углам, избегая попадаться грозному хозяину на глаза.

Обведя взглядом свои владения, Кондратий узнал, что живет в довольно скромном бревенчатом тереме, с обеих сторон к которому были пристроены два крыла с толстыми стенами и узкими слюдяными окошками. Там обитали его главные приказчики, Захар и Макар с домочадцами. Крепкосбитая постройка, как показалось Кондратию, напоминала ему небольшую крепость. Дверь в ней была всего одна, да и та запиралась изнутри на массивный засов. На том же этаже, где жил сам хозяин небольшого поместья – холостой пока боярин, – хранилось оружие на всякий случай. Мечи, щиты, кистени, копыя и луки со стрелами. Человек десять можно было вооружить, как поведали ему приказчики. Рядом с жилищем боярина виднелись многочисленные пристройки – амбары для разных нужд, конюшня, несколько домиков поплотнее и даже пара землянок, бревенчатые каркасы крыш которых лежали прямо на земле и были покрыты дерном. На одной из таких землянок сейчас уютно расположилась стайка голубей, мелодично курлыкавшая на солнышке.

Разместиться в усадьбе могло человек тридцать, решил Кондрат, привыкший оценивать прежде всего боевые возможности любых построек. А это жилище было как раз жилищем воина, пусть и богатого, но не отлынивавшего от ратной службы. По всему было видно.

Хозяйство боярское было окружено высоким, выше роста человека, частоколом. В случае чего – здесь можно было держать осаду. Напротив выхода из терема в нем располагались крепкие ворота, к которым от самого крыльца вел деревянный помост. В случае дождя можно было беспрепятственно дойти до ворот и выйти на улицу, даже не ступая на раскисшую землю. Немало удивленный Кондрат предположил, что и за воротами деревянная мостовая может иметь продолжение.

– Как попадем в кузницу? – поинтересовался Евпатий у своих спутников, замеревших по бокам.

– Известно как, – удивился Захар и ответил за двоих: – Если ты, боярин, на коня сесть сподобишься, то на коне.

– Сподоблюсь, – кивнул боярин, стараясь перенимать местный говор, – веди коня. Только смирного, раны тяготят еще.

Приказчик шагнул с крыльца на нижнюю ступеньку и остановился, развернувшись в сторону конюшни.

– Эй, Кондрат! – крикнул Захар конюху. – Веди коней. Боярину Доброго подай.

Боярин, услышав знакомое имя, поневоле вздрогнул, но этого, к счастью, никто не заметил. Посмотрев в сторону конюшни, он вскоре увидел светловолосого парня лет семнадцати в холщовых штанах и рубахе, подпоясанного какой-то веревкой. Тот был босым и вел под уздцы гнедого жеребца, смиренного на вид.

Глянув на лошадь, Кондрат с первого взгляда решил, что этот конь действительно не отличался буйным нравом и вполне подходил для раненого. Еще с прошлой жизни он научился разбираться в лошадях. Боярин приблизился, осторожно провел ладошкой по холке, погладив коня. Конь стоял смирно, лишь отфыркиваясь от назойливых мух и кося глазом на своего будущего седока. Поколебавшись мгновение, Кондрат сунул ногу в стремя и схватился руками за седло. Конюх бросился помогать, поддерживая хозяина за сапог. Боярин не возражал, на то и нужны дворовые люди, чтоб служить. Затем плавным движением он подтянул вверх израненное тело и оказался на коне. Грудь отозвалась тупой болью, но Кондрат стерпел. Раны все же подзатынулись за это время.

– Ну, – сказал он своим приказчикам, устроившись в жестком седле, – поехали. Чего время терять.

Захар и Макар, которым за это время подвели по жеребцу, быстро оказались в седлах. Двигались они гораздо проворнее своего хозяина, которому даже по местному этикету полагалось делать все медленно и неторопливо. Обычно Кондрат двигался не в пример быстрее, но сейчас местным обычаям способствовала тесная и неудобная одежда, да не до конца зажившие раны. Дернув за уздечку, Захар первым тронулся к воротам, пустив коня шагом и показывая дорогу. Он уже привык, что после нападения медведя, едва не лишившего боярина жизни, его хозяин помнил далеко не всё.

Выехав за ворота, услужливо отворенные настежь за то время, пока они садились на лошадей, группа всадников свернула направо и стала спускаться с холма по узкой улочке, вымощенной стругаными досками. Здесь и в самом деле оказалась мостовая. Долгое время дорога шла вниз с холма, петляя меж таких же усадеб, как у Коловрата, окруженных частоколом, хоть и отстроенных на разные лады. Дома были все богатые, в несколько этажей, как мог разглядеть Кондратий, покачиваясь в седле. Отделанные резными и кое-где раскрашенными колоннами. По всему было видно, что здесь обитали местные богачи, такие же, как он сам. Хотя некоторые хоромы были не в пример богаче жилища служилого боярина, хотя и принадлежали, по рассказам приказчиков, людям, стоявшим гораздо ниже Коловрата по своему положению или богатству.

Проезжая по «родному» городу и поглядывая на встречных крестьян, ломавших перед ним шапки, Кондрат не спешил с расспросами, справедливо полагая, что большинство информации получит не раскрывая рта. Его словоохотливые приказчики сами болтали без умолку, рассказывая последние новости о том, кто из его соседей женился, кто умер, а кто уехал в дальние страны за товаром. Оказалось, что двое его ближайших соседей были купцами, торговавшими с азиатскими странами лесом и пенькой, а также гончарными изделиями. Купцы эти часто покидали свои дома, уезжая с караванами в дальние земли. Звали их Доброжир и Палка. Богатые были купцы, но тягаться с Коловратом все равно не могли. Один его золотой промысел по изготовлению украшений приносил в хозяйство денег больше, чем обоим купцам все их занятия. Но ведь не все так близки были с князем, как Евпатий, чтобы получить разрешение изготавливать украшения для княжеского двора. Третьим соседом из ближайших был тоже боярин Святослав, чей дом был почти вдвое больше, чем у Коловрата, и к тому же богато разукрашен резьбой и позолотой. Святослав, как следовало из рассказов приказчиков, тоже был близок ко двору. Ведал у князя Юрия, похоже, дипломатическими вопросами, – вел

переговоры и «устраивал дела» с инородцами, часто пропадая в неизвестных землях, как и купцы, но с другими целями. А кроме того, еще торговал оружием, имея кузню, как и Евпатий. Этот боярин мог посоперничать богатством и княжескими почестями с Евпатием, а то и превосходил его кое в чем.

– Промеж купцов сказывают, – балаболил без умолку Захар, – что Святослав уехал в Муром торговать. Да только на днях купец Иван Большой возвратился из поездки по южным странам с товарами, сказывал, что видел Святослава на реке Воронеже. Видать, боярин к половцам по делам тайным поехал, да туману напустил для отвода глаз.

«Вот она, тайная политика, – усмехнулся про себя Кондрат, рассматривая небольшой, но опрятный дом с десятком пристроек, стоявший дальше вниз по склону холма. – Одна случайная встреча, и весь город знает о планах руководства».

– А это что за дом? – воткнул боярин слово в бесконечный монолог приказчика, позабыв, что и так должен все здесь знать.

– Здесь вдовая боярыня Умила живет, муж ее давно уж помер, на охоте медведь задрал, – походя ответил Захар и как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ о купцах, боярах и дальних странах.

Кондрат поневоле вздрогнул, проведя рукой по груди, прикрытой многочисленными кафтанами, от которых на солнце уже стало довольно жарко. Сдвинул шапку со лба, подставив его налетевшему ветерку. Затем, усилием воли отогнав мысли о медведях, которых в здешней округе, похоже, водилось немерено, он вновь принялся осматривать соседские терема. Подняв взгляд повыше, Кондрат разглядел вдалеке укрепленный замок. Тот стоял на самом высоком месте Рязани, отделенный ото всех глубоким рвом. Судя по всему, это был княжеский кремль.

«А боярин-то, похоже, из скромных мужиков был, – с одобрением подумал Кондрат, закончив беглый осмотр близлежащих строений и вспоминая свое жилище, более походившее на крепость, чем на дворец, – хоть и богат, а денег на ветер не бросает. Молодец».

Спустившись с холма, они миновали церковь – проезжая которую, новоявленный Евпатий перекрестился вслед за приказчиками, – и углубились в квартал с более плотной застройкой. Дома здесь тоже были богатые с виду, но стояли уже плотнее друг к другу, образуя несколько довольно широких улиц. По одной из них, распугивая конями попадавшийся люд, боярин с приказчиками добрались до крепостной стены и выехали за нее сквозь ворота. Как узнал из бесконечного монолога Захара боярин – ворота назывались Спасскими. Через них шла главная дорога от княжеского кремля на холме, вдоль всего Среднего города – так назывался квартал, где обитал нынче сам боярин Евпатий, – напрямиком к Ряжским воротам, минуя мастерские и лавки Столичного города. Сразу за Спасскими воротами обнаружился еще один кирпичный храм – Спасский собор, – давший название массивным воротам. Перекрестившись еще раз с поклоном, Кондратий доехал шагом до перекрестка и направил своего смирного коня вслед за Захаром, который, не прекращая разговора, свернул на развилке налево, к Исадским воротам. Как уже знал Кондратий, неподалеку от этих ворот и находился его кузнечный промысел.

Здесь, за стеной Среднего города, зажиточный люд встречался редко. Это были кварталы ремесленных людей и бедноты, кормившийся разными промыслами, от кузнечных до гончарных. Проезжая еще Спасский собор, боярин заметил издалика целую ораву нищих, просивших милостыню у всех встречных с таким рвением, что в случае отказа им было не позавидовать. К счастью, боярин проехал стороной, но на будущее отметил себе, что ему по статусу, вероятно, полагалось разбрасывать милостыню горстями. И еще подумал, что наверняка это за него делали вездесущие приказчики. Кондрат мысленно поблагодарил провидение за то, что выбросило его в этот мир не одного и не на пустое место, а снабдило такими знающими помощниками.

Глядя по сторонам, Кондратий вдыхал дымно-смоляные запахи, перемежавшиеся смрадом и вонью, и не мог надивиться тому что происходит вокруг. Работный люд, разодетый в мешковатого вида рубахи, сновал по своим делам, то и дело преграждая путь конным. Или сидел по своим мастерским и сараям, откуда валили дым и пар. Изготавливая нечто молотом, вырезая ножом или связывая, вышивая, скрепляя. В общем, все были при деле.

Сегодня был его первый «выход в люди», и боярин с жадностью впитывал в себя все незнакомые виды и образы, навалившиеся на него и взволновавшие душу. Кондрат почувствовал себя вдруг каким-то разведчиком или, скорее, исследователем неизвестного мира, невесть как влезшим в чужую шкуру. Шкура ему досталась неожиданно богатая, но, надо сказать, предполагавшая ответственность поболее, чем у других. Еще из книжек он уразумел, что жизнь рядом с властителями любого рода – это всегда палка о двух концах. Могут осыпать милостями, а могут и голову с плеч. С этим на Руси никогда не церемонились. Почему он оказался в этом странном мире не холопом, а именно боярином, за какие такие заслуги – небеса молчали. Пока. Предоставляя Кондрату возможность самому разобраться. Узнать, в чем тут, как говаривала его бабуля, божий промысел. И пока что единственное, что надумал Кондрат, не считавший себя достойным вечной жизни или жизни за чей-то счет, – ему просто повезло. А будущее покажет. Мир вокруг сейчас был на удивление осязаем и реален, хотя и не мог быть таким по определению.

Окутанный внезапно нахлынувшими размышлениями о своем бытии, рязанский боярин вскоре доехал до края большого оврага, разрезавшего городскую землю огромной загогулиной, дальний конец которой упирался в крепостную стену. К этому оврагу выходили задние дворы как минимум двух дюжин строений, походивших на низкие вытянутые амбары. Буквально из каждого сейчас валил не то дым, не то пар. Из-за бревенчатых стен, почти черных от копоти, раздавались методичные удары молотов. Услышав эту музыку, Кондрат решил, что они, наконец, прибыли. И не ошибся.

– На месте мы, Евпатий Львович. Пора посмотреть, что с заказом княжеским делается, – сообщил Захар, придерживая коня, и, обернувшись к боярину, вполголоса добавил: – Да кузнецов припугнуть для острастки, а то они что-то тянуть стали с работой. Особливо Кузьма, с тех пор как у него шестое дитя народилось, да Храбр – который едва только из запоя вышел... Хотя по трезвости лучше их работников во всей Рязани не сыскать.

Став неожиданно серьезным, Захар напомнил:

– Нам, Евпатий Львович, княжеский заказ изготовить надо вовремя. Запоздать никак нельзя. Князь Юрий, он, сам знаешь, где добрый, а где...

– Разберемся, – мрачно пообещал Кондрат, никогда не любивший нарушителей дисциплины.

Захар остановил коня у крайней кузницы и, прыгнув на землю, помог спуститься на землю своему боярину, придерживая стремя. Кондрат уже начал привыкать к такому отношению. А куда деваться – стал боярином, принимай почести, пока дают. Отвечать потом будем. Он спустился на каменистую землю, бросил поводья приказчику и остановился в нерешительности. Делая вид, что рассматривает здоровенную бочку с водой, стоявшую у входа в кузню, Кондратий помедлил с минуту, раздумывая, как начать разговор со своими лучшими кузнецами, отбившимися от рук.

В это время широкая дверь, а точнее ворота, отворились, и в клубах дыма наружу вышел здоровенный детина, косая сажень в плечах, в кожаном фартуке на голое тело. Волосы его на голове были перехвачены широким металлическим обручем, а со щек и бороды стекали капли пота. В мозолистых вытянутых вперед руках он держал щипцы, между концами которых был зажат наконечник копья, раскаленный докрасна. Не обращая внимания на прибывших, кузнец шагнул к бочке и опустил в нее свое изделие. Издав злобное шипение, вода забулжила, охла-

ждая выкованный наконечник. А кузнец вытащил его назад, бегло осмотрел и уже собирался вернуться в кузницу, как его окликнул Захар.

– Ты чего, Кузьма, – подал приказчик голос, в котором сквозили нотки издевки, – али не узнал нас? Мы вот к тебе в гости приехали.

Кузнец замер на мгновение, изучая гостей, и нехотя поклонился, рассмотрев, кто приехал. На его лице было заметно плохо скрываемое раздражение рабочего человека, которого отрывают от дел всякие бездельники. Но обойти вниманием своего хозяина он никак не мог.

– Здрав будь, боярин. Рад видеть тебя живым, а то сказывали – медведь тебя заломал, – хмуро поприветствовал его Кузьма, на закопченном лице которого виднелись только глаза. – И вы, добрые люди, тоже заходите, коли пришли. Я оконечники копейные доделываю. Но если разговор нужен...

– Иди, – разрешил Евпатий, быстро поняв суть вопроса, – доделай сначала дело. А мы пока поглядим.

И смело шагнул вслед за кузнецом, пропавшим в клубах дыма и пара. Едва Кондратий оказался внутри, сделав не более десятка шагов, как у него появилось ощущение, что он попал в ад. Тот самый, с огнем, серой и чертями. Только вместо чертей здесь сновали чумазные кузнецы с подмастерьями, ковавшие оружие для рязанского князя. Пару раз вдохнув едкие испарения, от которых глаза сразу заслезились с непривычки, Кондратий остановился посреди кузницы, осматриваясь. Приказчики замерли за спиной, как безмолвные тени. Казалось, в таком дыму никто не заметил прибытия хозяина.

Спустя короткое время Кондратий присмотрелся и смог сквозь клубы дыма и пара различить кузнечные мехи поблизости от себя и еще несколько таких же чуть поодаль – постройка была длинная и, похоже, внутри почти не имела перегородок. Здесь, как на конвейере, ковали оружие сразу нескольких видов. Там, где он вошел – ковали наконечники для копий, чуть подальше – мечи. Кондрат своими глазами увидел, как неизвестный пока что ему бородатый кузнец у дальних мехов, внимательно рассмотрев охлажденный клинок, вновь положил его в огонь. Видимо, остался недоволен качеством своей работы. Что происходило в другом конце кузницы, отсюда было вообще не разглядеть.

Вокруг каждых мехов, поддававших жару в огонь, возилось несколько человек, не считая кузнеца. Каждый из них был занят своим делом. Один из подмастерьев держал огонь, раздувая мехи. Другой старался раскалить новую заготовку, засунуть ее массивными щипцами как можно дальше в алое пламя. Третий помогал кузнецу ковать. У ближайшей к Кондратию наковальни Кузьма с подмастерьем уже плющил здоровенным молотом раскаленную заготовку для следующего копья.

Повернув голову, боярин заметил вдоль стены, смыкавшейся с низкой крышей, длинную подставку. Там рядом были выставлены уже готовые и собранные копья. Кондратий насчитал не меньше двух десятков, пока его взгляд не потерял конец линии из тускло отсвечивавших наконечников. Судя по всему, их еще предстояло наточить и отполировать.

Не мешая Кузьме увлеченно стучать молотом, боярин прошел дальше и остановился за спиной второго широкоплечего кузнеца, только что взявшего раскаленную заготовку меча. Положив ее на наковальню, бородатый кузнец – в отвесах этого адского пламени как две капли походивший на своего собрата Кузьму – принялся доводить дело до конца. Вязкий металл быстро менял форму под мощными ударами. Но увидев, кто стоит рядом с ним, кузнец быстро опустил молот и распрямил плечи.

– Боярин... – только и проговорил он удивленно.

– А ты что думал, – Кондратий решил на этот раз обойтись без помощи приказчиков, – что я помер давно?

– Господь с тобой, – отмахнулся тяжеленным молотом, словно игрушкой, кузнец, – каждый день за тебя молимся. Только сказывали, плох ты, да хвораешь долго после встречи с медведем.

– Да уж, не веселая была встреча, – кивнул Кондрат, подбоченившись, – только выжил я. Вот, видишь, перед тобой стою. Живехонек.

– Ну и слава богу, – подытожил кузнец, не решаясь вернуться к своему остывавшему мечу, пока боярин с ним разговаривал.

– Сколько еще мечей из заказа княжеского осталось? – поинтересовался боярин, решив все же продолжить разговор. Меч можно было и заново раскалить.

– Да почитай с десятков всего, – ответил кузнец с нескрываемой гордостью, из чего Кондрат заключил, что заказ и в самом деле будет готов в рекордные сроки. А значит, и князь будет доволен.

– А ты не путаешь, Храбр? – вдруг раздался голос Макара из-за спины боярина. – Мне сказывали, еще не меньше двух дюжин делать надобно. Али забыл?

Кузнец умолк и засопел, словно его уличили в обмане.

– Десяток, не более, – пробасил он, наконец, – если всей гурьбой навалимся, то за пару дней одолеем.

– Да ты не ерпенься, Храбр, – продолжал гнуть свою линию Макар, – если бы ты с медовухой в обнимку не спал всю неделю, давно бы все сделали... а теперь, не ровён час, Даромysl завтра заявится, и что боярин ему ответить должен?

– Не вели казнить, боярин, – пробасил Храбр, глянув в глаза Евпатию, – есть грех. Бес попутал. С женой поругался да и запил... Всё забыл. Только на днях в себя вернулся. Вторую ночь уже без роздыха работаю, а надо – и сегодня спать не буду, но выполню в срок. Не посрамлю кузню нашу перед князем.

Боярин покачал головой, выслушав неожиданную исповедь кузнеца. Но, к удивлению приказчиков, сразу казнить не стал. Кондратий вспомнил в это мгновение, как в прошлой жизни пили даже знакомые офицеры в час размолвки с любимыми женами. А некоторые даже стрелялись из-за этого. Так что тут важно было не перегнуть. Кузнец, похоже, сам себя уже наказал.

– А мечи-то не подведут? – вдруг спросил боярин, разглядев вторую подставку, где рядом были выставлены готовые клинки. И, похоже, попал в точку.

Кузнец словно обиделся. Он бросил остывшую заготовку в огонь, жестом приказав подмастерьям вновь ее разогреть, а сам направился к арсеналу. Взяв жилистой рукой первый попавшийся клинок уже с готовой рукоятью, взмахнул им в воздухе. А затем резким движением рубанул по стоявшей рядом деревянной чурке, служившей подобием стула. Чурка распалась ровно на две части, словно нож вошел в масло. Ни одной щепки не отломилось.

Приказчики удовлетворенно переглянулись между собой. Затем, чтобы усилить впечатление, Храбр извлек откуда-то толстый металлический гвоздь и кинул его на другую деревянную подставку. А затем рубанул и по ней мечом. Меч легко разрубил и металл и чурку на две ровные части.

– И это их еще не точили как следует, – назидательно произнес кузнец и поднес клинок почти к самому лицу боярина, показав лезвие без единой щербинки.

Кондрат бросил взгляд на довольных результатом приказчиков и удовлетворенно кивнул.

– Когда, говоришь, готово будет?

– Завтра к вечеру, – пробасил кузнец, мгновение поколебавшись.

– Добро, – кивнул боярин.

И вдруг, протянув руку, взял меч у кузнеца, ощутив приятную тяжесть. Станные воспоминания пробудил в нем этот меч. Никогда еще в этой жизни такого оружия в руках он не держал. Зато на мгновение показалось Кондрату, что скачет он на коне рядом с отцом и в руке

у него шашка. И машет он ей направо и налево с заливчатской удалью казака. Кондрат сам не заметил, как действительно лихо завертел мечом «бабочку». Подмастерья, что стояли рядом, врассыпную бросились, – из-за дыма и копоти мог их не увидеть боярин и зарубить невзначай. А Кузьма лишь отодвинулся немного. Но меч не шашка, и рука скоро устала махать, – слабость после болезни еще жила в израненном теле. Остановив лихое вращение, Кондрат отдал клинок обратно кузнецу, который с нескрываемым удивлением поглядывал на боярина.

– Хороший клинок, – похвалил Кондрат и добавил: – Что так смотришь на меня, Храбр?

– Ты прости меня, боярин, никогда я такого не видел, – поделился наблюдениями кузнец, тряхнув бородой, – обычно мечом ратники не так машут. Устанешь быстро. Но ты-то воин знатный и сам знаешь, что делать.

Кондрат промолчал, подумав про себя: «Конечно, устанешь, с непривычки. Хорошо еще, что клинок не выронил. А то опозорился бы перед своими людьми». Но вслух произнес другое, чтобы авторитет не потерять:

– Был у меня один учитель, не местный.

– Не Васька Волк, случаем? – любопытствовал Кузьма, вытирая пот со лба и водружая меч на положенное ему место.

– Нет. А кто таков?

– Есть один удалец, из наших, кузнецов, бывший разбойник, – поделился воспоминаниями Кузьма, подбоченясь. – Он с караванами когда-то в охране на восток ходил, там, видать, и перенял умения. Да только нелюдим он стал совсем. Сейчас на болоте живет с тремя подмастерьями, кузня у него там. А в город только по большим праздникам и показывается, товар продать. А так помощников своих посылает. В прошлом году его только и видел.

– Хороший боец? – уточнил Кондратий, которому в голову пришла неожиданная идея.

– Знатный, – кивнул большой головой Храбр, – один десятерых стоит. Говаривали, что многие бояре его к себе на службу звали. Только не идет.

– А что так?

– Про то мне неизвестно, – пожал плечами Храбр, бросив косой взгляд на мехи, где уже раскалилась заготовка для нового клинка, – а только не идет.

На этом боярин решил закончить разговор с кузнецом, у которого уже руки чесались взяться за работу. Как-никак, а заказ княжеский нужно было в срок сдать. От этого всем польза будет. А потому Кондрат прошел дальше и еще с полчаса рассматривал мечи да копья, пообщавшись с другими кузнецами, благо хозяйство у него было обширное. В дальней части кузни обнаружилось несколько длинных столов, на которых подмастерья собирали в одно целое доспехи из разных частей. Было здесь несколько кольчуг по колено и еще с дюжину кожаных рубах, с прилаженными на груди пластинами из кованого металла. Эти рубахи Захар в разговоре странным словом обозвал²⁹, как показалось Кондратию. Но мог он и ошибаться. Получалось, что еще и доспехи мастерские Евпатия Коловрата делали.

Примерив на себя одну из кольчуг, Кондратий решил, что кузнечных работ с него хватит пока. Надо и другим делам время уделить. А покинув, наконец, задымленную кузню и выйдя на свежий воздух, боярин пальцем поманил к себе Захара.

– Знаешь этого Ваську Волка, про которого кузнец рассказывал?

– Был такой когда-то, – кивнул приказчик, – действительно, с караванами ходил и бился здорово. Купцы ему золотом за службу платили. Да только я его давно не видал.

– Разузнай-ка мне про него живо всё, где живет, чем занят, – приказал Кондрат, прищурившись на солнце, – хочу навестить того кузнеца вскорости. Только по-тихому. Чтоб никто не знал, что я им интересуюсь.

---

²⁹ Обычно древнерусские воины носили короткую кольчугу. Однако кольчуги были дорогими. Поэтому простые воины чаще носили кожаную рубаху без рукавов с нашитыми на груди металлическими пластинами. Такая рубаха называлась «куяк».

Захар удивленно кивнул, но промолчал. Приказ есть приказ, а дело это боярин, по всему видно, хотел оставить в тайне.

Глава двенадцатая

Золотые дела

Покинув кузницу, боярин с приказчиками вновь сел на коней и отправился в соседний квартал, где располагались гончарные лавки. А напоследок собирался посетить мастеров золотых дел. Раз уж оказался здесь поневоле, Кондратий решил узнать все свое хозяйство, разобратся, что к чему. Толковые приказчики это, конечно, хорошо, но нужно и самому в делах соображать. Мало ли что. Воровство на Руси всегда процветало. Везде нужен глаз да глаз. А хозяйство было не мелкое, дай бог за день только обойти, особенно не вникая. Осмотрев княжеский заказ на оружие и убедившись, что будет в срок, Захар с Макаром стали уговаривать своего боярина вернуться домой, отдохнуть. Мол, знахарка Феврония не одобрит такой прыти, только встал и уже на коне, хоть и смирном, полдня скакать.

Но Кондрат их не слушал. Гнул свою линию. Упрям был по натуре, и пока до конца не дойдет, не остановится. В этом они с Евпатием, похоже, совпадали. А после того, как подержал в руке меч, и вовсе что-то с боярином произошло. Словно протянулась невидимая нить между мирами. Вдруг в одночасье ощутил себя Кондратий и здесь воином. А все остальное было как бы так, для отвода глаз. Хозяйство и богатство. Ну, было и было. Захотелось ему вдруг побыстрее вновь очутиться на войне с оружием в руках и бить врагов. Каких угодно. Он не знал уже точно, кто он и откуда, но знал наверняка одно – что родился воином. Остальное не для него.

«Видно, судьба моя такая, – решил Кондрат, нехотя разглядывая горшки, которыми так гордился Макар, – служить. Что в той жизни, что в этой. Как все мои предки».

Осмотрев мастерские, где из мокрой глины, летевшей во все стороны, чумазные мастера изготавливали горшки, стройными рядками выстроенные у печи для обжига, Кондрат вслед за Макаром прошел в соседнее помещение с большим подполом. Это было нечто похожее на склад. Макар заговорщицки подмигнул боярину и кивнул находившемуся здесь же ключнику. Отомкнув замки, тот откинул крышку, открыв взору гостей несколько массивных сосудов из красной глины, лежавших на боку. Сосуды были едва ли не в рост человека, имели узкое основание и огромные ручки. Все сосуды были закупорены огромными пробками, сквозь которые все же пробивался тонкий винный аромат. В носу у боярина защекотало.

– Сладкие вина из азиатских земель, – сообщил радостно Макар, – половину к столу княжескому обещано поставить.

Закрыв подпол, помощник провел их дальше и представил боярину еще один склад, где находились готовые сосуды для хранения вина и масла. Горшки и амфоры были здесь выставлены, а многие даже выложены вдоль стены на специальных подставках и снабжены подпорками, чтобы не укатились, поскольку вес имели немалый.

– Все собственного изготовления, – с гордостью заявил Макар, – для вина и масла. Жаль только ойнохойи греческой нету, до ярмарки в Чернигове не успеем такую же сделать.

– А ярмарка когда? – поинтересовался боярин, осматривая коричневые горшки, стройными рядами расположившиеся вдоль стен на полках.

– Скоро. Дней десять осталось или чуть поболее, – стал загибать пальцы Макар, – ехать туда почитай две седмицы в один конец. Если с товаром и не торопясь, по лесам-полям-дорогам. Так что аккурат дён через пять-семь можно и выезжать. А то и ранее, если дела какие образуются.

– В Болдыж надобно по дороге заехать, – напомнил стоявший рядом Захар, – тамошний наместник князя Черниговского своей женушке ожерелье заказывал. Большие деньги в задаток отдал, не поспешил. Деян ожерелье-то уж давно справил. Готовое лежит.

– Нам Болдыж по дороге выходит, – кивнул Макар, – все одно оружие да золотые изделия на ярмарку повезем, Рязань славится у купцов тамошних. Заодно и отвезем ожерелье твоему боярину. На денек там всего и задержимся. Крюк небольшой.

– Евпатий Львович, – вдруг обратился к нему Захар, – а ты с нами в Чернигов поедешь, али как?

Кондратий задумался. Стоило боярину ехать на ярмарку в далекий Чернигов или нет, отправив туда своих приказчиков, он до конца не понимал. Но, судя по всему, выбор был за ним.

– А ну, пойдем, глянем на это ожерелье, – вдруг сказал Кондратий, решив повременить с ответом, – нагляделся я на горшки ваши. Удивите-ка меня работой потоньше.

– Идем, боярин, – согласились в один голос приказчики, – мы как раз туда и собрались опосля этих мастерских. Если не устал еще.

– Не устал, – соврал Кондратий, которому уже изрядно надоело бродить по складам, отчего раны на груди у него опять разболелись. Да и есть он уже захотел. Но фасон надо было держать.

До золотых мастерских ехать пришлось едва ли не на другой конец города к самым Оковским воротам. Место известное было. В том квартале, как повелось, вся знать старалась свои лавки да промыслы обустроить. Из ворот, в башне расположенных, дорога выводила на самый берег Оки, крутой и обрывистый в этом месте. Но боярину с приказчиками не пришлось покидать пределов Столичного города. Проехав положенное расстояние, они спешили у приземистого каменного строения, стоявшего чуть в стороне от улицы, верхний этаж которого был укрыт новой деревянной крышей. Позади возвышался Спасский собор, а за ним стены Среднего города. С двух сторон к зданию примыкали свои же лавки, у которых толпился народ, разглядывая побрякушки. Дальше начинались лавки и мастерские других купцов-приятелей, которых в Рязани сейчас было пруд пруди. Город быстро рос и богател, населения прибавлялось. А с ним и купцов с товарами разнообразными становилось все больше. На узких окнах строения, у которого остановился боярин Евпатий, имелись массивные решетки, а у единственной двери дежурили двое добрых молодцев вполне разбойничьего вида.

«Похоже, мой золотой промысел под надежной охраной», – усмехнулся Кондратий, приближаясь к мастерским.

Пройдя мимо охранников, которые расступились, едва завидев хозяина, они поднялись по лестнице на второй этаж. По дороге боярин заметил еще одну узкую лесенку, что вела вниз. По всей видимости, в закрома. Путь туда был прегражден массивной дубовой дверью, почти полностью обитой коваными металлическими пластинами. А также охранником, маячившим в самом низу у двери. «Зайти, что ли? – засомневался Кондратий. – На камни драгоценные посмотреть с золотишком?» Но пока что их путь лежал наверх. Там, миновав решетку и еще двоих охранников, прибывшие оказались в чистой просторной горнице. Здесь по стенам были расставлены массивные комоды, почти в рост человека высотой, обитые железными полосами и запертые на замки такой толщины, что трудно было представить щипцы, способные перекусить эти дужки. Посреди горницы стояло шесть или семь длинных столов, на каждом из которых были разложены инструменты. Рядом с ними мелкими кучками посверкивали драгоценные камни. На каждом столе разные: белые и прозрачные, зеленые, синие, темно-красные. И за каждым столом сидел мастер – в обычной холщовой рубаше, вышитой по краю. С первого взгляда все они казались такими похожими друг на друга, что у Кондратия зарябило в глазах. И лишь чуть позже он стал замечать различия – в одежде, инструментах, и самих изделиях, что лежали перед каждым на столе. Окинув взглядом это производство, Кондратий сразу обратил внимание на бородатого мужика благообразного вида, полировавшего какую-то золотую заготовку, которая сверкала огнем у него в руках. Изделие было похоже на обруч, куда оставалось вставить украшения в виде камней. Мастер же сам был в летах и задумчивым выражением

лица походил скорее на монаха, который перепутал монастырь с мастерской. Это и был знаменитый Деян.

– Здравствуй, Деян, – поприветствовал его Захар, приближаясь.

– Здрав будь, Захарушка, – бодро откликнулся старичок, отложив золотую заготовку, – и ты, боярин, не хворай.

Остальные мастера только тогда и подняли свои головы, услышав громкие голоса в этом тихом месте, да и то лишь на миг оторвавшись от работы. К удивлению Кондрата, никто не вскочил и не стал ломать шапки. Посмотрев на прибывшего хозяина с приказчиками, мастера поклонились не вставая и вновь ушли с головой в свою работу, увлеченные делом. Кто заканчивал ожерелье, кто серьги для боярыни, а кто перстень красоты невиданной. Похоже, здешние мастера имели большие привилегии. Да оно и понятно было. В этом месте создавались драгоценности, приносившие боярину Евпатию огромный доход. А боярин ценил кур, несущих золотые яйца, хоть и держал их под семью замками.

– Покажи-ка нам, Деян, ожерелье, – не приказал, а скорее попросил Захар, останавливаясь у рабочего стола золотых дел мастера, – что наместник князя Черниговского заказывал. Помнится мне, что ты его давно уже справил.

– Знамо дело, – кивнул Деян, погладив бородку. – Готовое лежит. Достать, что ли?

– Доставай! – подтвердил боярин Евпатий. – Хочу на него глянуть.

Пожилой мастер проворно соскочил с табуретки и вскоре уже стоял у одного из сундуков с готовой продукцией. Но открыл его не сам, а сделал это здоровенный детина, объявившись вскоре рядом со связкой ключей.

«Охрана здесь поставлена не хуже, чем в банке, – отметил Кондрат, глядя, как открывается массивная крышка комода, – и захочешь не сопрешь».

Под крышкой оказалась еще одна с замком, а под ней еще одна. Наконец, Деян извлек на свет деревянный ларец, украшенный искусной резьбой и заигравший переливами камней при солнечном свете, попадавшем сюда в избытке, несмотря на узкие зарешеченные окна. Мастер осторожно перенес ларец на свой стол и установил на свободный угол. Затем с осторожностью открыл крышку ларца, доставая оттуда подставку с ожерельем.

Увидев ожерелье, Кондрат, не слишком привыкший к драгоценностям в прошлой жизни, был даже немного разочарован – не увидел он алмазного блеска прозрачных камней, который ожидал увидеть. Перед ним предстала массивная полукруглая пластина с кованым узором и замками по краям, отливавшая тусклым золотым блеском. Она была украшена пятью большими, с грецкий орех, разноцветными камнями – двумя зелеными, двумя коричневыми и одним перламутровым. К верхней пластине были приделаны еще три навесных, в виде цветов с лепестками. Тоже золотые и тоже усеянные разноцветными камнями. По одному большому в центре и множеством мелких, рассыпанных по лепесткам. Вся эта красота, весившая и стоявшая немало, предназначалась для того, чтобы украсить шею знатной и богатой женщины.

Кондрат в нерешительности перевел взгляд на приказчиков, но те оба смотрели на ожерелье как зачарованные. Видимо, это действительно было настоящее сокровище.

– Молодец, Деян, – подвел итог Кондратий, который не собирался задерживаться здесь долго, – порадовал меня своей искусной работой. И заказчик будет доволен.

Мастер рассеянно кивнул в ответ, тоже не в силах отвести взгляда от сотворенной им же красоты. По всему было видно, что этот человек занимался любимым делом и думал не о деньгах.

– Ладно, съезжу я с вам в Чернигов, – решил вдруг Кондрат, – хочу сам посмотреть, что наместник княжеский скажет о работе нашего лучшего мастера.

– И то дело, – кивнул Захар, – поезжай, боярин. Проветришься после болезни, не все же тебе в тереме дни напролет просиживать. Людей повидаешь, себя покажешь.

Кондрат думал о том же самом. Где, как не в путешествии, можно жизнь узнать и места окрестные посмотреть. А потому решился ехать, чтобы побыстрее войти в жизненную колею рязанского боярина Евпатия Коловрата. Приказчик дело говорил: сидя в горнице много не увидеть. А ему еще предстояло вскорости принимать командование сотней конных воинов, да на службу к великому князю возвращаться. От службы Кондрат отлынивать не хотел, но и в грязь лицом сразу падать тоже. И он вспомнил про кузнеца на болотах.

– Продолжай свою работу, – отпустил мастера боярин, – а мы пойдем, пожалуй.

И заторопился к выходу. Но приказчики его просто так не отпустили. Золотым промыслом они гордились не меньше, чем кузнечным и гончарным. А боярин давно здесь не был, а потому не видел многого. И боярин Евпатий вынужден был осмотреть работу других мастеров, также ваявших из драгоценных камней ожерелья разного вида и красоты, серьги, кольца, подвески и еще много чего. В основном для боярских жен и отпрысков. А кое-что и для княжеского дома.

Спустился и в закрома Евпатий, окинул взором залежи изумрудов и топазов, да золотые слитки, которым было предназначено вскорости стать перстнями, кольцами да серьгами, чтобы убажывать женский глаз. А то и мужской. Под конец от увиденного боярин ощутил себя каким-то Кощеем, поскольку в прошлой жизни ни одного подобного камня, а тем более золотого слитка, в руках не держал. Непривычно было ему не то что обладать, а даже смотреть на такое богатство. Все было как-то не реально, хотя и ощущал он своими пальцами холод изумрудов и небольшую шероховатость на слитках золота.

«Это ж сколько можно оружия и доспехов на эти деньги купить, – думал Евпатий, выбираясь по узкой лестнице наверх вслед за приказчиками, удивившись ходу своих мыслей, принявших военный оборот, – можно целую дружину, а то и армию, собрать для великих дел. Были бы только дела».

Но что-то ему подсказывало, что такие дела в древней Руси могут образоваться быстро и сами собой. Почти так и получилось.

Уже оказавшись на крыльце своих мастерских, Евпатий увидел, что по запруженной народом улице мимо лавок проезжал отряд богато разодетых воинов. Человек пятнадцать с оружием. Впереди всех ехал широкоплечий бородатый богатырь в парчовом плаще, скрепленном на правом плече золотой застежкой с драгоценными камнями. Рядом с ним другой муж в темных одеждах, но тоже отороченных золотой нитью и кистями. В этом отряде были явно люди не бедные. Мягко сказать. Только от сияния их одежд на улице стало словно светлее, а если к нему еще добавить блеск оружия, украшенного золотом, то вообще хоть глаза закрывай.

– Гляди, – выпалил Захар, замирая, – сам великий князь едет.

– Ага, – поддакнул ему Макар, – а вон, рядом с ним, и приказчик Даромысл. Вроде не к нам, и то ладно.

Услышав это, Кондратий впился глазами в лицо рослого богатыря. Тот был в плаще и шапке, разукрашенной камнями, сверкавшими на солнце. «Так вот какой он, великий князь Юрий Игоревич», – пронеслось в голове у боярина.

Но все случилось гораздо быстрее, чем он рассчитывал. Ехавший по своим делам великий князь вдруг повернул голову и заметил группу людей, стоявших на высоком крыльце мастерских. И тотчас узнал Евпатия. Не мешкая, он резко завернул коня и, спустя мгновение был уже у крыльца.

– Ну, здравствуй, спаситель, – князь бросил поводья слугам и кинулся обнимать Евпатия. – А я гляжу, ты это али не ты? Лечец-то мой сказывал, ты еще в бреду валяешься. Чуть не отпевать тебя собрались. А ты вон живехонек.

– Так оно и было, великий княже, – не стал отнекиваться Кондратий, подражая местному говору, – только вот полегчало мне. Вышел на воздух подышать да дела проверить, что за мое отсутствие произошли. Дела ведь не ждут.

– Оно и верно. Да если б не ты, – князь опять прижал к груди Евпатия, который застонал от внезапной боли, – то меня бы порвал тот косолапый. И лежать бы мне в лесу темном, а не здесь разговоры разговаривать. Так что я твой должник теперь, боярин.

Увидев гримасу на лице Евпатия, князь отпустил его, наконец, и шагнул назад, скрестив руки на груди.

– Ты, я гляжу, не совсем еще оправился, друг Евпатий?

– Есть маленько, – согласился Кондрат, – но раны уже затянулись, великий княже, пора и в седло.

– Да ты обожди, не гони, – остановил его Юрий, – бойкий какой, чуть отлегло и сразу в седло собрался. Я ж тебя знаю. Чуть что, сразу в драку. Медведь тебя хорошо приголубил, как жив остался, ума не приложу. Так что отдохни еще чуток, седмицу-другую, а то и подолее, если надобно. А потом уж ко мне явишься. За сотней твоей Еремей пока приглядывает... вполглаза. Там дела наши и обсудим.

– Я тут на ярмарку собрался, – проговорил Кондрат, взглянув на своих приказчиков, – в Чернигов. Дозволь съездить, княже? Цельный месяц уйдет на то, думаю.

– И то дело, – кивнул Юрий, поправив застезжку на плече, – заодно другу моему, Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, поклон передашь.

Посмотрев на мастерские, у которых остановился, Юрий добавил:

– И еще кой-чего, чтобы с пустыми руками не ездить. Эй, Даромysl! А ну как дай кошель с деньгами. Да не скупись, подарок надобно купить не последний, княжеский.

Хмурого вида приказчик, что стоял уже давно рядом, спешившись, отвязал от пояса кошель с монетами и подал князю с поклоном. А тот вручил его раненому боярину.

– Мастера, я знаю, у тебя знатные. Выбери в своих закромах ожерелье али что еще, да побогаче. Так чтобы жена князя Черниговского не смогла глаз отвести. И в подарок от меня преподнеси.

Юрий умолк на мгновение, задумавшись о чем-то. Затем посмотрел на Спасский собор, возвышавшийся позади Евпатия, и добавил:

– Хотел я туда боярина Святослава отправить, да у него сейчас другая задача будет, коли оказия такая приключилась. Так что, Евпатий Львович, отправляйся в Чернигов, как готов будешь. Поторгуешь, повеселишься, подарки передашь. А потом, как вернешься, и о делах поговорим. Время терпит. Да возьми людей своих ратных с полсотни в охрану. Знамо золотишко повезешь, путь-то не близкий. Лихих людей по лесам много шатается.

– Все сделаю, великий княже, – ответил Кондрат с поклоном, удивленный такому заданию.

– Ну, бывай, боярин, – князь Юрий вновь быстро обнял Евпатия, уже не так крепко, и вскочил в седло.

– Наш заказ когда справите? – спросил вдруг княжеский приказчик, молчавший до сих пор.

– Завтра к вечеру готово будет, – сообщил Кондрат.

– Ну, тогда вот вам сразу остаток, – отвязал он еще один кошель, – князь верит тебе.

Даромysl вслед за князем взобрался в седло, и отряд направился шагом в сторону Окских ворот, куда и прежде ехал.

А Евпатий постоял немного в задумчивости, глядя вслед князю и взвешивая на ладонях два кошелька с золотом. Затем отдал оба своим приказчикам.

– Слыхали, что князь сказал? Подберите там какое-нибудь ожерелье побогаче, – наказал боярин, раздумывая о внезапно свалившейся на него задаче. И спросил с сомнением: – Есть что из готовых? Дело-то не быстрое.

– Найдем, – кивнул, ничуть не смутившись, Захар, – там у Деяна в закромах такое ожерелье лежит, глаз не отвести. Муромский князь заказывал. Готово уже. Да только ему не к спеху.

Не требует пока. Мы это в Чернигов отвезем, а ему другое сделать успеем. Деян на такие дела мастер. Особливо, если денег не жалеть.

– Не жалей, – приказал боярин, поглядывая вслед княжескому отряду, – пусть поторопится. Да разыщи мне того кузнеца, срочно. Завтра же хочу к нему в гости съездить.

Глава тринадцатая

Боец на болоте

На поиски кузнеца ушел весь следующий день. А потому выехали через день рано утром, взяв с собой по совету бывалого Захара пять человек для охраны. Кондрат хотел вовсе без сопровождавших ехать, но Захар настоял на своем, убедив боярина. И тот нехотя согласился.

– Больно уж человек темный этот Васька Волк, – сообщил он свое мнение насчет кузнеца, – мало ли что натворить может.

– Да что мне этот кузнец сделает? – ухмыльнулся Кондрат, одеваясь для езды верхом. – Он кузнец, я боярин. Поговорить хочу.

– На болоте живет, один почти, – продолжал гнуть свою линию осторожный приказчик, – людей чурается. Мало ли какие дела он там справляет. Ты, Евпатий Львович, конечно, боец тоже не из последних. Но раны еще не совсем прошли. Да и Васька тот – из разбойников. Лихой человек. А ты при деньгах собрался ехать.

– Ладно, черт с тобой, бери охрану, – согласился Кондрат, закончив эпопею с кафтаном. – И прикажи еще, чтобы с собой доспех легкий взяли.

– А это еще зачем? – удивился Захар, прищурившись. – Охранники на то есть, чтобы жизнь твою оберегать. Ты ведь нынче самому князю нужен. Глядишь, еще повышение выйдет.

– Не твоего ума дело, – отрезал боярин, – и еще меч да копье возьмите.

– Ой, не дело ты затеял, Евпатий Львович, – пробормотал Захар, но подчинился. Больно уж решительно настроен был сегодня боярин. Еще слово и в морду схлопотать можно. Такое бывало уже не раз.

Ехать было не так чтобы близко. Но за полдня доехать можно. Кондрат не стал вдаваться в детали, решив, по дороге Захар ему все и расскажет. Настрой у него с утра был что надо. Боевой. Вчера к вечеру, после первой вылазки, он и правда сильно устал. Спал без задних ног, сил набираясь. Но зато с утра чувствовал себя гораздо лучше. Особенно после того, как посетившая его к ночи Феврония смазала затянувшиеся раны мазью и наказала больше их не прикрывать. Так ходить. За ночь хворь почти вышла. А Кондрату только того и надо было. Жить, значит, местные знахари дозволили, можно и делом теперь заняться.

А задумал Кондрат поскорее к делу воинскому вернуться. После недавнего посещения кузни, как меч в руках подержал, Кондрат только о том и думал. Путь для него вырисовывался один-единственный. Но путь этот требовал уже не только знаний в торговом ремесле, а и некоторых умений по военной части.

Нет, он, конечно, помнил почти всю свою прежнюю жизнь, военные навыки и умения после Афгана при нем остались. Да только большая часть из них относилась к технике, навыкам боя в горах и огнестрельному оружию, которого здесь в помине не было. Можно, конечно, попытаться изготовить, но вряд ли что-то путное из этого выйдет. Кондрат Зарубин был бойцом и армейским командиром, а не военным инженером. Да и возможностей таких не было. Даже пороха здесь еще не имелось, разве что у китайцев, не то что всего остального. Поэтому мысль о производстве огнестрельного оружия, как и применении военных техник двадцатого века, Кондрат-Евпатий пока отбросил. И решил он для начала поднатореть в тех вещах, что могли здесь пригодиться в первую очередь – битве на мечах, копьях и стрельбе из лука. Сидеть на коне он не разучился, и то слава богу. А уж потом придет пора вспоминать, что он командир целой сотни. Впрочем, и командовать сотней Кондрату было не привыкать. Командиром он был с самого детства, армия только оформила его желания. Но спецназ ГРУ в горах Афгана это все же не конный отряд ратников в тяжелых доспехах и с копьями, который привык биться с врагом строем в чистом поле. Разница есть. Но выхода у него не было. Боярин должен был этот опыт получить, не мытьем, так катаньем.

– Ладно, – пробормотал он себе под нос, закончив возиться с кафтаном, – сначала разберемся с холодным оружием. А уж потом с конными соединениями. Справлюсь как-нибудь. Не зря же меня в честь атамана назвали. Только по-тихому, а то срама не оберешься.

– О чем ты, Евпатий Львович, не разобрал? – переспросил возившийся с сундуком в дальнем углу комнаты Макар. Приказчик с утра отобрал ключи у Марфы и опять сам прислуживал боярину, ходил за ним, словно нянька. И таких нянек у него было как минимум две.

– Запрягай, говорю, – отмахнулся Кондрат, выглядывая сквозь прорезь окна на улицу, где занимался погожий день, – поехали на болота к этому кузнецу. А то время потеряем.

Выехав из ворот усадьбы рано утром, небольшой отряд, возглавляемый Евпатием и Захаром – второго приказчика оставили на хозяйстве, – нигде не останавливаясь, быстро преодолел несколько кварталов. В этот раз компанию боярину с приказчиком составили пятеро бойцов из личной охраны Коловрата. Это были крепкие молодые ребята, кровь с молоком. Каждый из них при случае мог ударом кулака свалить рослого быка. На сей раз боярин приказал им ехать без доспехов, но с оружием. У каждого к поясу, сделанному из цепочки, были привешены мечи. Как-никак охрана боярская. Лишь последний боец, скакавший чуть поодаль ото всех остальных, вез по его личному приказу кожаный доспех, меч и копье. Для чего боярину все это понадобилось, Кондратий объяснять не стал.

Вскоре отряд оказался у Борисоглебских ворот, рядом с которыми возвышался красивый собор с таким же названием. Миновав ворота, отряд оставил за собой укрепления Рязани, построенные на месте впадения в Оку небольшой речки Серебрянки, что протекала неподалеку. Эта речка, как уже был наслышан Кондрат, служила источником питьевой воды на случай осады и перекрывалась водяными воротами, так чтобы ни одна лодка вражеская проплыть не могла вдоль крепостных стен.

Перебравшись через ров по мосту, отряд боярина Коловрата спустился к берегу Оки и направился дальше, по той дороге, что указывал Захар. Еще вчера приказчик через верных людей разыскал нужного боярину кузнеца и предупредил, чтоб ждал гостей на следующий день.

Вдоль реки потянулись деревни, жавшиеся к большому городу. Рязань служила для всех окрестных жителей не только местом продажи своих нехитрых товаров, но и защитой на случай нападения беспокойных соседей-кочевников. То, что Рязанское княжество было пограничным государством, за которым леса и дубравы, постепенно переходили в лесостепи, а затем и обширные, до самого горизонта, степи, Кондрат знал еще из прошлой жизни. Кое-что читал в детстве, увлекался историей, но не сильно. Все больше история казаков его интересовала по понятным причинам. И потому какие в ближних степях обитали кочевники, он с точностью сказать не смог бы сейчас, спроси его об этом Захар, – не то половцы, не то татары. А может, болгары. Этот политический вопрос был важным и требовал своего ответа. Но Кондрат, как военный человек, привык решать встававшие перед ним вопросы строго по порядку, если это было возможно. А сейчас это было возможно.

Дорога долго петляла вдоль высокого берега Оки. Бросив взгляд вниз, покачивавшийся в седле Кондрат узрел на левом берегу обширные заливные луга, достигавшие не меньше десятка километров в ширину. Там сейчас паслись бесчисленные стада. Хорошо заметные черно-белые спины коров резко выделялись среди сочной зелени. Там же виднелись липовые дубравы и многочисленные малые озера, блестевшие на солнце золотыми блюдцами. Природа вокруг Рязани, похоже, была просто идеальной не только для торговли с дальними странами, но для скотоводства и земледелия, которое здесь процветало. Судя по довольным крестьянским лицам, то и дело попадавшим навстречу боярину в этот ранний час, ни сам город, ни окружавшие его поселения не бедствовали. Даже наоборот. Рязань процветала и давала жить не только ремесленникам, но и крестьянам. Впитывая вместе с природными запахами и картинами информа-

цию, новоиспеченный боярин рассудил, что раз сюда ходили купеческие караваны аж из самой Византии и других земель, город был не из последних в древней Руси.

– ...разыскал его я насилу только к вечеру. Хорошо купец Иван Большой мне повстречался, рассказал, где искать, – заканчивал разговор о своих вчерашних поисках Захар, одной рукой держась за поводья, а другой поглаживая свою бороду. – Васька Волк этот ему только на днях ножи ковал да обручи для бочек. Так Иван Большой за товаром этим приказчика своего отправлял аж на самые болота, что у речки Прони начинаются. Там этот нелюдим ерепенистый и схоронился. Добрые люди в таких местах не живут.

– Далеко еще? – уточнил Кондрат, переводя взгляд с заливных лугов на хвойный лес, в который упиралась дорога на этом берегу.

– Не очень, осталось версты три, – пояснил Захар, махнув рукой вперед, – через лес, до реки, а там чуть в сторонку еще полверсты и будет озерцо, болотиной окруженное. Там и схоронился этот кузнец, со своими подмастерьями. Кузницу выстроил и живет, как медведь.

– Ну, тогда надо поторопиться, – приказал боярин, пришпоривая коня, на котором сидел вполне сносно, несмотря на раны, хотя и не привык еще к жесткому седлу, – времени у меня не много.

Захар не стал расспрашивать, что да почему, а просто махнул рукой охранникам, ехавшим чуть позади, и поскакал за боярином в лес. Кондрат уже скрылся среди густых елей и сосен, погоняя коня по лесной дороге. К счастью, дорога, что вела к большому городу, была проезжей и легкоразличимой в глухом лесу, каким показалась эта хвойная чащоба Кондрату. Здесь повсюду виднелись следы от телег и копыт лошадей. Правда, сейчас на дороге никого не было, но к счастью, не было и развилок. А потому Кондрат, не обращая внимания на отставших от него охранников, первым доскакал до берега реки, услышав ее шум еще задолго до того, как увидел бурный поток меж деревьев.

– Зря ты так, Евпатий Львович, – пробормотал Захар, догнав боярина и осаживая своего коня рядом, – здесь и медведи бывают. Давно ль с того света воротился?

– Не зуди, – отмахнулся Кондрат, в котором быстрая скачка на коне только разбудила казацких предков, – показывай, куда далее?

– Туда, – махнул рукой приказчик, – вон видишь, от берега тропинка в глухой лес идет. Там это озеро и есть.

– Веди, – коротко приказал боярин.

Захар повернул коня в указанном направлении, и вскоре отряд, съехав с проторенной дороги, вытянулся по едва заметной тропинке, уводившей в чащу. Проехав так недолгое время, то и дело уворачиваясь от хлеставших по лицу веток, боярин заметил, как блеснула меж сосен гладь лесного озера. Птицы кругом щебетали осторожно, словно стремясь не тревожить путников. Кондрат и представить не мог, как чертыхались все, кто ездил по этой дороге за товаром к Ваське-кузнецу, выбравшему такое место для своей кузни. «Видно, хороший кузнец, раз до сих пор не разорился», – подумал Кондрат, выезжая на небольшую полянку. Деревья вдруг словно раздвинулись, и стало заметно шире. Дальше тропинка пошла вдоль берега небольшого озера. Вскоре Кондрат увидел дымок, поднимавшийся над кузней, а затем до слуха донесся и удар молота о наковальню. У входа в приземистое сооружение на берегу озера стоял парень лет шестнадцати на вид в холщовых шароварах и замызганной рубахе. Заметив приближавшихся гостей, он сразу скрылся внутри.

«Кузня как кузня, – решил Кондрат, закончив осмотр поляны, где кроме главного строения, виделась еще пара землянок, – только спрятана у черта на рогах зачем-то».

Захар подъехал к самым дверям кузницы и остановился. Кондрат последовал его примеру. Охранники замкнули полукольцом все подступы к поляне, и захочешь – не убежишь.

В этот момент наружу шагнул невысокий бородатый мужичок в засаленных штанах и коротком фартуке из продранной во многих местах кожи. На ногах его были надеты мягкие

поршни³⁰, отчего он ступал неслышно, словно тень. Голову с волосами почти до плеч стягивал тонкий обруч. Быстро окинув взглядом прибывших, он с первого взгляда разобрался, кто есть кто. И, не обращая внимания на Захара, приблизился к боярскому коню.

– Ты, что ли, Коловрат? – без особого почтения спросил кузнец.

– Слова-то подбирай, деревенщина, – предупредил его Захар, – с боярином разговариваешь.

Но кузнец и бровью не повел, продолжив разговор:

– И на кой черт я тебе сдался? – спросил он тем же тоном, вытирая грязные руки о шаровары.

Взбешенный Захар уже потянулся за плеткой, но Евпатий остановил его знаком.

– Ты и есть Васька Волк? – спросил Кондрат.

– Я и есть, – кивнул мужик с прищуром, – слыхал, что ль?

– Наслышан, – проговорил Кондрат, изучавший кузнеца, который, судя по всему, авторитетов не признавал, оттого и подался по молодости лет в разбойники, если верить молве, – есть у меня к тебе разговор, кузнец.

– Говорил твой холоп вчера, что ты заявишься, – подтвердил Васька, – да только дел у меня не впрок. Это я ему и вчера сказал. Я хоть и не боярин, а время мое дорогого стоит. Заплатишь золотом, буду говорить. А нет – прощай.

– А может, тебе хребет сломать за такие речи? – не выдержал дерзости Захар, готовый обернуться к охранникам и дать нужный знак. Охранники, молчаливыми глыбами маячившие за спинами Евпатия, были почти вдвое мощнее кузнеца. Каждый из них, на первый взгляд, мог плевком перешибить этого мужичонку. Но тот их отчего-то совсем не боялся. То ли глуп был, то ли действительно ловок и хитер. От внимательного боярина не ускользнул цепкий взгляд кузнеца, который уже давно срисовал и оценил всех пятерых бугаев. Да и молодых подмастерьев, стоявших чуть позади кузнеца, сбрасывать со счетов тоже не стоило. Кондрат отчего-то решил, что эти парни тоже драться неплохо обучены, только не показывают свое умение до времени. Все эти наблюдения еще больше убедили Кондрата, что он пришел по адресу.

– Поговорим. В кузне. С глазу на глаз. Если я в тебе не ошибся, то заплачу.

И слез с коня на траву. На лице дерзкого кузнеца возникло удивление. Видно, он привык к другому исходу таких переговоров.

– Ну, заходи, коль не шутишь, – отступил в сторону Васька.

---

³⁰ *Поршни* – русская кожаная обувь простейшего покроя. По внешнему виду это сшитые из одного или двух кусков кожи мягкие туфли. По краям кожи, в сделанные отверстия, продевались ремешки, которые нужно было завязать у голени. Такая обувь была известна на Руси с VII века.

Глава четырнадцатая

Васька Волк

Кондрат, к неудовольствию верного приказчика, сделал знак Захару и остальным молодцам оставаться в седлах, а сам вошел внутрь один, без охраны. Кузнец, вместе с двумя подмастерьями, последовал за ним. Здесь было жарко, как и следовало быть в кузнице. У огня лежала раскаленная заготовка для топора, рядом еще одна. По замшелым бревенчатым стенам были развешаны щиты, мечи, луки и копья. В углу насыпана целая гора подков. На лежанке вдоль стены ворох тряпья, похоже, служивший кузнецу постелью.

– Подмастерьев своих прогони пока, – спокойно, без нажима в голосе, сказал Кондрат, разворачиваясь спиной к огню.

Кузнец удивился еще сильнее. Бояре обычно себя вели иначе. Поэтому он не стал спорить и жестом удалил всех подмастерьев из кузни. Двое вышли и замерли у входа на почтительном расстоянии. Третий неожиданно возник из темного угла, как привидение в лохмотьях, и, прокравшись мимо боярина, молча присоединился к остальным.

Оставшись, наконец, один на один с этим странным кузнецом, Кондрат перешел к делу.

– Ты знаешь, кто я?

– Знаю, – разочарованно кивнул Васька, – боярин Евпатий.

– А что со мной приключилось, слышал?

– Слышал, что медведь тебя порвал. Думал, уже отпели тебя.

– Многие так думали, – кивнул Кондрат, не торопясь осматривая кузницу, – только выжил я.

Умолк боярин. Помедлил немного, вперив взгляд в кузнеца, словно хотел прощупать его своим взглядом, узнать все тайные мысли и понять, можно ли ему доверять. Наконец, вновь заговорил:

– Кузнецы мои рассказывают, что ты удалым бойцом был когда-то. С караванами купеческими за моря ходил. А еще раньше с разбойниками знался. Правда ли это?

– У всякого своя правда, – ушел от прямого ответа Васька, в глазах которого Кондрат читал непонимание и даже недоверие. Не уразумел еще кузнец, зачем пришел к нему этот странный боярин и завел туманные разговоры. Но и боярин таких странных кузнецов еще не видел.

– Так был ты бойцом или нет? – первым не выдержал Кондрат.

– Был, – не стал на этот раз юлить и ерничать Васька, зло сверкнув глазами, – караваны византийские грабил с товарищами моими, в атаманах ходил, много добычи взял. Да истлело уж всё. Прогулял. За мою голову тамошние богачи бочонок золота давали. А мне все нипочем. Не люблю я купцов. Да и золото не люблю. Мне другое надобно. Теперь вон кузню открыл. Ну, услышал, что хотел?

Он вдруг умолк, словно сказал лишнего, но этого Кондрату хватило. Боярин сумел-таки разговорить «кузнеца».

– Так что, если ты судить меня пришел, боярин, – усмехнулся Васька, – по каким старым делам, то – забудь. Я один всех твоих молодцов на ремни порежу, а тебе глаза выколю, только дернись. Хоть и не богатырь с виду. А парни мои добьют, кого скажу. Они у меня шустрые, не смотри, что малые с виду. А потом ищи-свищи меня по лесу. Я как ветер. Раз и нет меня.

– Не судить я пришел тебя, – объявил Евпатий, – а учиться.

– Учиться? – переспросил Васька Волк, удивлению которого не было предела. – В кузнецы что ль решил податься? Забудь. Не боярское это дело.

– С тех пор как медведь на меня напал, я почитай месяц в беспамятстве пролежал, – начал излагать Кондратий свою легенду, – сны странные видел. А как очнулся, да силы стали

возвращаться, вдруг понял, что на мечях биться разучился. Позабыл почти всё, хотя ранее первейшим бойцом был. Князя спас, а сам теперь потерялся.

Боярин шагнул вперед, приблизившись к ошарашенному кузнецу.

– Мне без такого умения никак.

Тот стоял не шелохнувшись, скрестив жилистые руки на груди, а на лице его было какое-то потерянное выражение. С недоверием смотрели холодные глаза кузнеца на боярина.

– Так ты ко мне, бывшему атаману разбойников, боярин княжеский битве на мечях приехал учиться? – ухмыльнулся Васька. – Забавно.

– Может, и так, – согласился Кондрат, которому сейчас совсем не хотелось улыбаться, – только мне не забавно. Скоро в деле ратном себя показать надо будет, а я клинком взмахнуть могу, да и только. А биться как следует – нет. Времени у меня мало. Поможешь – озолочу. Но только дело это между нами остается. Молчать будешь до конца дней своих, иначе сам удавлю, и лес тебя не спасет. Отыщу. Сил у меня хватит, знаешь.

– Так ты в такую глушь от позора забрался? – вдруг расхохотался бывший атаман. – Чтоб дружки твои, бояре, до поры не сведали. Теперь понятно, чего так тянул.

Кузнец подошел к огню и пошевелил заготовку, засунув ее в угли поглубже.

– Ну что же, – кивнул он, – горю твоему помочь можно, боярин. Только время на тебя потрачу свое, а у меня заказ висит. Купцу Рекину обещал топоров наделать. А я обычно сроки держу. Так что сейчас дашь кошель с золотом, а спустя седмицу еще столько же.

– А хватит седмицы-то? – усомнился Кондрат.

– Если ты бойцом был, да голова прохудилась – руки вспомнят, – рассудил бывший атаман, сжав и разжав кулак, а затем поднимая вверх раскрытую ладонь, – они все помнят. А если за этот срок не вспомнят, то и вспоминать нечего. Навсегда таким останешься. Видел я бойцов, память потерявших. Это – к бабке не ходи.

Замолк вдруг бывший атаман, будто припомнил что-то.

– Только с тобой больно странно вышло, – произнес Васька Волк, словно заподозрив подвох и бросив быстрый взгляд на боярина, – память обычно от тяжелого удара теряют. А тебя медведь лишь немного порвал да бросил... голову вовсе не трогал. И говоришь ты как-то... Может, не медведь это был вовсе, а, боярин? Или ты мне сказки рассказываешь?

Кондрат молчал, не зная, что ответить этому прозорливому атаману, нутром чувшему обман.

– Ну, да мне все равно, – не дождавшись ответа, добавил Васька, отводя свой пронзительный взгляд. – Я ничего и никого не боюсь. Ни на том, ни на этом свете. Как порешим?

Кондрат подумал немного и кивнул, словно очнувшись.

– Хорошо, пусть будет седмица. Я с собой доспехи привез и оружие.

– Без надобности. Обрато отпавишь. Найду я тебе оружие. Вон, видишь, его здесь сколько.

Кузнец помолчал немного, обдумывая свои следующие слова.

– Жить все это время здесь будешь. На хлебе и воде, – сообщил кузнец боярину условия, как отрезал, – бугаев своих обратно в город отправь с приказчиком, ни к чему они мне. Пушай через семь дней возвращаются за тобой с остатним золотом. А там – если захочешь, исчезну я, и никто про меня не вспомнит, а про тебя не узнает. Уговор?

На мгновение Евпатий напрягся, прикидывая варианты, – один в лесу с атаманом разбойников и его подмастерьями. Этому Ваське, похоже, на тот свет человека отправить за пригоршню монет раз плюнуть. А то и просто ради удовольствия кровь пустить. Но выхода не было. Сам напросился. Значит, придется рискнуть.

Кондрат отвязал от пояса кошель с золотом и кинул его кузнецу.

– Уговор.

А сам вышел на свет и, обедев взглядом своих охранников, объявил Захару:

– Я остаюсь здесь погостить. Один. Через семь дней вернешься за мной и привезешь кошель с золотом.

Услыхав такой приказ, Захар даже опешил.

– Здесь? С этими разбойниками? – он даже свесился с седла, наклонившись к собеседнику. – Побойся бога, Евпатий Львович, я тебя одного не оставляю. Тебе еще в Чернигов ехать с княжеским подарком. А вдруг эти лиходеи...

– Делай, что велено, – повысил голос боярин. – Уезжай не медля. А за меня не бойся. Делами займись. Через семь дней вернешься. Если что, знаешь, где искать.

– Воля твоя, боярин, – поклонился Захар и, сверкнув глазами в сторону ухмылявшегося в сторонке кузнеца, медленно увел отряд по тропе обратно к речке Проне. Пока кони осторожно переступали копытами по узкой тропинке, приказчик еще дюжину раз успел обернуться.

Когда все его люди уехали, и боярин вновь остался один на один с кузнецом, на поляне ненадолго воцарилась тишина, прерываемая лишь пением птиц. Кондрат, прищурившись, посмотрел на солнце, едва проглядывавшее сквозь вершины могучих сосен, хотя времени было уже больше полудня. Место здесь было глухое и тихое. словно бы созданное аккуратно для разбойников, чтобы дела свои делать тайно, подальше от людского глаза. И зачем доброму кузнецу здесь кузню строить? Но сейчас Кондратию как раз такое место и было нужно. Он ведь приехал учиться на мечах биться, а про все остальные умения боярина, который тоже мог удавить человека двумя пальцами или играючи все кости переломать десятку неподготовленных мужиков, кузнецу до поры знать было не нужно. Кондрату, конечно, еще ни разу не выпадал случай в новой жизни проверить свои умения в рукопашном бою, но был уверен – все помнит.

– Ну, когда начнем? – прервал он затянувшееся молчание.

– А прямо сейчас и начнем, – сообщил Волк, направляясь в кузницу, – времени у тебя мало, так ведь говорил? Тогда чего тянуть. Снимай свой кафтан, быстро замажешь. Да меч свой отцепи, а то сам себя заколешь, не ровён час. Пока на палках сразимся.

Кондрат послушно отцепил меч от дорогого пояса, сделанного из цепочки и металлических пластин, разукрашенных драгоценными камнями.

Снял ездовой ферязь, оставшись в кафтане, обшитом золотой нитью. Бросил ферязь и шапку на траву под ближайшей сосной. Пока Кондрат без посторонней помощи – слуги-то все уехали – разоблачался, стягивая с себя верхнюю одежду, атаман пропадал в кузнице.

Вернувшийся назад Васька Волк тоже переоделся. Скинул в кузне кожаный фартук и надел легкий доспех – рубаху из лоскутов кожи с короткими рукавами. Держал Васька в руках два деревянных меча, похожих на свежеструганные палки, и копье с тупым наконечником.

– Посмотрим, на что ты годен, боярин, – сказал он, кидая один из мечей Кондрату, а копье пристраивая к ближайшему дереву.

Бывший атаман постоял немного, переминаясь с ноги на ногу и словно соображая, с чего начать обучение.

– Жаль одежду портить, – как бы сам себе сказал кузнец и неожиданно нанес колющий удар в грудь.

Кондрат хоть и ждал чего-то подобного, но удар пропустил. Он только начал поднимать руку вверх, как уже ощутил боль в груди, да такую, что дыхание перехватило. Удар пришелся в самый центр, туда, где находились едва затянувшиеся раны. Боярин поневоле согнулся, резко дернувшись, и кафтан с треском порвался.

– Ну, вот ты и мертвец, боярин, – сообщил ему бывший атаман, отступая на шаг, – один удар и все твое – мое.

– погоди праздновать, – только и сказал Кондрат, сплюнув от досады.

Он перевел дух и сам бросился в атаку, стремясь нанести сокрушительный удар сверху в голову. Но кузнец ловко, без видимых усилий, отбил удар, сделав шаг в сторону и оказавшись у Кондрата за спиной. А потом со всего маху врезал палкой по спине боярину, аккуратно чуть

выше поясицы, а потом добавил по коленям. Кондрат взвыл от боли, ноги подогнулись, он качнулся вперед и, споткнувшись, упал на колени.

– Вставай, боярин! – услышал он издевательский голос сзади. – Негоже тебе передо мной, Васькой-убогим, на коленях стоять да шапку ломать. Не ровён час, дружки твои увидят, как я тебя лупцую.

– Ничего, потерплю, – пробормотал Кондрат, поднимаясь на ноги. Обут он был в свои мягкие красные сапоги, – главное, чтобы твои дружки не увидели, как я тебя сейчас взгрею.

И снова бросился в атаку.

На этот раз он нанес удар с боку по ребрам, но кузнец отразил его, затем второй снизу, потом сверху, еще и еще. Кузнец не отвечал, лишь оборонялся, уворачиваясь и отбивая все удары. Делал он это, не сходя с места, словно многорукий бог. Несколько раз в этой драке на мечлах-палках Кондрат получил больно по пальцам и едва не выронил оружие, взыв. Было бы это в реальном бою, остался бы без пальцев. Но боярин стерпел, продолжая атаковать и наносить удары один за другим. До тех пор, пока сам не пропустил-таки единственный неожиданный удар прямо в лоб. Да так, что у него в ушах зазвенело. Боярин прекратил атаку и выронил палку, закачавшись. В ушах стоял звон, а перед глазами летали черные круги.

– Ну, – неожиданно с легким удовлетворением сказал кузнец, глядя, как Кондратий потирает ушибленный лоб, – кое-что ты все-таки помнишь, боярин. Видать, и правда бойцом был когда-то. Слабенько, правда, помнишь. Но и то ладно. А головушку мы тебе сейчас вправим.

Кондрат и сам ощутил за время этой атаки, что его руки вдруг стали наносить удары чуть точнее. Будто бы медленно, шаг за шагом, боярин вспоминал давно забытое искусство. Он с удивлением посмотрел на свои разодранные в кровь ладони, которые, по его разумению, раньше могли только хорошо метать ножи и стрелять. Ну, и еще кое-что, а этих краях пока невиданное.

– Лови!

Васька подбросил прислоненное к сосне древко копья Кондрату, который едва успел его поймать.

– Теперь, боярин, попробуем освежить твою память копьем. Нападай на меня!

Кондрат схватил копье двумя руками и стал медленно приближаться к противнику, который стоял спиной к сосне и был вооружен лишь «мечом». Слева и справа от кузнеца тоже росли крепкие сосны, прикрывавшие его с боков. Кондрат уже знал, что кузнец не так прост, а потому выжидал момент, когда тот расслабится и чуть опустит деревянный меч. Но этого не происходило, и боярин понадеялся лишь на длину копья и свою ловкость.

Наконец он решил, что пора, и нанес удар в плечо. Копье скользнуло в сторону по деревянному мечу, а тот мгновенно вновь прилетел в лоб боярину. Из рассеченной брови потекла кровь.

– Не зевай, – напомнил кузнец, – не можешь достать грудь, бей в ноги.

Вытерев грязной рукой кровь, стекавшую по лицу, Кондрат нанес второй удар в пах. И снова копье ушло в землю, а он получил от своего учителя ответный удар в грудь, еще больше разорвавший кафтан, из-под которого уже было видно исподнее. Боль стеганула по груди, вновь начала сочиться кровь. Боярин застонал, но тут же стиснул зубы, стараясь не показывать, что старые раны еще тяготят. Вместо этого он перехватил копье покрепче и шагнул вперед, осторожно приближаясь к противнику.

Кузнец тем временем чуть шагнул в сторону, став спиной к озеру. Теперь солнце светило ему в левый глаз, а кромка воды находилась в паре шагов за ним. Деревьев по бокам больше не было. Разъяренный Кондрат, казалось, получил место для маневра и рванулся вперед. Он нанес один за другим три коротких удара. Два обманных – в левое и правое плечо, оба были отбиты, а третий основной, в который он вложил всю силу, решив во чтобы то ни стало пробить оборону противника и поразить его в живот. Но тут случилось неожиданное. Плясавший

на месте кузнец в последний момент вдруг отпрянул в сторону, и боярин с разбега ухнул в озеро, подняв тучи брызг. Лесное озеро оказалось глубоким, с обрывистым берегом, а вода холодной. Намокший кафтан потянул вниз. Кондрат еле выбрался на берег под дружный хохот подмастерьев.

– На коне воевать, боярин, конечно, сподручнее, – подытожил атаман, за шкуру вытягивая продрогшего Кондрата из озера, как котенка, – но и так нужно уметь. Если коня убили, а ты оземь шваркнулся. Как выживать будешь в драке с пешими? То-то и оно. Все уметь должен.

Никогда еще Кондрат Зарубин не чувствовал себя таким уязвленным. Какой-то кузнец сделал его как ребенка. Его, офицера спецназа. Позор придал Кондрату сил, он вскочил на ноги и перехватил мокрое копьё крепче, вновь хотел броситься в атаку, но кузнец остановил его жестом.

– Стой, боярин, – приказал атаман, ухмыльнувшись в бороду, – на сегодня закончим палками махать. Хватит с тебя. Передохни немного, а потом я тебе другое задание дам.

Измученный и мокрый боярин в разорванном кафтане, с которого стекала вода, отбросил деревянное копьё, сел на корточки и прислонился к сосне. Так он просидел довольно долго, переводя дух, ощупывая саднившую грудь, лоб и сплевывая кровь из рассеченной губы. Разглядывая окрестности лесного озера, Кондрат замерз окончательно. Поскольку переодеться было не во что. Собираясь сюда, он как-то не подумал, что придется купаться в озере.

Тут из кузницы опять появился бывший атаман. На сей раз он нес какую-то тяжеленную оглоблю или коромысло, с крюками на концах.

«Чего это он удумал, – пронеслось в ушибленной голове боярина, – дубинами, что ли, драться будем? Так мы только поломаем друг друга, а до клинков не скоро дойдем».

Но его опасения оказались напрасны. Перед ним было просто коромысло. И этот снаряд, как выяснилось вскоре, идеально подходил для лечения памяти и продолжения тренировок.

– Вон там два ведра стоят, – как бы между делом сообщил Васька, махнув рукой в сторону топкого берега у кузницы. – Набери воды, подвесь. Сапоги свои красные здесь скинь и давай бегом вокруг озера. Ты беги меж деревьев и уворачивайся от них. Мальцы мои за тобой следом пойдут, да присматривать будут. Остановишься – палкой по пяткам получишь. И так до захода солнца.

Васька ухмыльнулся, показав карзубый рот.

– Да смотри, боярин, воду мне не расплескай. Все, что назад принесешь, на ужин тебе пойдет. А более того не дам.

Кондрат глянул на озеро, из которого только что вылез.

– Тебе чего, воды не хватает?

– Боярин, – перешел на доверительный тон бывший атаман разбойников, – ты учиться приехал? Золото платил? Значит, делать будешь все, что я скажу. Всю седмицу. И, не будь я Васька Волк, я тебя заставлю вспомнить всё. Даже то, чего ты и не знал. Иначе хоть сейчас поезжай домой. Только, извини, золото я назад не отдам.

– Ладно, – кивнул, вставая, Кондрат, – давай свое коромысло.

Он снял сапоги, сходил за водой и, прицепив ведра, водрузил весь этот груз себе на шею, которая и так уже саднила от скользящих ударов. А затем побежал. И вскоре проклял этот «курс молодого бойца», на который сам же и напросился. Но прав был атаман, раз уж приехал учиться – терпи. Он и сам так воспитывал солдат в прошлой жизни. А теперь ему вновь выпало попасть в «молодые».

Весь остаток дня до самого заката боярин по приказу атамана бегал с ведрами вокруг озера, разрабатывая спину. Уворачивался ото всех встречных веток, продирался меж стволами сосен. Разодрал себе ноги в кровь, чуть глаз не выколол, несколько раз падал на колени, чудом не опрокинув ведра, и тут же получал по пяткам. Выл от боли, боролся с желанием придушить шедших по следам подмастерьев кузнеца и самого атамана, но скрипел зубами, вставал и пер

дальше, напролом. Когда он сделал уже десяток кругов, протоптав заметную тропинку, солнце стало быстро закатываться и вскоре окончательно скрылось за раскидистыми кронами сосен.

Еле переставляя ноги в сумерках, боярин в разодранном кафтане и штанах дополз до кузницы и опустил рядом с собой на землю коромысло. Сидевший на пеньке у входа Васька Волк глянул на ведра. В каждом вода едва скрывала дно.

– Расплескал-таки, – произнес атаман, делано огорчившись, – ну, не обессудь, боярин. Это все, что ты выпьешь на ночь. Как договаривались.

Он обернулся куда-то в сторону и крикнул:

– Эй, Митяй, дай-ка ему кусок черствого хлеба на закуску.

Но и этой пище Евпатий был несказанно рад. Он сел прямо на землю, прислонился к бревенчатой стене, что еще хранила тепло от огня, и быстро проглотил кусок заплесневелого хлеба, запив озерной водой прямо из ведра.

– Спать иди, – смиловившись атаман, – кучу тряпья на лежанке у стены видел? Это твоя постель. Окажу тебе почет, как боярину. А я в землянке лягу. На рассвете продолжим, если жив будешь.

Не помня себя от усталости, Кондрат забрал свои сапоги, ездовой ферязь и меч, провалявшиеся под деревом полдня. Затем дополз до жесткой лежанки и рухнул на нее в изнеможении, не снимая мокрой одежды. Боярин бросил меч и ферязь прямо тут же, на земляной пол. Воняло в тесной кузне ужасно, но зато здесь было тепло и сухо, а в печи еще тлели уголья. Большого наслаждения Кондрат не испытывал за всю свою жизнь. Едва он растянулся в длину, расправив усталую спину, как провалился в глубокий сон.

Глава пятнадцатая

На мечях

Как только забрезжил рассвет над озером, чья-то грубая рука растолкала боярина, спавшего без задних ног. Несмотря на дикую усталость, за ночь Кондрат почти успел восстановить свои силы. Если не считать ссадин и ушибов на всем теле, особенно болел лоб, несколько раз принявший на себя удар палки. Шишки и ссадины здесь образовались такие, что Кондрат даже не стал их трогать. Главное, что кровь запеклась и ладно.

«Остальное до свадьбы заживет», – подумал про себя с горькой усмешкой боярин. Нехотя открывая глаза, Кондрат вдруг поймал себя на странной мысли: а ведь он еще не женат. Интересно, почему? Евпатий Коловрат далеко не стар, мужчина в самом соку, да и богат несметно. С князем знается. По всему выходит – первый жених на всю Рязань. Или, может, уже был женат, да что-то случилось? Но верных приказчиков, что могли бы прояснить эту загадку, рядом не было. А додумать эту мысль Евпатий не успел.

– Вставай, – окликнул его знакомый голос атамана, – рассвело. Пошли, разомнемся.

Кондрат опустил ноги на земляной пол, встал и едва не взвыл, – все стопы были иссечены, исколоты иглами и корягами. После вчерашней беготни вокруг озера на ногах живого места не осталось. Однако, натянув сапоги, выйдя на свежий воздух из прокопченной кузницы и умывшись водой из озера, Кондрат вспомнил, где он и зачем тут находился. Силы прибавилось. «Хочешь до конца обучения дойти, терпи», – приказал сам себе Кондрат.

Помахав затекшими руками и ногами, размявшись немного, боярин поправил треснувший почти по швам и еще влажный после вчерашнего купания кафтан. Взглянул на едва показавшееся между деревьями солнце. А затем на атамана Ваську Волка, который вышел из кузницы, одетый все в ту же в кожаную рубаху и неся в руках какой-то длинный сверток их холстины. Поначалу Кондрат решил, что сегодня они продолжают тренировки на палках. Но, видимо, время поджимало, и атаман решил ускорить обучение своего высокородного гостя.

– Держи, боярин! – атаман размотал тряпицу.

Под ноги упал тяжелый предмет, слегка погрузившись в мокрую землю. Кондрат опустил глаза и с интересом рассмотрел его. Это был средней длины меч, но не его личное оружие. Боярский меч с богато отделанными ножнами так и остался в кузне у самой лежанки, вместе с расшитой золотом верхней одеждой. Этот был другой. Прямой, остро отточенный клинок заканчивался простой деревянной рукоятью без всяких камней и золота. Вторым такой же меч атаман держал в руке, слегка поигрывая клинком. Отчего солнце то и дело поблескивало на его острие.

– Пора проверить тебя на сообразительность, боярин, – сообщил атаман и добавил: – Но сначаланими свои красные сапоги да надень поршни, как у меня. Так оно ногам удобнее будет.

Кондрат не стал спорить и показывать спесь боярскую, ибо только они да князя высокородные могли носить красные сапоги. Быстро замотал израненные во время вчерашней беготни стопы онучами³¹ и надел потертые коричневые поршни, принесенные ему подмастерьями кузнеца-отшельника. Поневоле вспомнил, какую обувь приходилось носить в Афганистане по необходимости. Встал, прошелся, даже попрыгал. Израненным стопам действительно стало заметно легче. Теперь их защищали от иголок и корней толстые портянки и пусть и мягкая, но кожа.

– Я готов, – кивнул он, чуть поднимая меч и разворачиваясь к кузнецу.

---

³¹ *Онуча* – длинная и широкая (примерно 30 см) ткань, предназначенная для обертывания стопы. Чаще всего бывала холщовой или шерстяной. Это обычная на Руси часть крестьянской одежды. Онучи носили с лаптями или поршнями.

– А коли готов, держи, – только и сказал кузнец, взмахнув мечом так быстро, что Кондрат едва успел вскинуть свое оружие и даже присесть, чтобы ему не срубили голову. Быстрый меч кузнеца рассек воздух как раз в том месте, где только что была голова боярина, лишь слегка звякнув о кончик его меча. Была бы на нем шапка, точно маковки лишилась бы.

Кондрат поднялся и мигом отскочил в сторону на пару шагов. Утренней дремы как не бывало.

– Ты чего это, Васька, ошалел? – не выдержал он, принимая боевую стойку с мечом наизготовку. – Взял бы чуть пониже и учить бы уже некого было.

– Ничего, – пожал плечами бывший атаман, медленно перемещаясь в сторону вслед за боярином. – Если тебе голова твоя дорога, быстро сообразишь. В бою тебя никто предупредить не будет. А здесь я тебе еще время дал поразмыслить. Вишь, быстро ты смекнул, боярин, как от смертельного удара уйти. Ну, а что едва не побрил тебе голову, ну так что ж. Так учение быстрее пойдет. Лучше я тебя сейчас подрежу немного, чем потом враги совсем тебя жизни лишат. Али не согласен?

– Согласен, – хмуро кивнул боярин, – поехали дальше.

– Поехали, – кивнул кузнец и быстро нанес новый удар справа.

Кондрат отбил его, подставив свой клинок. Потом заметил, как летит клинок кузнеца снизу, – отбил и его, лихо рубанув сверху вниз по оружию противника. Раздался звон. Но бывший атаман отчего то не выронил меч, хоть удар и был довольно силен. За какое-то мгновение, пока меч боярина все еще находился внизу, кузнец, сделав неувловимое движение, неожиданно выпростал свой клинок и едва не пригвоздил противника к стволу сосны. Клинок Васьки сверкнул у самого горла. Кондрат с опущенными руками невольно отшатнулся назад, но, сделав шаг, уперся спиной в дерево, ощутив шершавую кору сосны.

Быстро поднять свой клинок не было никакой возможности. А бывший атаман лишь немного вытянул руку и приставил острие к самому кадыку боярина. Одно движение отделяло поверженного противника от смерти. Ощувив холодную сталь у себя на горле, Кондрат немного занервничал. Особенно заметив, какой яростью вдруг сверкнули глаза бывшего атамана, словно вспомнившего нечто темное из своей прошлой жизни.

– Ну, боярин, – прошептал он еле слышно. И лицо его вдруг сделалось жестким и безжизненным, как у мертвеца, – вот и пришла пора с жизнью расстаться.

Кондрат молча сглотнул, ощутив еще сильнее остроту клинка на своем горле. Мозг, когда-то давно натренированный страхом смерти, с бешеной скоростью просчитывал варианты, как ее избежать, но ни один из них в этот раз не приводил к спасению. Даже легкое нажатие на рукоять – и клинок войдет в шею как в масло. Кондрат рассчитывал только на учебный бой. А вдруг этот кузнец настолько ненавидит бояр, что действительно решил его прирезать ради удовольствия или за какие-то прошлые обиды? Что, если он ошибся в расчетах.

– Струхнул, боярин? – вдруг издевательски поинтересовался кузнец, отступая на шаг и ухмыляясь. – Надо же было тебя на испуг взять, да посмотреть, что будет. Я гляжу, ты уже обделался. Решил, небось, что я и правда тебя убью, да с золотом твоим исчезну. Оно, конечно, заманчиво. Да только...

Он не договорил. Взбешенный новой проверкой и своим бессилием в этой битве Кондрат ударил по клинку атамана снизу вверх, уводя острие в сторону, а затем сам обрушил удар на голову кузнеца сверху вниз. Убить, конечно, не хотел. Но поугагать за издевательства нужно было. Может быть даже ухо, в котором сверкала серьга, отрубить. Так его разозлил этот чертов кузнец. Однако обидчика уже на том месте не было. Словно призрак, он мгновенно и незаметно переместился на шаг в сторону. Отчего яростный удар Кондрата только срубил несколько веток.

Васька же, отпрыгнув, уже отступал назад к озеру вдоль края поляны. Мягко переставляя ноги в поршнях, он поигрывал мечом, словно подзадоривая своего противника, который и так был уже в ярости.

Кондрат тоже прыгнул вперед и, оказавшись на расстоянии удара, выбросил клинок вперед, совершенно не заботясь о том, убьет он Ваську или нет. Кузнец удар отклонил, вновь переместившись на шаг. Кондрат нанес еще один резкий удар, прямой и колющий, в грудь. Васька и его отбил, но уже с трудом, как показалось Кондрату. Больно уж сильный получился удар. Не обманываясь насчет себя, боярин продолжал рубить и колоть воздух вокруг кузнеца, тесня того к озеру, до тех пор пока противники вновь не оказались на берегу. Звон на поляне стоял такой, словно в опустевшей кузне стучали сразу несколько кузнецов. Птицы, не привыкшие к такому шуму в этих местах, вспорхнули со своих насиженных веток, перелетев вглубь леса. Подальше от двух неистовых мужиков, которые уже битый час обменивались ударами, то и дело высекая искры из мечей.

Здесь Кондрат, которому совсем не хотелось повторить вчерашнее купание, сменил тактику. Он вдруг прекратил наступление, отошел на пару шагов и встал как вкопанный на месте. Позади него, в десятке шагов была кузня и землянки, впереди озеро. Справа вся обширная поляна. Чуть наклонившись, он ждал ответного нападения кузнеца. И тот порадовал его, вдруг ринувшись в наступление. Васька Волк нанес два удара подряд: сверху и сбоку, Кондрат на удивление ловко отбил оба. Затем чуть не пропустил удар по ногам, в последний момент успев переместить клинок к правому колену. Здесь меч кузнеца лишь вспорол ему шаровары, скользя по клинку, но оставил нетронутой плоть. А Кондрат в ответ, изловчившись, рубанул прибившегося противника по плечу, и удар неожиданно достиг цели. Почти. Каким-то чудом бывший атаман опять успел избежать смерти, и клинок Евпатия лишь срубил кожу с наплечника. Доспех треснул, оголив плечо.

– Молодец, боярин, – похвалил Васька, отскочив на несколько шагов и осматривая свою рану, – вспоминаешь дело ратное потихоньку.

– Жив? – уточнил на всякий случай Кондрат, хотя и так видел, что бывший атаман стоит перед ним, не выказывая ни малейших признаков слабости или боли. Да и сам он в ярости уже забыл про свои.

– А что мне сделается, боярин, я же заговоренный, – сообщил Васька, бегло взглянув на след от удара меча. – Крови нет, кости целы. Только рубаху попортил, зашью.

А потом, перекинув меч из правой руки в левую, добавил:

– С боковыми ударами у тебя уже неплохо идет. Держишь. А вот в ноги и голову покамест пропускаешь. Это худо.

Он вновь посмотрел на свое плечо и закончил первую похвалу:

– Когда нападаешь, помни, хороший противник на месте стоять не будет, дожидаясь, пока ты его проткнешь, али изрубишь в куски. В него еще попасть надо. Так что смотри внимательно, как он движется, да угадывай. Сделай так, чтобы не ты его достал, а он сам на твой меч наскочил. Вот тогда будешь готов.

Кузнец вдохнул полной грудью, потом сплюнул, прищурившись на солнце.

– А теперь с другой руки поучись отбиваться от моих ударов. Так тебе труднее будет.

И атаковал едва успевшего перевести дух Кондрата.левой рукой удалой кузнец бился ничуть не хуже, чем правой. Зато отбивать эти удары и в самом деле оказалось сложно. Праворукому биться с леворуким всегда труднее. Неудобно. Но и тут Кондрат не ударил лицом в грязь. Пропустив поначалу пару секущих выпадов в ноги и плечо, боярин вскоре приноровился сражаться с неудобным противником. Его собственные руки с каждым новым ударом становились все более умелыми, а меч в них вертелся ничуть не хуже шашки в руках лихого казака.

Сам кузнец, не дав ему доспеха, надо сказать, удары только намечал, лишь изредка царапая противника в наказание за ошибки. Постепенно до Кондрата дошло, из-за чего ему не

дали надеть не только свой доспех, привезенный из Рязани, но и ничего не предложили из местных запасов. Так он гораздо острее чувствовал тонкую грань между жизнью и смертью, чем человек, закованный в броню или хотя бы затянутый в кожаные доспехи. Меч, свистевший над ничем не прикрытой головой или возле самого горла, то и дело рассекавший его шаровары на лоскуты, заставлял мозг работать и принимать решение в десять раз быстрее. Руки, ноги и голова человека, боровшегося за свою жизнь, сливались в единое целое и выполняли приказы мгновенно.

Прыгая и уворачиваясь от разящих ударов левой руки кузнеца, Кондрат поневоле ощущал холодок смерти, плясавшей вокруг него на конце клинка. Кузнец, неведь как оказавшийся в этих замшелых лесах и неизвестно чем промышлявший здесь на самом деле, явно был из тех, кому приходилось много убивать. И потому он знал цену жизни. Он играл с неумелым боярином, как кошка с мышкой, показывая превосходство в каждом движении. Кондрат долгое время пребывал в бессильной злобе и ярости, пытаясь пробить этот невидимый щит. Но внезапно, после очередного удара, Кондратий вдруг ощутил, как резко изменилось его сознание. Разом. Словно он вспомнил все, что таилось в глубинах, но до поры было под запретом. Хотя внешне все осталось, как и было. Только теперь его разум слился с мечом, и рука стала продолжением тела, а сил прибавилось.

Следующий удар боярина заставил бывшего атамана со звоном скрестить с ним мечи и с большим трудом отвести клинок, направленный прямо в лоб. На мгновение они встретились глазами, и Евпатий успел заметить легкое изумление в холодных глазах кузнеца. А когда новым ударом он срубил второй наплечник, а потом и вовсе взмахнул над непокрытой головой Васьки-кузнеца, впервые заставив того резко присесть и даже отпрыгнуть назад, чтобы сохранить свою голову, изумление бывшего атамана достигло предела. Пригнувшись, тот резко отступил назад. Затем неловко зацепил поршнем корень и рухнул навзничь, растянувшись во весь рост на поляне под удивленные возгласы своих подмастерьев. А Кондрат не мешкая подскочил к распластанному на траве противнику и уверенным движением приставил острие меча к его груди. Кузнец попытался встать, но клинок остановил его движение, впился в кожаную рубаху, грозя проткнуть ее при следующей попытке.

– Не так быстро, кузнец, – успокоил его Кондратий и добавил с издевкой и заслуженным удовольствием: – а то могу и рубаху попортить. И так уж на плечах пообстриг маленько. Штопать придется долго.

Дождавшись, когда гнев в глазах посрамленного кузнеца чуть остынет, Кондратий отвел клинок в сторону, позволив Ваське встать.

– Ничего, рубаха не своя шкура, заштопаю, – пробормотал тот, отряхиваясь, – али вообще новую куплю. Ты ж за науку золотом платишь.

Смирив свой гнев, что ему удалось довольно легко, кузнец с интересом воззрился на своего противника, неожиданно показавшего завидную прыть.

– Молодец, боярин, – кивнул он, поигрывая мечом и задумчиво рассматривая лицо Евпатия, – быстро вспоминаешь. Очень быстро. Значит, не так силен твой морок был.

Затем Васька Волк перевел взгляд на солнце, уже давно прошедшее середину небосвода, – они бились на мечах уже третий час. Бывший атаман опустил свой клинок вниз и направился в кузню, махнув Кондрату рукой.

– Пойдем, боярин, перекусим. Отдохнем маленько. А потом и продолжим. Покажу я тебе кое-что новое, если сам к тому времени не вспомнишь.

– О чем речь? – уточнил нетерпеливо боярин. – Опять на мечах биться будем?

– Убить человека можно по-разному, – туманно ответил Васька, заходя в кузню, где в углу его подмастерья уже накрыли стол с мясом, хлебом, овощами и квасом для него, а рядом отдельно с поставили воду и хлеб для боярина, – оружие для этого тоже можно взять разное.

Он поставил меч в угол, уселся на лежанку и, как заправский учитель, сделал знак Кондратию садиться рядом. «Похоже, роль учителя фехтования ему нравится», – подумал про себя боярин, едва не ухмыльнувшись. Но сдержался, чтобы не обижать бывшего атамана. Эта роль и в самом деле удавалась ему хорошо.

– Не гони лошадей, боярин. Сядь, перекуси. Дух переведи, – Васька Волк с хрустом откусил кусок огурца, заел его хлебом и тут же запил квасом. – У нас с тобой впереди еще несколько дней имеется. Ты уже кое-что усвоил. Удивил меня даже. Не ожидал я такой прыти от тебя. Знать, и взаправду был ты не из самых плохих воинов, пока с медведем не повстречался. Если так быстро пойдет твое обучение, то за седмицу мы с тобой все оружие и ловкость твою проверить в бою успеем. Это я тебе обещаю.

И красноречиво обвел взглядом кузню, на стенах которой висели красные щиты с металлическим шишаком в центре, топоры, мечи разной длины, несколько копий, два лука со стрелами и даже кистени. Доспехи, видно, были сложены где-то по отдельности. Никаких кольчуг или кожаных рубах на стенах видно не было. «И зачем это ему все здесь? – вновь удивился Кондратий. – Словно на ярмарке оружие развесил. У моих кузнецов, что тоже оружие куют, как-то иначе все поставлено. Впрочем, может, ему места мало, у меня-то кузни побольше будут».

Прожевав овощи с хлебом, кузнец взял из плошки кусок мяса, издевательски смачно откусив его на глазах оголодавшего боярина, которому по уговору приходилось есть только хлеб и пить воду. Но уговор, как известно, дороже денег. И боярин стерпел. Сел рядом на лежанку, молча откусил от краюхи черствого ржаного хлеба и запил водой. Пища была простая и грубая, но жить как-то сразу стало веселее. Хотя он и ощутил вдруг, что действительно устал от бесконечной рубки.

– А чего тебя Волком кличут? – вдруг спросил Кондратий ни с того ни с сего.

– Оттого, что быстрый, – спокойно ответил бывший атаман, не торопясь сообщать подробности, – Волка ведь что кормит? Верно. Вот и я раньше всех был там, где быстрее поживиться можно, да хороший куш ухватить. У меня на такие дела чутье большее. Без головы сколько раз мог остаться, да только везло мне. Я рискованные дела люблю. Вот други мои меня Волком и прозвали за то.

– Други, говоришь, – хмыкнул Кондратий, – это не те ли, что с тобой караваны византийские грабили?

– У меня много друзей было, – туманно ответил кузнец, ничуть не оправдываясь, – полегли все почти. Но чуток еще остались.

– А может, они и сейчас тебя по ночам навещают? – не выдержал боярин, оглядываясь. – Места здесь тихие. Подойти да уйти можно незаметно.

– Болота кругом, – ответил бывший атаман назидательно, – по ночам здесь утонуть можно ни за грош.

На этом разговор и закончился. Боярин решил не продолжать, мало ли куда такие разговоры завести могли. Учиться еще долго. А «поверженный» кузнец, после неожиданной концовки боя, как-то немного размяк. Перекусив на скорую руку, он не только не стал торопиться подвергнуть новым тренировкам боярина, а даже разрешил ему подремать немного после трапезы. И Кондратий не стал два раза переспрашивать – вдруг учитель передумает, – а завалился тут же на лежанке, которую ему определили как место постоянного отдыха. Сам же кузнец опять удалился спать к себе в землянку, куда Кондратия ни разу еще не звал, да тот и не напрашивался. Здесь было теплее. Изможденный тренировками боярин быстро привык к походному быту простых людей, ничуть не тоскуя по своим хоромам. И в этот раз даже успел поспать маленько, восстановив свои силы для новых занятий, пока его не разбудили толчком в плечо.

– Вставай, боярин, – сообщил кузнец, возвышаясь над ним расплывчатым силуэтом, – пойдём. На сегодня есть еще одно задание.

Не успел Кондратий открыть глаза и сесть, как ему тут же вручили в руки круглый щит.

– Держи, – приказал Васька, выходя наружу и сделав знак следовать за ним, – сейчас в игру будем играть.

– Что за игра? – спросил еще не до конца проснувшийся ученик, которому только что снились какие-то морские просторы и корабли под парусами. – И зачем мне этот щит?

Прицепив к поясу меч, Кондрат вышел наружу вслед за атаманом.

– Сейчас узнаешь, – ответил кузнец, останавливаясь недалеко от входа в кузню, где его ждали в этот раз все трое подмастерьев, – иди, вставай вон к тому дереву. Да не двигайся с места, пока не скажу. И держи щит покрепче.

Кондратий выполнил приказание и дошел до указанного дерева, придерживая одной рукой щит, а другой свой меч. Только там, обернувшись, он заметил в руке у кузнеца топор. За поясом у Васьки тускло поблескивало еще несколько длинных ножей.

– И что за игра? – повторил боярин, до которого вдруг начало доходить.

– Хорошая игра, добрая, – усмехнулся кузнец. – Называется «четверо на одного». Короче, ты лови все, что в тебя летит щитом своим. А не словишь, но том свете повстречаемся. Начали.

И метнул в боярина отточенный топор. Мгновенно проснувшийся Кондрат едва успел вскинуть над головой тяжелый щит, который держал за длинную шершавую ручку. Боевой топор просвистел положенное расстояние и с мерзким чавканьем вонзился в край щита, едва не пробив его насквозь. И без того не легкий щит стал заметно тяжелее. Да и махать им стало труднее, но пришлось. Не дав боярину опомниться, кузнец выхватил из-за пояса ножи и стал метать их в живую мишень.

Первый клинок боярин отбил щитом, от второго увернулся – тот лишь скользнул по краю обитого медной полосой щита и со звоном отлетел в кусты. Зато третий клинок был пущен с такой силой, что вонзился почти в самый центр красного щита, рядом с шишаком и торчавшим чуть в стороне топором. Не успей Кондрат его словить щитом, пронзил бы незащищенное тело боярина насквозь.

Увидев, что кузнец израсходовал все свои ножи, Кондратий решил, что уже отбил атаку. Как вдруг заметил, что подмастерья тоже вышли на арену. Оказалось, что в этот раз они были не только наблюдателями. В боярина, которому было приказано стоять на месте, вновь полетели ножи, но уже с разных сторон. Едва обив клинок справа, он увидел сразу два летящих лезвия – слева и по центру. Причем оба были пущены с таким расчетом, чтобы поразить разные части его тела. Первый летел в голову, а второй гораздо ниже. Решив, что голова важнее, боярин принял первый нож на щит, отразив атаку, а от второго попытался увернуться. И у него это почти получилось – нож лишь вспорол ему правую штанину на уровне бедра и, чиркнув по ноге, вонзился в дерево. Вскрикнув от обжегшей боли, Кондрат заметил, что с ножа капает кровь. Его кровь. А светлая штанина быстро темнеет, меняя свой цвет на красный у места разреза. Нож прошел буквально в пяти вершках от его мужского достоинства, а ведь мог бы и отсечь. Это были уже не шутки. Осознав произошедшее, Кондратий чуть не поседел, а потом пришел в ярость. Уже машинально, каким-то боковым зрением он заметил еще один нож, летевший на уровне живота. Успел подставить щит, и клинок вошел прямо в него, прочно застряв, как и его собрат.

– А теперь в атаку! – вскричал вдруг кузнец, вскидывая свой меч над головой. – Добить его!

И все четверо бросились на боярина с разных сторон. В руках у подмастерьев он тоже заметил мечи. Но, в отличие от самого боярина, щитов не было ни у кого. Да и доспехов тоже. Это хоть как-то увеличивало его шансы на выживание. И все же их было четверо.

– Ну, мать вашу, – взорвался от ярости Кондрат, – сейчас я вам покажу обучение в реальном бою.

Он махнул щитом возле дерева и смел с него мешавший топор и пару торчавших ножей, освободив щит для работы. Свободной рукой поднял меч. Ярость придала ему силы, но вместе

с тем не лишила разума. Словно глядя на себя со стороны, Кондрат заметил, что остается на удивление спокойным. А мозг при этом работает четко и быстро. Отдавая такие приказы, о которых он и думать забыл с прошлой жизни.

Первым к нему подлетел подмастерье с левого фланга, а вторым на подходе был другой парень с правого. Центр атаки запаздывал буквально на несколько метров. Сам кузнец находился как раз там.

Приняв удар клинка первого подмастерья на щит, Кондрат с разворота саданул тому прямо кулаком в зубы. А в кулаке у него была зажата рукоять меча. Удар вышел на славу и почти по неписаным правилам бывшего атамана. А правило в целом было только одно, – не убивать совсем. А поранить или помять противника не возбраняется. Но никто, похоже, еще не ожидал от боярина такого. Его клинок даже не задел подмастерье, зато кулак, встретившись с челюстью на противоходе, отправил парня в нокаут. Сбил с ног. Подмастерье выронил меч и уже почти бездыханным отлетел на несколько метров, как кукла, набитая соломой. Исчез между деревьями.

– Получи, сволочь, – со злобным удовлетворением прошипел боярин. Это был тот самый подмастерье, что швырнул ему клинок в ногу.

Сдавленный крик парня утонул в хрусте ломаемых веток. Что случилось с его челюстью, Кондрат не слышал, да и некогда было. Приближалось еще немало желающих намять ему бока.

Расправившись быстро с первым противником, боярин отмахнулся клинком от удара второго и с разворота нанес ответный удар ногой по ребрам. И хотя на ноге были мягкие поршни, мало тому не показалось. Парень выронил меч, перегнулся пополам и тоже с криком исчез между деревьев. За его ребра Кондрат не поручился бы.

Теперь перед ним осталось всего два противника. Вернее, за ним, так как, нанося удар ногой с разворота, боярин оказался почти спиной к остальным нападавшим. Он спинным мозгом ощутил, как ослабился кузнец, предвкушая мощный и неотвратимый удар в спину. Но кузнец даже не догадывался, чему обучали «боярина» в прошлой жизни. Вместо того чтобы встать во весь рост и развернуться лицом к противнику, боярин, напротив, рухнул на землю почти целиком. Уперевшись щитом и кулаком, в котором был зажат меч, в землю, он увидел, как просвистел клинок третьего подмастерья высоко над своей головой. А сам парень, увлекаемый силой инерции, промахнулся и перелетел через него, кубарем скатившись вниз.

Понимая, что встать не успеет, Кондратий остался лежать, но перекатился на спину. За мгновение до удара кузнеца он прикрылся щитом, принимая клинок на него. Затем последовал новый удар, еще и еще. А боярин все катался по земле, уворачиваясь и подставляя то щит, то меч под удар сверху, но ни разу не позволил изумленному такой тактикой противнику поразить себя хотя бы в ногу. Зато сам, улучив момент между ударами, не вставая, вдруг нанес кузнецу болезненный пинок ногой под колено. Ноги кузнеца подкосились. Васька Волк покачнулся, подавшись назад, и даже согнулся, пытаясь удержать ускользящее равновесие. Но Кондратий не дал ему этого сделать. Он нанес еще один удар ногой, на этот раз прямо по колену. Раздался хруст. Получив новый удар, кузнец рухнул на землю, но меч не выронил.

Кондратию этого хватило. Он быстро вскочил на ноги и, отразив удар клинка возникшего из-за сосны третьего подмастерья, на этот раз окончательно вывел его из игры мощным ударом в пах. Парень взвыл, скорчился и, выронив меч, заскулил как раненый пес, откатившись в сторону.

Кузнец за это время успел вскочить на ноги, но поврежденное колено не позволило ему провести быструю контратаку. Зато дало несколько нужных мгновений боярину, который, к удивлению кузнеца, отбросил щит и меч в сторону, а потом с голыми руками отразил атаку меченосца. Он ушел в сторону от выброшенной вперед руки с клинком. Перехватил ее кисть,

заломил и повел в сторону так резко, что бывший атаман вслед за своей рукой описал круг в воздухе и рухнул мордой в грязь у самого озера.

– Ну что, кузнец, на сегодня игра окончена? – издевательски поинтересовался Кондратий, приближаясь к поверженному атаману, который медленно очухивался, сплевывая грязь изо рта, и ощупывал свое распухшее колено.

На этот раз учитель был явно раздосадован его успехами. И не смог справиться со своей досадой. А потому перед сном боярин снял поршни с онучами, водрузил на себя коромысло с двумя тяжеленными ведрами и сделал еще несколько кругов вдоль озера босиком, снова разорвав ноги в кровь. Зато он, к счастью, ни разу не получил за неторопливость по пяткам шершавыми палками от подмастерьев. Никто из них не смог в этот вечер составить ему компанию. Ошеломленный кузнец отправил всех зализывать раны.

– Завтра обо всем переговорим, боярин, – произнес он угрожающим голосом, в котором, однако, сквозило изумление пополам с восхищением, – завтра. Иди спать с богом.

Посчитав это за похвалу, уставший, но довольный собой Кондратий улегся на лежанку и заснул сном праведника. На всякий случай положив собственный меч под руку. Мало ли что. Места тут дикие, а люди обидчивые.

Глава шестнадцатая

По прозвищу «Коловрат»

На следующее утро он спал чуть дольше обычного. Даже проснулся сам, никто его не будил. «Уж не зашиб ли я кого вчера случайно?» – озадачился Кондратий. Он сел на лежанке, отбросив лохмотья, которыми прикрывался: ночь выдалась прохладной. Надел свой разодранный кафтан, который с каждым проведенным в лесу днем все более походил на рубище. Зашнуровал поршни и вышел на свет божий.

Кузнеца он нашел тут же, у стены кузницы. Следы вчерашнего побоища были налицо. Васька с перевязанным коленом пользовал своего подмастерья, лежавшего перед ним на двух досках, покрытых тряпицей. Намазал ему ребра какой-то зеленой дрянью и стал туго бинтовать старой повязкой, которая, видно, была на парне всю ночь. Подмастерье, раньше гоголем ходивший по поляне, теперь был похож на сильно побитую собаку и при виде боярина даже вздрогнул.

– Лежи тихо, – приказал кузнец, не обращая внимания на появившегося ученика, – пока не замотаю.

Повернув голову, Кондрат заметил третьего участника вчерашней тренировки по метанию ножей. Тот собирал хворост по краю поляны и как-то осторожно переставлял ноги, стараясь не побеспокоить промежность. «Ну, трое вроде живы, хотя и помяты, – слегка успокоился Кондрат, – и то ладно».

– А где четвертый? – вместо приветствия поинтересовался Кондратий.

– Ему ты вчерась зубы выбил, – спокойно ответил кузнец, бросив, наконец, взгляд на Кондратия, – да рожу повредил маленько. Лежит в землянке, мается. Ему теперь только отваром месяц питаться.

– Говорить-то может? – поинтересовался Кондрат.

– Пока мычать только, – ответил кузнец.

– Ну, извини, если что, – пожал плечами Кондратий, решив, что челюсть парню он, похоже, сломал, – я не со зла. Сами виноваты. Чуть не порешили меня своими ножами. Пришлешь его потом ко мне, лечу своему покажу.

Кузнец, похоже, и не обижался. Он закончил с перевязкой ушибленных ребер и встал в полный рост.

– Сами разберемся. Золота ты дал. Знахари имеются, да сам я кое-что врачевать научен. А в бою и не такое бывает. Им тоже полезно было с тобой повстречаться.

Кузнец приблизился на пару шагов, прихрамывая.

– Ты-то сам как? – уточнил Кондрат, оглядев слегка распухшую ногу. – Ходить можешь?

– Я заговоренный, – отмахнулся кузнец.

– Ага, – кивнул Кондрат, – что ж ты, заговоренный, вчера меня лежачего ушатать не смог?

Кузнец засопел, скрестив руки на груди. А Кондрат решил, что сказал лишнего. Но слово не воробей.

– Не все ты мне, похоже, рассказал, боярин, – проговорил Васька, проглотив обиду, – я хитер, да и ты непрост. Не мог ты в наших краях драться так научиться. А говорил, что забыл всё. Много я на своем веку видал, но таких вывертов ни разу. Откудова ты такой бой знаешь, без оружия?

– Мог, не мог, какая разница? – усмехнулся Кондрат, уходя от прямого ответа. – Ты же меня здесь заставляешь свои умения вспомнить. А с оружием или без, не столь важно. На мечях хорошо бьемся? Нападаешь ты с оружием? Вот, считай, что я и вспомнил. Просто чуть больше, чем хотел. Значит, ты молодец, получается. Чем сегодня займемся?

Он снова посмотрел на перемотанное колено учителя.

– Или вы сегодня болеть все собрались?

– Болеть нам некогда, – заявил кузнец и нехотя признал: – Но колено прыгать мне пока не даст. Хорошо ты своего учителя проучил. Урок мне будет. Подмастерья вообще пока из строя выбыли. Но я тобой займусь. Время терять нельзя.

– И чем сегодня развлекаться будем? Опять битвой на мечях?

– Можно и на мечях, – кивнул кузнец, теребя бороду, и сделал какой-то знак подмастерью, – но с мечами у тебя уже неплохо получается. Позже продолжим обучение. А с утра займемся стрельбой. Это умение тоже важно для боя. Лук-то в руках держал?

Кондрат неуверенно кивнул.

– Держал, да нечасто.

– Пойдем-ка тогда за мной, я тебе кое-что поинтереснее лука покажу.

Они вернулись в кузницу, и Васька сразу повел своего ученика в дальний конец кузницы, сначала все же указав на висевшие вдоль стены луки.

– Бери вот эти два, который подлиннее и тот, что покороче, таким степняки управляют. И стрелы вон там в колчанах лежат.

Пока боярин снимал все со стены, Васька Волк возился в дальнем углу, за мехами, извлекая оттуда что-то. А когда закончил, то предъявил боярину странную конструкцию, похожую на средней величины лук с приделанным ложем для стрелы и упором. А еще на нем виднелись крючки для натяжения тетивы. Судя по лицу учителя, тот ожидал от боярина как минимум восхищения диковинной вещью. Но реакция Кондрата, который сразу признал в устройстве арбалет, осмотрев его даже с некоторым пренебрежением, удивила бывшего атамана гораздо сильнее. Однако кузнец еще не потерял надежды удивить своего ученика.

– Не пойму, ты видал, что ли, такую вещь уже? – спросил он с сомнением, протягивая арбалет Кондратию.

Тот взял арбалет, покрутил его в руках и вернул назад.

– Было дело, – соврал он.

– Да где же ты его видал, боярин? – удивился еще больше Васька, сжав арбалет. – Я же его своими руками в дальнем западном походе добыл. У воина франков отнял, жизни лишив. Тому уж годов десяток будет. А на Руси я таких луков отродясь не видал. Так поведай мне, откуда тебе сие оружие известно?

– Так ты что, меня арбалетом хотел удивить? – усмехнулся Кондратий вместо ответа.

– Верно, – кивнул Васька, услышав знакомое название, – франки промеж себя его почти так и называли.

– Я с ним давно знаком. Может даже, не забыл, как обращаться, – подтвердил со значением Кондрат, решив и дальше упираться на авторитет. – А откуда, так про то тебе знать необязательно.

– Может, тебя оттого Коловратом кличут?³² – не унимался уязвленный кузнец, которому очень хотелось, но не удалось произвести на всезнающего боярина неизгладимое впечатление диковинкой, которых на Руси вообще быть не могло.

– Может, и оттого, – подпустил туману боярин, – кончай разговоры, пойдем лучше постреляем из луков. Тоже дело. Заодно можно и арбалет твой опробовать, если он у тебя работает, да стрелы специальные имеются.

---

³² История возникновения прозвища знаменитого Евпатия «Коловрат» имеет несколько версий. По одной версии в XIII веке «самострельными коловратами» на Руси называли разновидность арбалета, для приведения в боевое положение которого использовался вращательный механизм в виде круга с рукояткой. Отсюда «Коловрат» – это самое обычное прозвище воина, умевшего хорошо обращаться с арбалетом. Хотя, по официальной исторической версии, в XIII веке на Руси еще не знали арбалетов. // Кроме того, имеет хождение другая версия, что Коловратом прозвали воина за виртуозное умение вести бой сразу двумя мечами. Однако и в том, и в другом случае никакого языческого смысла это прозвище не несет. Тем более что сам Евпатий был православным, как и вся его дружина.

– Пойдем, – кивнул окончательно заинтригованный Васька, не ожидавший такого расклада. Ученик продолжал его удивлять второй день подряд. – И про стрелы особенные тоже знаешь. Мудрено.

Они вышли во двор, где Кондрат с неподдельным удивлением обнаружил несколько чучел из мешковины, набитых соломой. «Живучие у местного кузнеца подмастерья. И когда только успели», – подумал он, но вслух злить кузнеца не стал. Он и так уже нанес немало ударов по самолюбию бывшего атамана, пора было остановиться. Мало ли на что этот кузнец способен в минуту слабости.

Кондрат присмотрелся. Мишеней для стрельбы было пять штук, и все развешены на деревьях у дальнего конца поляны. От воды, вдоль леса, до единственной тропинки. Кондрат попытался определить расстояние. На глаз получалось, что ближние чучела висели метрах в пятидесяти, а до самого дальнего чучела было примерно в три раза дальше.

– Возьми лук, что подлиннее, – приказал Васька, положив пока арбалет в сторонку, – да стрелу с костяным наконечником из вон того колчана. А потом постарайся попасть в ближнюю мишень.

Боярин повиновался. Взял стрелу, приладил. Натянул изо всех сил тетиву и, прицелившись как мог, выстрелил в мешок с соломой. Стрела с еле слышным свистом пролетела в стороне от мешка и пропала в лесу.

– Вторую бери, – удовлетворенно кивнул Васька Волк, – да не тяни со всей дури. Лук, он нежного обращения требует. Как и любое оружие. Для воинского человека это первойшая заповедь.

Кондрат не стал комментировать слова учившего его стрельбе воинского человека, когда-то промышлявшего грабежом, а просто выполнил указание. В этот раз стрела прошла гораздо ближе. С третьего раза он сумел задеть мешок. Стрела, пролетая мимо, впилась-таки в бок мешка и повисла опереньем вниз, запутавшись в соломе.

– Молодец, боярин, будем считать, что поранил противника, – ухмыльнулся Васька, – дай-ка мне лук. Покажу, как надо стрелять.

Он взял лук из руки боярина, вложил стрелу, медленно натянул тетиву, показывая наблюдавшему за ним Кондрату правильные действия, и плавно отпустил. Стрела вонзилась в самый центр мешка, пригвоздив его к сосне.

Купец покровительственно взглянул на Кондратия и сделал следующий выстрел, но уже гораздо быстрее. Тетива не успел отзвенеть, как стрела уже пробила мешок рядом со своей предшественницей.

– А вот так надо стрелять в бою, – продолжал демонстрировать свои умения бывший атаман, – что с коня, что со стены, что с ладьи.

Он закинул лямку колчана за спину. Взял покрепче лук в левую руку. И стал пускать стрелы, неуловимым движением выхватывая их одну за другой из-за спины. Стрелы летели почти безостановочно. В каждую мишень – а кузнец стрелял только по ближним – он всадил по несколько стрел рядком ровнехонько в одну линию, прежде чем колчан почти опустел.

– А теперь попробуем достать дальние мешки, – сообщил Васька, – но этот лук туда не достанет. Дай-ка мне вон тот, покороче, оружие степняков.

– Это каких таких степняков? – делано изумился боярин, которому не терпелось узнать хоть что-нибудь о единственных известных ему степняках. – Ты что же, и со степняками знаешься?

– У меня везде знакомых довольно, – хитро ухмыльнулся в ответ кузнец, принимая короткий изогнутый лук с костяными наконечниками, – и в мордве, и у буртасов, и у половцев, и в самой Волжской Булгарии. Мы же на самом краю живем, боярин. До степи от нас рукой подать. Али забыл? Да мало ли где в степи с луком управляться умеют. Им без лука не прожить. Это мы с одним ножичком прожить можем.

Не услышав ничего о монголах и татарах, Кондрат махнул рукой. Мол, показывай, как твои степняки стреляют. И кузнец, имевший тайные связи, похоже, по всему подлунному миру, показал. Он прицелился хорошенько и выпустил стрелу по дальним мешкам. Стрела эта, преодолев всю поляну, достигла-таки мешка с соломой и поразила его в самую середину.

– А этот лук отчего не достанет? – уточнил Кондрат, показав первый.

– Этому далеко, он хорошо бьет только в ближнем бою. В даль стрелять только стрелы зря тратить. На, бери лук степняков, да по дальним мешкам поучись.

Кондрат взял лук. Но прежде чем начать пускать стрелы, немного рассмотрел. Этот лук был хоть и короче прежнего, но сделан как-то иначе. Несмотря на отполированное ложе, было видно, что он склеен из нескольких видов дерева, старательно подогнанных друг к другу. Концы его вообще были сделаны из рогов какого-то животного. Тетива звенела на разные лады, если прикоснуться. А в целом лук был более тугим и требовал немалой силы.

Первую стрелу боярин пустил мимо. Как и вторую. И третью. Между тем кузнец невозмутимо наблюдал, как его ученик транжирит стрелы, улетающие в лес. Задаток за обучение этого странного боярина он получил такой, что пару новых кузней выстроить можно, не то что колчан стрел прикупить. Он лишь подсказывал после каждого неудачного выстрела, как держать спину, оттягивать руку или куда упереться ногой.

С десятого выстрела лук в руках Кондратия наконец-то смог поразить дальнюю мишень. Стрела пробила верхнюю часть мешка, выйдя наружу. Окажись там человек, он был бы прошит насквозь.

– А доспех такой лук пробьет? – вдруг спросил Кондратий.

– Дельная мысль, боярин, – похвалил кузнец, – вот сейчас сам и узнаешь. Эй, Митяй, развесь-ка там кожаные рубахи, те, что попрочнее. Да кольчугу одну притащи. В дальнем конце кузни лежит, я ее еще не доделал.

Вскоре на дальних мешках красовались две кожаные рубахи с металлическими пластинами на груди – обычная защита русского ратника из небогатого рода – и одна кольчуга с короткими рукавами.

Кондрат прицелился в кожаный нагрудник и выстрелил. Он уже немного набил руку и теперь угодил в цель с первого раза. Стрела ударилась аккуратно между нагрудными пластинами, но пробить доспех не смогла, упала на траву. Он пустил вторую, и та отскочила. Тогда Кондрат сменил цель и выпустил несколько стрел по кольчуге. Два раза промазал, обе стрелы застряли в мешке, а третья ударила точно, но отскочила, не пробив кольчугу. Учитель был доволен такой меткостью и даже похвалил Кондратия. А боярин, как показалось, был озадачен своим результатом.

– Это что же получается, – пробормотал он, словно разговаривал сам с собою, – с такого расстояния вообще доспех не пробить?

– Можно, если повезет, – успокоил его бывший атаман, – но редко такое бывает. Тут стрелы нужно брать потяжелее и с другим наконечником. Тебе пока ни к чему. А вообще доспех из лука только вблизи пробить можно.

– Тогда я попробую на ближних мешках, – решил Кондрат, – эй, там! Перевесьте-ка доспехи поближе!

Когда приказание было исполнено, он несколько раз выстрелил и вскоре пробил кожаный панцирь. Потом еще раз. Но кольчугу пробить так и не удалось. И на этот раз результаты стрельбы скорее озадачили боярина, чем обрадовали.

– Значит, наши простые ратники в таких доспехах против стрел степняков на ближнем расстоянии почти беззащитными окажутся? – опять подумал вслух Кондрат.

– Каких степняков, боярин? – переспросил вконец озадаченный Васька. – Что ты все заладил про степняков? Не пойму я, чем ты недоволен. Попал в цель, молодец. А войны же нет никакой? Чего нам бояться этих луков.

– Войны нет, – кивнул, приходя в себя, Кондратий. – Пока. Но бояться надо. Хороший лук – опасное оружие в умелых руках. А степняки с ними, как ты сам говорил, обращаться умеют очень хорошо. Да и живут недалеко.

– Недалеко, – согласился кузнец, – это ты верно сказал.

Кондратий между тем постоял немного, разглядывая мишени. Даже сходил к ним.

– Ну, давай теперь твой хваленый арбалет в деле испытаем, – предложил боярин, желая немного подзадорить своего гордого учителя, – чего ему зря пылиться.

– А давай, – согласился Васька Волк, – только промеж нас его коловратом прозывают, как тебя. Да и цель ему попрочнее нужна. Доспех пробьет на раз. Вещь стоящая. Митяй, принеси-ка щит.

Пока Митяй с ушибленными ребрами водружал щит на сосну у дальнего края поляны, кузнец накинул крючки на тетиву арбалета и ловким движением натянул ее, защелкнув замок. А потом так же ловко, отработанными движениями, вставил в специальное углубление короткую стрелу – или болт, как ее еще называли.

– Ловко у тебя как получается, – заинтересовался боярин, – будто ты сам у франков служил в арбалетчиках.

– А если и служил, – ухмыльнулся Васька Волк, – поучиться ратному делу никогда не худо.

– Так ты еще и язык франков этих, может, знаешь? – гнул свою линию Кондратий, все более заинтригованный знаниями бывшего атамана и путями, по которым знания приходили к этому «кузнецу».

– Отстань, боярин, – отмахнулся от него кузнец, уже приготовивший арбалет для стрельбы, – смотри лучше, как эта штука доспехи бьет. И учись, если знал, да забыл. Я же тебя не спрашиваю, откуда ты про это оружие сведал, когда на Руси еще ни одна живая душа, может, кроме меня, о нем не знает.

И прицелившись, выстрелил по кожаному панцирю. Короткий арбалетный болт вошел в доспех как в масло, пробил насквозь мешок и с глухим стуком вонзился в дерево. Заученным движением кузнец опустил арбалет на землю, уперся в него животом, зацепил крючками и натянул тетиву. Вставил стрелу. И выстрелил снова. На этот раз по щиту. Болт с треском ударил в щит, разметав щепки в стороны на месте попадания, но не застрял в нем, а пропал из вида. Во всяком случае от кузницы его было не видно. Только дырку в щите.

Ученик с учителем, оба бросились к мишени, чтобы посмотреть, что там произошло. А когда оказались рядом, выяснилось, что болт пробил этот щит насквозь и вонзился в дерево.

– Да, это оружие тоже нам не сулит ничего хорошего с такими доспехами и щитами, – пробормотал боярин.

– Щит не из самых прочных и доспехи получше бывают, – насупился кузнец. – Да что ты все заладил про войну, боярин. С таким оружием никто к нам все равно не придет. Франки от нас далеко, а степнякам и луков хватает.

– Оно не только франкам известно, – выпалил Кондрат, но тут же пожалел о том, что сказал. Глаза кузнца загорелись неподдельным интересом. – И мы должны быть готовы, на всякий случай. Надо бы и нам их иметь в рязанской дружине. Соорудить такое же сможешь для нашего князя?

– Ох, зря я его тебе показал, – засомневался кузнец, – черт меня попутал.

– Для себя, что ль, хотел сберечь, – догадался боярин, – да из-под полы торговать?

– А может, и так, тогда что? – взъерился Васька, глаза которого загорелись огнем, как у настоящего волка. – Ты знаешь почем один такой продать можно, если ни у кого больше нет?

– Все о корысти своей печешься, атаман? – усмехнулся Кондрат. – А говоришь, золото не любишь. Ладно, после договорим. Чем займемся дальше?

Огонь в глазах атамана потух. Он взял себя в руки, вновь входя в роль учителя. Однако задание осталось прежним. До самого вечера боярин упражнялся в стрельбе. Из одного лука, местного изготовления, как позже выяснилось, да из другого, от неизвестных степняков попавшего к атаману. Потом из арбалета еще пострелял, перевесив доспехи подальше. Но и там изделие франков пробивало любой доспех, даже кольчугу. И хотя за один день великим стрелком стать было невозможно, до заката он уже умел сносно управляться с луком и арбалетом франкского производства. Продырявил все доспехи и мешки, которые только смог ему предоставить предприимчивый кузнец.

– Ну, хватит на сегодня. Иди спать, боярин, – подвел итог дня Васька Волк, когда стало смеркаться, – завтра продолжим. Но уже поинтересней задачка будет.

Глава семнадцатая

Ночные охотники

А утром у Кондрата началось неожиданное приключение, немного разбавившее его однообразную жизнь ученика в этой кузнице. На следующий день, когда колено у кузнеца немного зажило, он взял жадного до учения боярина и еще одного из менее всего пострадавших подмастерьев на охоту.

– Пойдем на болота живность искать, – сообщил он, разбудив спозаранку своего ученика. – А ты, боярин, проверишь на деле, как из лука бить по беспокойной мишени.

– Арбалет твой возьмем? – уточнил обрадованный Евпатий, потягиваясь. – Из него и крупную дичь подбить можно.

– Подбить можно, – кивнул кузнец – научиться метко стрелять это как раз для тебя главная забота будет в этом деле. Только крупная дичь тут редко попадается. Хотя, может, нам и повезет в этот раз. А еда для тебя все равно только одна – хлеб да вода.

Поморщился недовольный Кондрат немного, но что поделать – уговор есть уговор. Взяв немного еды в котомках, луки, колчаны со стрелами, арбалет и каждому по длинному кинжалу, все трое направились вслед за атаманом по незаметной тропинке, что вела в глубину леса. Спустя час они были уже на болотах, оставив лесное озеро далеко позади. Зато теперь до них стал доноситься отдаленный шум бегущей воды. Не иначе как приблизились опять к той самой речке Проне, с которой свернул отряд боярина по дороге сюда.

Места были топкие. В поисках дичи бродили охотники, осторожно ступая по кочкам, почти целый день. То приближаясь к речке, то удаляясь от нее. За этот день Кондрату повезло выстрелить с десятков раз и однажды даже подранить утку, которая упала в самую топь. Так он ее и не достал, только зря стрелу потратил. Васька учил его ходить осторожно по лесу, стрелять на слух и различать шорохи, но это искусство так быстро не дается. Как ни старался боярин ступать бесшумно, сам только эти шорохи и создавал. То на ветку наступит с треском, то в яму, травой прикрытую, провалиться, – только дичь распугал. По лицу Васьки было видно, что не раз ему хотелось отвесить своему ученику хорошую затрещину, особенно когда, ближе к вечеру, на длинной и глухой полянке они натолкнулись на оленя. Один неосторожный шаг боярина, треск сучьев и оленя след простыл.

К вечеру все промокли и устали, но атаман и не думал возвращаться. Когда солнце начало садиться, Васька остановился на холме, где было посуше, и неожиданно приказал готовить ночлег. А сам исчез, прихватив лук. Боярин хотел было возмутиться, оставшись наедине с подмастерьем, смотревшим на него исподлобья, но делать было нечего. Приходилось надеяться, что атаман их тут не бросил на погибель, ибо выйти отсюда сам Кондрат не смог бы. Но когда стемнело и боярин начал нервничать, атаман вернулся к уже разведенному огню с двумя подстреленными зайцами. Подмастерье быстро освежевал их и зажарил на огне.

– Я тропу видел и следы лосиные, – сообщил Васька, уплетая за обе щеки зайчатину, – а еще траву, кабаном примятую. Живность тут есть. На рассвете подобьем кого-нибудь. Не зря же с собой арбалет таскаем. Может, и тебе повезет, боярин.

– Может, и повезет, – не стал спорить Кондратий, укладываясь спать на сырой земле, укрытой лишь заранее наломанным лапником. Он с завистью поглядывал на зайчатину, которой ему даже не предложили. Только хлеб и воду, согласно договору. Боярин, как смог, закутался в свой рваный кафтан и прихваченную на такой случай ветошь. Отвернулся спиной к догоравшим углям и осторожно положил рядом с собой кинжал. Последний разговор насчет арбалета все не выходил у него из головы. Бывший атаман явно был раздосадован, что мог потерять единоличное право на производство этого оружия, никому еще не известного здесь. Мало ли что мог учудить. Больно злопамятный с виду. А тут еще ночь, темный лес, луна светит

из-за облаков, ни души кругом. Только комары-кровососы поют свою заунывную песню. И все же боярин надеялся на благополучный исход. Ну, не дурак же Васька, в самом деле, должен понимать, что боярин его не обидит и заплатит хорошо за такую работу, да еще для князя. Впрочем, что у бывшего атамана, любившего косить под простачка, на душе делается, никто доподлинно не знал. А потому Кондрат заснул чутким сном, сжимая в руке острый кинжал.

Но беспокоился он зря. Да и сноровка в этот раз подвела. Как ни старался боярин рязанский спать чутко – отрубился быстро и продрых всю ночь без задних ног. Так намаялся за день по болотам шастать, что про всякие опасения позабыл. Атаман, если б захотел, мог бы его тепленьким прирезать во сне. Ножом по горлу и всё. Но очнулся Евпатий от мягкого толчка в плечо.

– Тихо, – приказал властный голос, исходивший от силуэта, едва различимого на фоне темного неба, – вставай, боярин, бери нож с луком и ступай за нами. Пойдем туда, где я следы видел вчера.

– За лосем? – протирая глаза, вполголоса спросил боярин.

– А это уж как выйдет, – туманно ответил бывший атаман, – зверь дело ненадежное.

Быстро собрав свои нехитрые пожитки, охотники ушли с сухого и теплого места, где их всю ночь согревали прикрытые сверху дерном угли. Костер спутники боярина развели вчера как-то по-особому, в специально раскопанной яме. Да так потом и спали всю ночь вокруг тлеющих углей, как ни странно, почти не дававших дыма. Охотничьи умения пока оставались для Кондратия загадкой, но он пообещал себе позже изучить и эту сторону жизни местных обитателей. Такой опыт всего пригодится любому, оказавшемуся в бескрайнем лесу один на один со стихией. А потому боярин пытался вытянуть из каждого дня обучения максимум пользы для своего будущего. Вдруг нападет враг неожиданно. Может, те самые степняки. И придется спастись в лесу. А он пока не до конца готов к такому повороту. Да мало ли чего он еще не знает в этой жизни. Он даже не знает, какой на дворе стоит год.

Все эти мысли терзали боярина, пока охотники в предрассветных сумерках плутали между кочек по болоту, а потом, выйдя на сухое место, меж деревьев по лесу. Наконец, Васька Волк остановился, приподняв руку, и подал знак лечь на землю. Оба его спутника повиновались, сам же бывший атаман, с арбалетом за спиной, прихваченным специальным ремнем, осторожно прополз еще метра три до вершины небольшого холма, у подножия которого они остановились в ожидании дальнейших команд. И лег там, что-то высматривая на другой стороне. Кондрат поначалу остался лежать, где было велено, слушая редких птиц, лениво щебетавших в кронах деревьев, да стрекот кузнечиков. Больше предрассветную тишину ничто не нарушало. Разве что громкое кваканье лягушек, доносившееся из соседнего болотца, да зудение комаров. Вскоре небо стало едва заметно светлеть. Так они пролежали довольно долго, ожидая неизвестно кого. Наконец, боярину это молчаливое ожидание надоело, и он подполз к Ваське.

– Слушай, – пошептал он, осторожно толкнув в бок будто заснувшего в траве охотника, – а какой нынче год?

– Ты чего, боярин, – злобно прошептал в ответ Васька, в раздражении, что сейчас Кондрат опять спугнет зверя, не найдя лучшего времени для своих глупых расспросов, – совсем память потерял? Тыща двести тридцать пятый от Рождества Христова.

Услыхав это, Кондрат кивнул, перевалился на бок и с виду успокоился. Но на самом деле он изо всех сил напрягал мозг, пытаясь выудить из его глубин, что же в этом году происходило на Руси. Проблема была в том, что в прошлой жизни он не слишком хорошо учил историю. И с датами у него было не все в порядке. Гораздо больше молодой казак интересовался верховой ездой и самообороной без оружия, что ему, надо сказать, здесь и пригодилось. А события столь давних лет оставались ему неизвестны всю сознательную жизнь. Во время службы в армии тем более хватало практических задач. И первая из них – как выжить в бою.

Однако сейчас Кондратий пожалел, что уделял так мало времени изучению родной истории. Если не считать истории казаков. По всему выходило, что угодил он в то время, когда о нашествии монголо-татарских полчищ еще никто не слышал. Но оно наверняка будет. Вот только когда? И, знай он, сколько времени осталось до начала этой свистопляски, можно было бы кое-что предпринять. Тем более что он оказался здесь не безвестным крестьянином, а боярином с деньгами, да еще водившим дружбу с самим князем рязанским. И шепнув князю важное словечко, глядишь, можно было бы и Рязань спасти от разорения. Да еще кузнец этот подвернулся со своими арбалетами. Вооружить такими сотню-другую ратников, и можно будет покосить степняков со стен Рязани, даже не подпуская их к городу. Да и в поле они могут сгодиться. Да мало ли где еще.

Лежа на мокрой от росы траве, сжав в руках лук и отбиваясь свободной рукой от назойливых комаров, Кондрат с удивлением поймал себя на мысли, что уже начал обдумывать, как ему помочь князю улучшить боевые возможности армии рязанцев. «Командирский опыт не пропешь, – усмехнулся Кондратий, довольный ходом своих мыслей, – хоть в прошлой жизни, хоть в настоящей. Мы еще и тут послужим».

Однако ход его мысли был прерван грубым тычком в бок. Оказалось, что Кондрат так глубоко задумался, что даже не слышал команд, которые ему яростным шепотом подавал бывший атаман.

– Чего? – вскинулся он, приходя в себя, и только тут расслышав какое-то хрюканье, доносившееся с той стороны холма.

– Спустись вниз и обойди холм слева, – прошипел Васька, стягивая со спины арбалет, – там распадок. Митяй перекроет путь слева, я нападу сверху, если кто на тебя выскочит – бей с ходу.

– Да кто выскочит-то? – недопонял боярин, но Васька, увлеченный охотничьим азартом, только отмахнулся и пополз к самому краю с заряженным арбалетом в руках.

Кондрату ничего не оставалось, как выполнять приказание учителя. Он осторожно сполз вниз и, обойдя край небольшого холма, действительно оказался в распадке, отделявшем его от соседнего склона. Оба густо поросли лесом. А по дну распадка стелился мох и какие-то кусты, почти по пояс высотой. В этой растительности трудно было что-нибудь разглядеть особенно сейчас, в предрассветной мгле, хотя и становилось светлее с каждой минутой. Тем не менее Кондрат взял лук наизготовку, приладил стрелу, чуть оттянул тетиву и замер в ожидании неизвестно кого. Нож был засунут за край поршня и для надежности прихвачен у рукояти еще одним ремешком.

В это мгновение сверху раздался приглушенный щелчок – сработал курок арбалета. На той стороне холма лесную тишину разорвал дикий визг. Стрелок, похоже, угодил точно в цель. Только зверь, а это был явно не олень или лось, почему-то не умер на месте. Более того, к надсадному визгу одного подранка добавилось яростное хрюканье еще как минимум трех глоток. Затем послышался приглушенный стук копыт, и в распадке задрожала земля.

– Кабаны, – пробормотал Кондрат, скидывая лук, – целый выводок.

В этот момент огромная туша разъяренного кабана показалась в конце распадка. А за ней, судя по звуку, шли все остальные его родственники. Раненый вепрь устремился сквозь кусты напрямик на Кондрата, ломая все на своем пути. Боярин выстрелил и даже попал, как ему показалось. Но стрела, пущенная по касательной, отскочила от толстой шкуры кабана, как от брони. В этой темноте было ничего толком не разобрать, да и кабан передвигался стремительно. Кондрат потянулся за второй стрелой и даже успел ее выхватить из колчана, как вдруг огромная туша, оказавшись рядом, буквально свалила его с ног, ударив в колено всей массой. И начала топтать. Послышался треск разрываемых штанов, а потом и многострадального кафтана. Что-то твердое и острое, вспоров материю, садануло по ребрам, но, к счастью, не проткнуло. Здоровенный кабан прыгал по ногам боярина, пытаясь достать его тело клыками. И тут

Кондрат понял, что жить ему осталось буквально мгновение, если не успеет отбиться. Отбросив ненужный лук, лежа на спине, Кондрат изловчился и согнул правую ногу. Затем молниеносным движением выдернул нож из привязанных к поршням ножен. Походя он мысленно поблагодарил себя за предосторожность и второй ремешок, который не позволили ножу просто выпасть во время неожиданной атаки вепря.

И тут Кондрат почувал, что вепрь сунул свою мокрую и лохматую морду под его спину с явным желанием поддеть на клыки своего обидчика. Боярин изловчился, резким движением схватил кабана за левое ухо и с разворота всадил длинный нож за правое. По самую рукоять. Кабан дернулся, захрипел и отшатнулся от него. Новый визг огласил окрестности лесного озера. Кондрат выдернул нож и для надежности еще раз всадил его наугад в брюхо кабана, провернул и дернул на себя, вспарывая живот. Вепрь завалился на бок, и на этот раз из его рта раздался не визг, а скорее предсмертный хрип.

В этот момент рядом прошелестел арбалетный болт и ударил второго кабана, сразив насмерть. Это был небольшой кабанчик, молодая поросль из выводка, остальные особи которого, ломая ветки, с треском продирались сквозь лес, уходя от возникшей опасности.

– Жив, боярин? – спросил кузнец, спускаясь с холма и останавливаясь рядом с поверженным вепрем, изо рта которого все еще слышались предсмертные хрипы.

– Вроде жив, – неуверенно ответил Кондрат, вставая и ощупывая ушибленное колено, – ребра на месте. Весь в крови измазался, но это не моя.

– Успел выстрелить?

– Успел, – кивнул Кондрат, – только стрелы от его шкуры отскакивают.

Положив разряженный арбалет на траву, бывший атаман присел на колено и осмотрел умирающего зверя. Тот уже перестал хрипеть и затих, испустив дух. Васька нашел свою стрелу, торчавшую из холки. Ухватил за оперение и выдернул.

– Хороший зверь, – резюмировал свои наблюдения кузнец. – Похоже, что это ты его, боярин, своим ножичком. Молодец. От моей стрелы он бы не умер. Разве что позже, подранком. С почином!

Кондрат довольно ухмыльнулся, утер нос и случайно размазал рукой по лицу кровь зверя.

– Учусь помаленьку.

– Ну, а раз ты в порядке, – заметил на это бывший атаман, усмехаясь в бороду, – то бери его себе на холку и тащи в кузницу. Такое тебе будет задание на сегодня, охотничек.

Кондрат с сомнением посмотрел на здоровенную тушу кабана, а потом перевел взгляд на учителя, в надежде, что Васька шутит. Но это были не шутки. Еще полдня, отдав лук со стрелами бывшему атаману, еле выдирая ноги из болота, Кондрат тащил тяжеленного кабана на себе. Изредка он с завистью поглядывал на Митяя, который шел впереди и тащил второго кабанчика, который был почти вдвое меньше в размерах. А сам учитель и главный охотник, хоть и пристрелил-таки одного кабана и ранил второго, по праву старшего по званию не тащил с охоты вообще ничего. Если не считать арбалета и лука, заброшенных за спину.

Когда они оставили большие болота далеко за спиной и вновь вышли на тропу, что вела к озеру, Васька неожиданно приблизился к еле ковылявшему Кондратию.

– Уже недолго осталось, – поддержал он ученика, – как донесем до кузни, там сразу и разделаем. А ближе к ночи попируем на славу.

– А как же всю неделю на хлебе и воде? – не удержался от ерничества боярин.

– Учение твое к концу движется. Седмица почти прошла, – философски рассудил бывший атаман, прищурившись на солнце. – Да и лесных духов надо уважить, – охота вышла удачной. Не каждый раз такой прибыток бывает. Коли вепря ты взял, по всему выходит, значит, ты и должен его отпробовать. А то удачной охоты больше ни тебе, ни нам не будет.

– Ну, если только духов уважить, – как бы нехотя согласился Кондрат, – да ради хорошей охоты. Можно и съесть мясца кусочек.

Вечером они и правда устроили пир. Освеживали обоих кабанов и заготовили столько мяса, что можно было накормить дюжину голодных мужиков и еще останется. Но съели далеко не всё. Только молодого кабана, выпотрошив, кузнец насадил на вертел и поджарил на углях. А второго разделал на куски. Ребра и жилы с ребухой отделил, но не выкинул. Оставил для каких-то своих нужд. Может, зелья лечебные готовить, а может, смазку для оружия. Само мясо чуть подкоптил и бросил вялиться на солнце. Видно, это был такой способ заготовки мяса впрок, о котором Кондратию было ничего не известно.

– Ну что, учитель, теперь удача от нас на охоте не отвернется? – спросил Кондрат, когда, наевшись от пуза, лежал рядом с костром, поглаживая ушибленное-таки кабаном колено. Следы от клыков, оставшиеся на ребрах, кузнец-знахарь уже смазал ему знакомой зеленой бодягой. Щипало сильно, но зато кровь перестала сочиться. Главное, что сами ребра были в порядке. Отделался лишь несколькими ушибами да легким испугом.

– А куда ж ей от нас деваться, – подтвердил Васька, тоже расслабившийся после сытной и обильной трапезы, во время которой он даже хлебнул медовухи. Ученику, однако, не предложил, хотя Кондрат не отказался бы.

– Так, может, завтра опять на охоту? – предложил Кондрат, входя в раж. Его распирало от охотничьей гордости и тянуло на подвиги, даже несмотря на то, что медовухи он не пил. Но тут и медовухи было не надо. Он только начал осознавать, что совершил. Как-никак, а Кондрат Зарубин своими руками впервые в жизни завалил здорового кабана, едва не вспоровшего ему бока. От таких ощущений кого угодно потянет на новые подвиги. И Кондрат ощущал себя чуть ли не великим охотником. Хотел тотчас отправиться добывать новые трофеи. Но кузнец, чуть ранее разрешивший забрать ему с собой шкуру кабана, быстро охладил пыл начинающего охотника.

– Ты забыл, для чего сюда приехал, боярин? – проговорил бывший атаман, возвращаясь в роль учителя. – Вспоминать, как драться на мечах и другом оружии. Я слово дал тебя заставить вспомнить. А я свои слова держу. Охота – для развлечения хорошо. Поохотились, с луком побегали, и будет. Этим ты и без меня заняться завсегда сможешь. Я слышал, что ты неплохим охотником был, пока память не потерял. А покуда слуги твои сюда не возвратились, надо еще кое-что в тебе понять да проверить.

«И правда, – чуть не хлопнул себя по лбу боярин, – Евпатий же князя от медведя на охоте спас. Как же я забыл!»

Васька Волк умолк ненадолго, почесал бороду, глотнул медовухи из баклажки и закончил, наконец, свою речь:

– Завтра опять с мечами начнем круговерть. Хочу посмотреть, какой ты на самом деле коловрат.

Так и порешили. Наутро, после легкой трапезы, бывший атаман немного удивил боярина, выдав тому кожаную рубаху с медными пластинами на груди, шлем и ко всему сразу два меча. А сам, облачившись в легкий кольчужный доспех, тоже встал напротив с двумя клинками в руках. «Это похоже на выпускной экзамен, – почему-то подумал Кондрат, поигрывая своими двумя клинками, по шероховатой поверхности которых лениво ползали тусклые солнечные зайчики, – похоже, учитель решил, что пора привыкать драться в доспехах».

– Вспоминай, боярин, – глухо приказал бывший атаман своему ученику, – за что тебя Коловратом прозвали.

И пошел в атаку, с размаху обрушивая на Кондрата один удар за другим. Бывший атаман отлично бился с обеих рук, но и боярин, к своему удивлению, сумел ему кое-что противопоставить. Хорошо отдохнувший за ночь Кондрат, к тому же не пивший медовухи, крутился как заведенный, методично отбивая удары противника обеими руками. Причем делал это так искусно, что сам диву давался. В этом почти настоящем бою лихой Васька Волк не жалел доспехов, уже несколько раз полоснув острием клинка по бокам и плечам кожаной рубахи своего

ученика, и однажды даже по маковке островерхого шлема, что родило звон в ушах. Но рязанский боярин Евпатий Коловрат и в самом деле вел себя так, словно бился на двух мечях с самого рождения. Он, как многорукий бог, вращал довольно длинными мечами вокруг себя, отбивая все попытки противника серьезно ранить или убить. Как ни старался его учитель нанести урон доспехам боярина, кроме нескольких незначительных царапин да скользящего удара по шлему, ничего не выходило. А вот Евпатий, наоборот, с каждым мгновением становился все сильнее. Битый час под звон мечей противники прыгали по поляне, перемещаясь из одного угла в другой. Никто не мог взять верх.

Это тянулось до тех пор, пока Кондрат, сделав обманное движение, ловким ударом не выбил один меч из рук своего учителя, а вторым рубанул по лодыжке, заставив Ваську подпрыгнуть в воздух. Никому неохота лишиться ног, да еще в учебном поединке. Ведь никаких поножей, защищавших нижнюю часть ног, его учитель не выдал и сам не надел. И потому Васька прыгнул так лихо, что позабыл про коленку, поврежденную парой дней ранее. Однако хитрому боярину только этого и надо было. Когда бывший атаман приземлился обратно, слегка покачнувшись назад и отведя руку с клинком чуть в сторону, то немедленно получил резкий удар ногой в грудь. Да такой сильный, что отлетел на пару шагов и рухнул навзничь, даже выронив меч. А Евпатий метнулся вперед, вторым ударом ноги прибил его к земле, не дав подняться. А потом эффектно приставил клинок к горлу, закончив экзамен.

– Ну, ты истинный коловрат, – усмехнулся бывший атаман, медленно отводя пальцами острие от своего кадыка. При этом в глазах его блеснул холодный и злой огонек, – двумя мечами машешь так, что залюбуешься. Нечего тебе больше, боярин, вспоминать про мечи. Остальное в бою вспомнишь.

– А как же двуручный? – напомнил Кондрат.

– Ну, это на любителя, – заявил Васька, вставая и отряхиваясь, – для богатырей особенных подойдет. А тебе без надобности.

– А я что, – слегка обиделся Евпатий, поводя плечами, – рылом не вышел? Вроде не самый хилый.

– Так-то оно так, – с сомнением произнес Васька Волк, вновь пристально оглядывая коренастую, но не слишком высокую фигуру своего поединщика, – не обижайся, боярин. Вот если бы росту бы тебе вершков десять добавить, тогда вышел бы как есть богатырь.

– Ростом, значит, не вышел, – нехотя согласился Кондрат, втыкая оба клинка в землю, – вот уж не думал. Но не привык я отступаться от своего. Дай хоть попробовать, если у тебя такой меч имеется.

– Отчего не дать. У меня все имеется, – хитро ухмыльнулся кузнец.

Сходив в кузницу, учитель, вновь поверженный своим учеником, принес оттуда меч, доходивший Евпатию почти до пояса. Весил он тоже немало. Попытавшись им вращать как обычным мечом, боярин быстро устал. Но даже после того, как учитель показал ему, как надо работать таким мощным мечом, Евпатий больших успехов не достиг. Разве что смог развалить напополам круглый щит, по которому недавно из арбалета упражнялся.

– Хорошая вещь, – подытожил свои потуги боярин, – но ты прав, кузнец. Покажи, что у тебя еще в закромах пылится.

Завершив на том занятия на мечях, весь остаток дня бывший атаман, как ни странно, посвятил теории военного дела. Он на всякий случай «напомнил» потерявшему память боярину, из чего делают кольчуги и кожаные куртки для простых ратников. Какие щиты, шлемы, мечи, копья и топоры бывают, и чем из них лучше биться при обороне, а что лучше в нападении. Кондратий не зря потратил полдня, так как узнал для себя в тот вечер много нового. Оказывается, он и не подозревал в своей прошлой военной жизни, каким количеством остро оточенного оружия можно пустить врагам кровь. В скрытом арсенале у местного кузнеца, помимо знакомых уже мечей и длинных ножей, нашлись кинжалы разных видов и длины,

сабли и даже серпы, которыми можно было рассечь противника не хуже меча. Серп в умелых руках – страшное оружие. Также узрел боярин в тайниках бывшего атамана булаву с шипами, так любимую всадниками, ибо ей можно было легко замесить человека, превратив его в безжизненный кулек мяса и переломанных костей. А также кистень со смертоносным грузом на прочной цепи в виде увесистой звездочки из металла.

– Да у тебя тут оружия целую ватагу можно вооружить, – заметил вскользь боярин, – куда тебе столько? Может, заказ чей?

– Может, и заказ, – туманно ответил Васька.

– Ой, смотри, учитель, – пригрозил боярин, – покамест я про то забуду за услуги твои. Но если, не дай бог, всплывет что худое против князя нашего, – не взыщи.

– Не бойсь, боярин, – отмахнулся кузнец, – не всплывет.

Вечер учитель и ученик провели за долгим разговором. На сей раз, по случаю окончания «курса молодого бойца», бывший атаман позволил своему ученику не только отведать кабаньего мяса, но даже хлебнуть медовухи. А когда язык немного развязался, Кондратий стал засыпать своего учителя вопросами о том, где и когда Васька приобрел свой боевой опыт. Но, несмотря на неделю, проведенную в обучении, и отсутствие посторонних ушей, вывести удалось немного. Васька лишь повторил свою историю о том, что некогда ушел из дому и оказался в разбойниках. Но где был его родной дом, не сказал. А потом грабил караваны на море, что шли с Византии на Русь. О том, как попал к франкам, от которых узнал про арбалет, тоже смолчал. Обмолвился лишь, что участвовал однажды в морском налете на южное побережье в тех местах. По всему выходило, что Васька Волк пиратствовал на морях аж до самой Испании и был у тех разбойников атаманом. Но вдруг что-то пошло не так. Может, дорогу кому перешел из сильных мира сего, – врагов у него должно быть немало, – да награду за его буйную голову дали хорошую. Вот и пришлось рвать когти. А только кончилось все тем, что оказался он вновь на Руси без денег, да забросил свои лихие привычки. Свидетелей его злодеяний здесь не нашлось, только по слухам и судили, а потому и жить спокойно дозволили. Поначалу Васька в охрану нанимался к купцам, а потом и вовсе освоил кузнечное ремесло, осев в здешних лесах подальше от любопытных глаз. То ли правда образумился, то ли скрывал много больше, чем рассказывал.

Сидя у костра, смотрел захмелевший Кондрат на своего учителя поневоле и по холодному блеску в глазах мужичонки не слишком грозного вида чувствовал, что есть за ним какое-то нерешенное дело. Похоже, не до конца забыл свои прежние привычки и друзей лихой атаман. Но выходило, что расскажет о них Васька Волк начистоту рязанскому боярину, только если тот его с каленым железом пытать будет. Да и то не факт. И решил Евпатий эту загадку отложить пока, дела сейчас имелись другие. Срочные. А насчет кузнеца, может, он и ошибался. Мало ли что в лесу от медовухи пригрезится.

– Интересный ты человек, Васька, – сказал Евпатий, прекратив, наконец, свои расспросы, – даст бог, поговорим еще с тобой о многом. Но позже.

На следующий день после полудня должны были явиться приказчики Коловрата с охранниками и золотом за обучение. В свой последний день в кузне у Васьки Евпатий неожиданно поменялся с ним ролями. Больно Васька стал упрашивать его научить той борьбе, с помощью которой «неразумный» боярин разбросал и покалечил все его воинство да голыми руками обезоружил самого атамана.

– Арбалеты мне сделаешь, если покажу? – попросил взамен боярин, натягивая вновь свои красные сапоги, семь дней провалявшиеся под лежанкой в кузне. – Тогда научу. Уговор?

Долго мялся Васька. Но он был неглуп. Тоже понимал, что боярин ему непростой попался. И без него о сем оружии откуда-то много проведал. А потому деваться бывшему атаману, а ныне кузнецу, было некуда. И он скрепя сердце кивнул.

– Если деньгой поделишься.

– Ладно, поделюсь. Тогда я тебе сейчас дам первый урок. На прощание.

И построив на поляне перед кузней всех ее обитателей, кроме одного, с мечами, серпами и копьями, Кондрат велел им атаковать себя безоружного. А когда все они осторожно, охватив его полукольцом, двинулись вперед в надежде отомстить за нанесенные увечья, поверивший в свои силы и просветлевший головою боярин от души вломил им всем еще раз по первое число. Вспомнив все, чему его когда-то учили в прошлой жизни на занятиях по самообороне без оружия. Давно он так не отрывался. Но натерпевшаяся за неделю обучения душа требовала воздаяния за науку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.